

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Языкознание
Выпуск 10(36)*

Горловка
2020

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д. филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор), д. филол. н., доц. Александрова И. В., д. филол. н., проф. Борисова Л. М., к. филол. н., доц. Бревнова С. В., д. филол. н., проф. Ворожбитова А. А., д. филол. н., проф. Герасименко И. А., д. филол. н., проф. Дербенёва Л. В., д. филол. н., проф. Дяговец И. И., д. филол. н., доц. Иванова Н. П., д. филол. н., проф. Калинин В. М., д. филол. н., проф. Кораблёв А. А., д. филол. н., доц. Курьянов С. О., д. филол. н., проф. Синельникова Л. Н., д. филол. н., проф. Теркулов В. И., д. филол. н., проф. Фёдоров В. В., к. филол. н., доц. Волосевич С. П., к. филол. н., доц. Жихарева Н. А., к. филол. н., доц. Фефелова В. В., к. филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор), к. филол. н. доц. Решетарова И. В., д. филол. н., проф. Фоменко В. Г., к. филол. н. Ивахненко М. Н.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 9 от 27.05.2020)*

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

Сборник внесён в рекомендованный ВАК Минобрнауки ДНР перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (Приказ № 1134 Минобрнауки ДНР от 01.11.2016).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Восточнославянская филология : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО В76 «Горловский ин-т иностр. языков» ; Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 10(36). Языкознание. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020. – 228 с.
ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

**УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0**

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2020

УДК 811.161.1

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ
КОМПОНЕНТОВ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О РАБОТЕ
В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ РЕСУРСАХ
ДОНЕЦКОГО КРАЯ**

Многие учёные указывают на коммуникативный характер текста. Так, О. Д. Вишнякова отмечает, что «текст может быть определён как речевое коммуникативное образование, функционально направленное на реализацию внеязыковых задач» [1, с. 183]. Текст как сообщение передаётся от адресанта к адресату. Воспринимая и понимая полученную информацию, адресат вступает в прагматические отношения с адресантом. Извлечённая из текста информация может оказать на адресата некое воздействие, вызвать реакцию, побудить к действию. Подобный коммуникативный эффект можно описать как прагматический потенциал текста [3, с. 209]. Для того чтобы применять прагматический потенциал текста в собственных целях, автор сообщения выбирает такую лексику, которая обладает нужной семантикой, и строит текст так, чтобы образовать смысловое единство.

Существуют различные типы текста, в каждом из которых отображены характерные особенности жизни социальных групп, лиц. По мнению многих отечественных лингвистов объявление считается особым видом текста [10; 14]. Исследователи вслед за немецким лингвистом Э. Гроссе отмечают, что объявление относится к типу текста с доминантой побуждения к совершению адресатом действия, предлагаемого автором сообщения [14, с. 195].

Цель статьи – исследовать лексические особенности структурных компонентов частных объявлений о работе в современных масс-медийных ресурсах Донецкого края. Материалом исследования выступили частные объявления, размещённые на сайте olx.ua, рубрика «Работа» (местоположение – Донецкая область: Макеевка, Горловка, Енакиево, Дебальцево, Торез, Снежное, Шахтёрск, Ждановка, Докучаевск, Амвросиевка, Ясиноватая, Донецк, Харцызск, Кировское, Зугрэс, Новоазовск).

Актуальность работы заключается в значимости исследования функционирования письменной формы русского языка в современном масс-медийном пространстве Донецкого края, а также в рассмотрении лексических черт структурных

компонентов частных объявлений, которые используются на сайте olx.ua (рубрика «Работа»). Данный аспект является недостаточно изученным, поэтому представляет интерес для современных лингвистических исследований.

Объект исследования – язык структурных компонентов частных объявлений о работе в современных масс-медийных ресурсах Донецкого края.

Предмет исследования – лексические черты структурных компонентов частных объявлений о работе в современных масс-медийных ресурсах Донецкого края.

Объявление о работе отображает трудовые отношения в обществе, его потребности и ценности. Ознакомившись с объявлениями о работе, адресант может извлечь нужную ему информацию о том, какие профессии и навыки являются востребованными в настоящее время, какова средняя заработная плата в разных областях трудовой деятельности. Кроме этого, объявления о работе дают представление о том, какие есть фирмы и компании, в какой сфере жизнедеятельности они действуют. Так, Е. К. Достовалова приводит пример из практики, говоря о том, что был случай, когда фирма специально разместила объявления о поиске работников на заранее закрытые должности с целью напомнить о своем пребывании на рынке труда с помощью масс-медийных ресурсов [2, с. 125].

Тем не менее главной целью размещения объявлений о работе является оповещение конкретного круга читателей о наличии свободной вакансии, готовности рассмотреть кандидата и побуждение адресата к совершению действия. Таким образом, объявления о работе – это коммуникативная ситуация, в которой присутствует автор речевого текста, адресат и цель, которая их объединяет. Вследствие этого такой тип текста характеризуется идейно-смысловым единством.

Для того, чтобы поставленная автором задача верно реализовалась, необходимо правильное с точки зрения коммуникативной ценности сообщение. Что касается объявлений о работе, то в них учитываются стандарты, сформировавшиеся для такого типа текста. К этим стандартам относятся малая форма, информативность и использование соответствующих лексико-семантических средств. Тем не менее жанр объявления о работе предоставляет автору применять довольно широкий набор языковых средств с целью выражения своих намерений и побуждения читателя к ответному действию.

Объявления о работе, которые были отобраны для анализа, подтвердили наше предположение об ограниченности формата данного типа текста и наличии конкретной структуры

сообщения. Действительно, для текста объявления о работе характерна определенная структура: во многих из рассмотренных объявлений кратко охарактеризована компания работодателя, в каждом тексте объявления присутствует основной текст сообщения, который включает в себя сжатое описание вакансии и список требований к кандидату. Таким образом, информация направлена на заинтересованного читателя, который извлекает из объявления о работе те сведения, которые ему необходимы.

Каждое из рассмотренных нами объявлений о работе содержит заголовок с указанием должности, которая соотносится с тематикой рубрики, например: оператор, требуется супервайзер, требуется помощник бухгалтера, диспетчер на линию, веб-программист, оператор на входящие звонки. Следующим компонентом многих текстов объявлений выступает описание фирмы-работодателя, где адресант даёт сведения о том, чем занимается компания и какой она имеет опыт работы в той или иной области. Рассмотрим несколько примеров той части объявления, где автор сообщает о себе:

- «Успешная Компания «100Клиентов» набирает в штат целеустремленных и активных сотрудников» [7];
- «Присоединяйтесь к известному федеральному аутсорсинговому колл-центру Smarter! За 6 лет работы мы реализовали проекты для Ростелекома, Совкомбанка, Росбанка, Тинькофф банка, РивГоша, Лаборатории Касперского, Амедиа. У нас есть как офисные сотрудники, так и работающие в режиме домашнего офиса по всем странам СНГ. Вы можете работать в комфортной для вас обстановке и не тратить время на дорогу и обеды» [13];
- «Крупной дистрибьюторской компании на постоянную работу требуется супервайзер» [11].

Очевидно, что компании презентуют себя с хорошей стороны, так как они желают сохранять лидерство на рынке, а также укреплять свой имидж. Создание позитивного образа фирмы-работодателя в рассматриваемой части объявлений о работе достигается лексическими средствами языка, в числе которых оценочные прилагательные типа успешный, известный, крупный. Использование этих и подобных лексем направлено на то, чтобы заинтересовать многих читателей-претендентов на замещение должности.

Текст самого сообщения о вакансии зачастую следует за презентацией работодателя, в нём идёт речь о должности и круге обязанностей, которые ей принадлежат. В этой части объявления может использоваться прямое обращение к читателю, которое реализуется на синтаксическом уровне с помощью вопросительных

предложений. Подобный способ прямого обращения к читателю индивидуализирует личность адресата и является выражением стратегии работодателя, который направлен на привлечение внимания и побуждение к отклику на вакансию. Ср.:

«Вы любите проводить время в соц. сетях? На этой вакансии за это еще и платят заработную плату» [8].

В некоторых объявлениях о работе автор использует такую тактику, которая сводится к предложению каких-либо выгодных для кандидата возможностей, например, карьерного роста. Например:

«Возможность карьерного роста, повышение квалификации» [12].

Положительная оценка перспективности вакансии выражена не только с помощью позитивно воспринимаемых читателем существительных типа *развитие, совершенствование*, которые передают семантику движения вперед, изменения к лучшему, но и эмотивными прилагательными, в числе которых слова *успешный, лучший*. Ср.:

«Лучшим менеджерам гарантируем быстрый карьерный рост до РОПа, где высокая ответственность, зарплата и много развития!» [4].

«Ежедневное совершенствование в сфере продаж и конечно, корпоративное обучение» [5].

«У Вас есть все шансы стать успешным специалистом в сфере продаж недвижимости» [9].

«Мы поддержим и поможем стать лучшим из лучших!» [6].

В тексте о вакансии также идёт речь о должности и сфере обязанностей, которая связана с ней. В заголовке, как правило, представлен значимый и очень распространенный пункт – описание требований к кандидату на свободную вакансию. Все качества потенциального клиента можно систематизировать в виде четырёх групп, так как требования, предъявляемые работодателями в данной части объявления, наиболее многообразны и обширны. Рассмотрим наиболее частотные лексемы, отображающие предъявляемые к кандидату на вакантную должность качества и способности:

1. Интеллект кандидата: быстро обучаемый, решительный, имеет хорошую память, творческий, уверенный в себе, целеустремлённый, развитое логическое мышление, самомотивированный.

2. Особенности психики кандидата: активный, стрессоустойчивый, энергичный, динамичный, самоконтроль.

3. Коммуникативные навыки кандидата: коммуникабельный, командный дух, умение и желание много общаться по телефону,

консультирование клиентов по телефону, доброжелательный, толерантный.

4. Отношение кандидата к работе: ответственный, желание работать на результат, навыки организации, соблюдение жёстких сроков, навык оперативного решения производственных вопросов, работать под давлением, продвинутый в организаторских навыках, быстрый темп работоспособности, продуктивный, многозадачный, эффективный, преданный делу.

Анализ материала показывает, что характеристики возможного кандидата могут быть выражены разнообразием лексических. Описание черт кандидата является нейтральным, объективным: нет оценочных, эмоционально-экспрессивных языковых знаков. Работодатель в объявлении использует в основном именные словосочетания (поставленная грамотная речь, нестандартные решения, желание работать и развиваться) и одиночные относительные прилагательные (инициативный, коммуникабельный, целеустремлённый, позитивный). Необходимо отметить, что в проанализированных объявлениях о приёме на работу количество прилагательных с позитивной семантикой, с помощью которых описывается кандидат, преобладает: 48 случаев из 50. Лишь в двух объявлениях использовалась лексика с негативной семантикой: *если Вы овен или телец – мы не сработаемся. Поэтому даже не пытайтесь отправлять резюме; нарушения субординации терпеть я тоже не буду; и да, если Вы обидчивы и не терпите критику, мы не сработаемся. Потому что то, что мне не нравится я говорю в лоб* (пунктуация сохранена. – И. Г.).

Нередко адресант указывает необязательные требования к навыкам претендентов, которые выражены с помощью клишированных речевых оборотов типа *желательно, но не по существу* (либо *желательно*). Подобное указание увеличивает возможность найти наиболее подходящего кандидата, так как оно в мягкой форме определяет оптимальный набор навыков, в то же время оставляя мотивацию у тех, кто не отвечает требованиям.

Итак, анализ материала свидетельствует о том, что результат, успех воздействия текста объявления о работе на читателя зависит от выбора автором соответствующих лексических единиц. Данный аспект требует дальнейшего изучения, что и будет нами предпринято в дальнейшем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишнякова, О. Д. Язык и концептуальное пространство / О. Д. Вишнякова. – М. : МАКС Пресс, 2002. – 377 с.
2. Достовалова, Е. К. К вопросу о прагматическом потенциале объявлений / Е. К. Достовалова // Известия Уральского федерального университета. – Серия 1. «Проблемы образования, науки и культуры». – 2010. – № 6-1. – С. 125-127.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Менеджер по продажам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/menedzher-po-prodazham-udalenno-ezhenedelnaya-zp-IDGTznv.html#cd1ae19594> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
5. Менеджер по продажам (электротехника) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/menedzher-po-prodazham-elektrotehnika-IDEBRV3.html#c9ecdaf01e> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
6. Менеджер по продажам в офис на исходящие звонки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/menedzher-po-prodazham-v-ofis-na-ishodyaschie-zvonki-IDBmwv7.html#253e619d2e;promoted> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
7. Оператор Call-центра по работе с клиентами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/operator-call-tsentra-po-rabote-s-klientami-stavka-bonusy-ot-10000r-IDF7X4I.html#d48ce62ec4;promoted> (дата обращения: 11.01.2020 г.).
8. Оператор ПК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/operator-pk-IDGLb5D.html#cdad167080> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
9. Предлагаем высокий доход! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/predlagayem-vysokiy-dohod-IDGRja5.html#cd1ae19594> (дата обращения: 27.01.2020 г.).
10. Провоторов В. И. Лингвотекстовые особенности речевого жанра объявление : автореф. дис. ... канд. филол. н. / В. И. Провоторов. – М., 1991. – 24 с.
11. Супервайзер. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/supervayzer-IDGGqTw.html#a1e41c3d05> (дата обращения: 11.01.2020 г.).
12. Требуется оператор колл-центра: Домашний офис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/trebuetsya-operator-koll-tsentra-domashniy-ofis-IDAWojo.html#cdad167080;promoted> (дата обращения: 27.01.2020 г.).

13. Требуется оператор колл-центра: Домашний офис. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.olx.ua/obyavlenie/trebuetsya-operator-koll-tsentra-domashniy-ofis-IDAWojo.html#ac8eb3da7f> (дата обращения: 11.01.2020 г.).
14. Филиппов, К. А. Лингвистика текста / К. А. Филиппов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003 – 334 с.

АННОТАЦИЯ

Герасименко И. А. Лексические особенности структурных компонентов частных объявлений о работе в современных масс-медийных ресурсах Донецкого края

В научной работе излагается суть теоретических исследований о месте и значимости жанра «объявление» в общей типологии текстов. Объявления о работе рассматриваются как особый тип объявлений, который обладает высоким прагматическим потенциалом. Анализируется структура объявлений о работе и языковые средства, с помощью которых формируется текст.

Ключевые слова: лексика, семантика, объявление, работа, текст, коммуникативный, адресат, адресант, ресурс.

SUMMARY

Gerasimenko I. A. Lexical features of the structural components of private job ads in modern media resources of the Donetsk region

The scientific work outlines the essence of theoretical research on the place and significance of the «announcement» genre in the general typology of texts. Job advertisements are considered as a special class of announcements that has high pragmatic potential. The structure of job advertisements and the language means by which the text is compiled are analyzed.

Key words: vocabulary, semantics, announcement, work, text, communicative, addressee, addresser, resource.

А. Г. Голодов
(г. Рязань, РФ)

УДК 811.112(05)

**ИМПЛИЦИТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМА
«ГИТЛЕР» В КАЧЕСТВЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО
НЕГАТИВНОГО ЯРЛЫКА
(на материале немецкой массовой прессы)**

Информационная война стала в последние годы, пожалуй, самым главным компонентом международных отношений. Бои на информационном фронте не утихают, а у информационной войны образовался даже свой собственный субязык, исследование которого следует отнести к задачам политлингвистики. Он существенно отличается от традиционного языка дипломатии, поскольку его целью является не достижение компромиссов и договорённостей в процессе переговоров, а диффамация противника (не партнёра) и достижение односторонних уступок, а в идеале – полной геополитической и экономической капитуляции противника.

Исходной для западных СМИ при этом является предпосылка, что любое государство, декларирующее свою «прозападность» и противопоставляющее себя России, виноватой стороной в любом конфликте быть не может (и не должно, по мнению западных элит). Следовательно, Россия априори виновата в любом конфликте и в любой ситуации.

Диффамация неугодных или неудобных для Запада политиков с помощью некорректных сравнений с самыми одиозными политиками в истории человечества, т.е. своего рода антропонимическая демонизация, часто осуществляемая с помощью некорректного сравнения или прямого навешивания своего рода «ярлыка». Она стала одним из апробированных приёмов информационной войны и традиционным методом западной пропаганды.

Антропоним «Гитлер» уже много лет выступает в качестве универсального негативного маркера, фактически ярлыка, который можно навесить по любому поводу на любого неудобного политика в угоду политической целесообразности. В этом случае неугодные политические лидеры ставятся на одну ступень с Гитлером и его режимом (происходит своего рода «гитлеризация»). В качестве оправдания такого сравнения выискиваются различные исторические параллели, которые искажаются для достижения поставленной цели.

Немецкий журналист Михаэль Людерс пишет, что «сравнение с Гитлером является при этом как излюбленным, так и эффективным средством для достижения цели – разговаривать с преступниками такого калибра, или тем более вести с ними переговоры было бы миротворением (appeasement), предательство ценностей (Verrat an der Werten), за которые выступает Запад» [Lüders, 2015: 8].

Он утверждает, что первым, кого Запад демонизировал, назвав «вторым Гитлером» (zweiter Hitler), был премьер-министр Ирана Мосаддык (Mossadegh). В 1951-52 гг. он провёл национализацию нефтедобывающей промышленности страны, которую контролировала Великобритания. Мосаддык был смещён в результате путча, организованного спецслужбами США и Великобританией.

Следующим Гитлером был «назначен» египетский президент Гамаль Абдель Нассер, который в 1956 году национализировал Суэцкий канал. Таким образом он вызвал на себя огонь французских и английских инвесторов. Гамаль Абдель Нассера, в отличие от Мосаддыка, англичанам и французам свергнуть не удалось.

«Последней четвёркой в этом списке стали: иракский президент Саддам Хуссейн, иранский Ахмадинежад, сирийский Башар Асад и российский Владимир Путин» [Lüders, 2015: 8].

Дискредитирующие ярлыки можно подразделить на своего рода узуальные, т.е. используемые на протяжении многих лет в качестве диффамирующей лексики, и окказиональные. Последние появляются ситуативно, в зависимости от международной политической конъюнктуры. В качестве негативного ярлыка используются имена политиков, которые по каким-либо причинам рассматриваются евроатлантической элитой на определённом этапе развития международных отношений как враждебные и чужеродные, не вписывающиеся в представления «цивилизованного мира». Таким образом возникают ситуативные ярлыки, ставшие как бы маркером определённой эпохи.

Традиционным и популярным «узуальным ярлыком» можно считать антропоним «Гитлер», который после 1945 года стал именем нарицательным и универсальным обозначением реальных злодеев высокого международного уровня или же тех, кто не соответствует критериям («ценностям»), изобретённым евроатлантическим сообществом.

Следовательно, ярлык «Гитлер» можно рассматривать в качестве исходного дискредитирующего. С его помощью дискредитируется любой неугодный евроатлантической элите политик. При этом имя уже дискредитированного политика через некоторое время само может стать «вторичным ярлыком»,

который, в свою очередь, используется для дискредитации других негодных и неудобных.

Данная цепочка может иметь продолжение. Так, в основном косвенные сравнения с Гитлером президента В. Путина привели к тому, что в западных СМИ уже и его имя стало применяться в качестве дискредитирующего ярлыка, например, по отношению к турецкому президенту Эрдогану (*Erdogan macht Putin*) или венгерскому премьеру Виктору Орбану.

В качестве оправдания для применения жёсткого политического узуального ярлыка «Гитлер» выискиваются различные исторические параллели, которые могут как угодно интерпретироваться и даже полностью искажаться для достижения поставленной цели. Это явление вполне можно назвать антропонимической диффамацией [Голодов 2019: 15].

Попытка создать тождество ярлыков Путин = Гитлер приводит автоматически к постепенному отождествлению Третьего рейха (гитлеризма) и СССР (сталинизма) и соответственно уравнивания их вины в развязывании Второй мировой войны, что призвано скрыть вину практически всей Европы в развязывании Второй мировой войны и участие в ней (в прямой или косвенной форме).

Вследствие такого уравнивания двух понятий «гитлеризм» и «сталинизм» появились два узуальных ярлыка – «Гитлер» – узуальный частотный традиционный ярлык и «Сталин» – узуальный нечастотный традиционный ярлык. Однако частотность применения последнего показывает тенденцию к увеличению, чему активно способствуют не только евроатлантические «партнёры», но и свои собственные либералы, которых не без основания некоторые называют «пятой колонной».

Параллельно этому процессу в современных западных СМИ набрал силу и другой процесс – дискредитация самой истории за счёт создания дискредитирующего ярлыка. Идёт всё более наглая попытка за счёт фальшивой интерпретации исторических событий создать второй универсально-узуальный ярлык, равный по уровню дискредитации ярлыку «Гитлер». Здесь речь идёт об уравнивании негативной роли в истории Гитлера и Сталина, фактически о полной нейтрализации решающей роли СССР в уничтожении мирового зла – фашизма.

Естественно, если ярлык «Сталин» = ярлыку «Гитлер», то и Третий рейх = СССР. На это направлена и попытка «тотальной десталинизации», проводимая определёнными кругами в России, которые готовы признать «вину сталинского СССР» в развязывании Второй мировой войны. Ярлык «Сталин» пока

ещё довольно редко используется для дискредитации любого авторитарного политика, начиная с российского президента.

Возможно, причиной такой «сдержанности» является факт растущей популярности Сталина в России в ответ на «тотальную десталинизацию». Таким образом, попытка использовать антропоним «Сталин» в качестве дискредитирующего ярлыка по отношению к В. Путину могла бы вызвать обратный эффект – повысить популярность последнего за счёт уже отмеченной выше тенденции к росту популярности самого Сталина (это явление напоминает протестное голосование).

Раскрученный евроатлантической элитой тренд имеет и оборотную сторону – за счёт навешивания ярлыка «Гитлер» на явно не адекватных ему «по уровню негативизма» политиков (и соответственно государств) предпринимается интенсивная попытка обеления не только роли гитлеровской Германии, но и большинства государств «цивилизованной Европы» (фактически «первый вариант Европейского союза»), которые прямо или косвенно во Второй мировой войне были на стороне немецкого нацистского режима. Таким образом должно утвердиться общественное мнение, что евро-нацистская система была не такой уж и жуткой, поскольку её противник (СССР) был не лучше.

Свидетельств раскручивания такой тенденции более чем достаточно. Один из примеров – 9 января 2020 года сейм Польши уравнивал ответственность Германии и СССР за начало войны: «Сейм Польши – нижняя палата парламента – принял в четверг резолюцию о том, что СССР наравне с гитлеровской Германией виноват в начале Второй мировой войны... Начало Второй мировой войны было вызвано двумя тоталитарными державами того времени: нацистской Германией и сталинским Советским Союзом, и после заключения печально известного пакта Риббентропа–Молотова 23 августа 1939 года первыми жертвами обоих тоталитарных режимов стали Польша и страны Центральной и Восточной Европы...» [https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-zanachalo-voiny?utm_source=smi2]-

Ещё раньше, 19 сентября 2019 года Европейский парламент принял резолюцию, в которой Советско-германский договор о ненападении 1939 года объявлен причиной Второй мировой войны.

Во многом такое наглое извращение исторических фактов стало возможным из-за более чем сдержанной по отношению к «братским социалистическим странам и союзникам» дипломатической риторики ещё со времён СССР. Имеется в

виду замалчивание многих негативных фактов, которые могли бы как-то дискредитировать тогдашних «союзников». Кстати, то же самое можно говорить и о замалчивании многих «подвигов» украинских националистов во время Отечественной войны, о которых только теперь начали вспоминать.

Таким образом, мы наблюдаем «обратную логику» – исходя из уравнивания вины России (как правопреемника СССР) и нацистской Германии создаётся диффамирующий ярлык Путин, который в различных вариантах сопоставляется с Гитлером.

Узуальный ярлык «Гитлер» может применяться как эксплицитно, так и имплицитно. В первом случае соответствующий политик непосредственно ассоциируется с Гитлером: Путин = Гитлер. Это очень жёсткий вариант, поскольку происходит прямое отождествление, т.е. неудобный политик просто называется Гитлером.

Немецкая пресса (и не только массовая) до сих пор избегала прямого отождествления – Путин = Гитлер, поскольку это могло бы спровоцировать дипломатический скандал и международно-юридические последствия, так как в этом случае речь шла бы о прямом оскорблении.

Имплицитный вариант менее жёсткий, чем первый, поскольку это уже сравнение – Путин как Гитлер (*Putin wie Hitler*), т.е. президента сравнивают с Гитлером, «не награждая» данным ярлыком.

Как уже было отмечено выше, на прямое «присвоение» одиозного титула западные политики и СМИ пока ещё (как долго?) не решаются. Они предпочитают несколько более «полит-корректный вариант» – имплицитный.

Имплицитное применение основано на ассоциации: «Путин поступил как в своё время Гитлер», т.е. в этом случае за основу берётся какой-нибудь исторический факт (например, аннексия Судетской области Чехословакии или Австрии), который для всех ассоциируется с преступлениями Гитлера и его режима. Таким образом предпринимается попытка приравнять к преступному деянию фюрера какой-либо внешнеполитический шаг Путина (например, воссоединение Крыма с Россией). Фактически метод навешивания ярлыка в данном случае применяется в комплексе с использованием некорректных параллелей.

Имплицитный вариант, конечно же, более слабый по сравнению с эксплицитным, поскольку любое сравнение представляет собой ослабленный вариант «прямого навешивания ярлыка», своего рода «косвенный ярлык».

Возможен и следующий этап – использование уже самого антропонима Путин в качестве ярлыка, заменяющего в отдельных

ситуациях узуальный ярлык Гитлер, но это тема отдельного исследования.

В принципе дело даже не в Путине, которого на сегодняшний день на Западе ассоциируют с Россией. Подобная вербальная атака с навешиванием ярлыка «Гитлер» могла бы быть предпринята по отношению к любому российскому президенту независимо от его имени, который делал бы аналогичные попытки выйти из-под евроатлантического влияния, в которое Россия попала в девяностые годы.

Очевидно, что навешивание ярлыка (эксплицитного или имплицитного) представляет собой наиболее жёсткий вариант употребления дискредитирующей лексики. «Технология» применения ярлыка «Гитлер» не меняется с годами – любой приходящий евроатлантический политический деятель считает себя вправе навешивать этот ярлык на неугодного политика, даже если тот был союзником или партнёром, но вдруг стал неугодным в результате каких-либо событий в определённый период времени. При этом «Морально-теоретическим базисом» для такого полит-лингвистического поведения служит постулат: «Запад всегда и во всём прав».

В статье: «БРИТАНСКИЙ МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СРАВНИВАЕТ ПУТИНА С ГИТЛЕРОМ (*BRITEN-AUßENMINISTER VERGLEICHT PUTIN MIT HITLER*)» читаем: «Конфликт Москвы и Великобритании обостряется! Теперь британский министр иностранных дел Борис Джонсон сравнил российского президента Путина с Адольфом Гитлером. Джонсон сказал, что его тошнит при мысли о том, что Путин может использовать в качестве инструмента пропаганды Олимпийские игры в Москве в 2018, как Гитлер использовал Олимпийские игры в Берлине в 1936».

Оригинальный текст

«Jetzt verglich der britische Außenminister Boris Jonson den russischen Präsidenten Putin mit Adolf Hitler. Jonson sagte, er müsse brechen bei dem Gedanken daran, dass Putin die Olympischen Spiele in Moskau 2018 als Propaganda-Instrument nutzen könnte wie Hitler die Olympischen Spiele 1936 in Berlin» [BILD, 22.03.2018: 2].

Британский министр при этом забывает упомянуть факт участия многих западных демократий в пропагандистско-олимпийском мероприятии фюрера в 1936 году в Берлине. Никого из представителей цивилизованного Запада тогда «не тошнило», когда они стояли рядом с нацистским руководством под знамёнами со свастикой. Для негативного сопоставления используется выборочный факт и его абсолютно произвольная трактовка.

В другой статье: «МЕРКЕЛЬ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ ПУТИНА: «ОТКАЖИТЕСЬ ОТ ЛЮБОГО БУЛАВОЧНОГО УКОЛА» (MERKEL WARNT PUTIN „JEDEN NADELSTICH UNTERLASSEN) упоминается имплицитное сравнение российского президента с фюрером Третьего рейха, которое позволила себе экс-кандидат в президенты США от демократической партии Хиллари Клинтон: «В Донецке прорусские демонстранты вновь заняли правительственное здание. Также на полуострове Крым штурмовали правительственные здания... Переполюх вызвала Хиллари Клинтон (66): По сообщениям СМИ бывшая министр иностранных дел сравнила властелина Владимира Путина (61) с Адольфом Гитлером: Если кому-либо покажется знакомым то, что Путин делает с Украиной, «это похоже на то, что Гитлер делал тогда в тридцатые годы».

Оригинальный текст

In Donezk besetzten prorussische Demonstranten erneut ein Regierungsgebäude. Auch auf der Halbinsel Krim wurden Regierungsgebäude gestürmt...

Für Aufregung sorgte Hillary Clinton (66): Die Ex-US-Außenministerin verglich laut Medienbericht Machthaber Wladimir Putin (61) mit Adolf Hitler: Wenn einem bekannt vorkomme, was Putin mit der Ukraine mache, „es ist das, was Hitler damals in den 30er-Jahren tat) [BILD, 6.03.2014: 2].

Бывший государственный секретарь США при оценке крымского кризиса не побоялась сделать спорное сравнение: Хиллари Клинтон сравнила российского президента с Адольфом Гитлером. Этим она заслужила аплодисменты главного американского русофоба – сенатора-республиканца Маккейна.

«Попытку провести параллели между гитлеровской Германией и Россией, которая в западных СМИ ассоциируется с антропонимом ПУТИН, сделал и принц ЧАРЛЬЗ, что, однако, вызвало далеко не однозначную реакцию даже в распропагандированном западном сообществе» [Голодов 2019: 17], что уже видно по самому заголовку статьи: «ПРИНЦ ЧАРЛЬЗ ПРОТИВ ЦАРЯ ПУТИНА. Сравнение с Гитлером раскалывает Королевство» (PRINZ CHSRLES GEGEN ZAR PUTIN. Hitler-Vergleich spaltet das Königreich).

Текст начинается с фразы, которая выделена шрифтом и подчёркиванием и задаёт тон всей статье: «Путин делает теперь примерно то же самое, как и Гитлер».

«Это (предположительно) предложение британского наследника престола вызвало политическое землетрясение. Что ТОЧНО принц Чарльз (65) проямил во время посещения музея в Канаде одной даме, никто не знает... Между тем Чарльз снова приземлился в Англии – в самый разгар дипломатической бури:

– Российское посольство в Лондоне заявило официальный протест, потребовало объяснения.

– Британское правительство хочет заглавить скандал. Вчера британские дипломаты вынуждены были отправиться в посольство Путина на кризисное заседание.

– Московские СМИ язвят о связи с нацистами королевского дома в тридцатые годы.

– Политики лейбористской партии требуют отречения Чарльза в качестве наследника престола. НО ЕСТЬ И ОДОБРЕНИЕ! Премьер-министр Дэвид Кэмерон (47): «Каждый имеет право на свою точку зрения!». Шеф лейбористской партии Эд Милибэнд (48): «Многие люди разделяют озабоченность принца Чарльза по поводу действий Путина на Украине».

Работавший на протяжении многих лет в Москве в качестве корреспондента издания «Экономист» Эдвард Лукас: «В тридцатые годы Уинстон Черчилль предупреждал о нацистской агрессии. Сегодня только принц Чарльз имеет мужество говорить правду...».

Оригинальный текст

(„Putin tut jetzt so ziemlich dasselbe wie Hitler!“

Dieser (angebliche) Satz des britischen Thronfolgers hat ein politisches Beben ausgelöst. Was GENAU Prinz Charles (65) bei einem Museumsbesuch in Kanada einer Dame muschelte, weiß niemand...

Inzwischen Charles wieder in England gelandet – mitten hinein in einen diplomatischen Sturm:

– Die russische Botschaft in London protestierte offiziell, verlangte eine Erklärung.

– Die britische Regierung will die Wogen glätten. Gestern mussten britische Diplomaten in Putins Botschaft zur Krisensetzung antreten.

– **Moskaus Medien ätzen über die Nazi-Verbindungen der Royals in den 30ern.**

– Politiker der Labour-Partei fordern Charles' Abdankung als Thronfolger.

ABER ES GIBT AUCH ZUSTIMMUNG!

Premierminister David Cameron (47): „Jeder darf seine Meinung vertreten! Der Chef der Labour-Partei Ed Miliband (48): „Viele Menschen teilen Prinz Charles' Besorgnis über Putins Vorgehen in der Ukraine.“

Der langfristige Moskau-Korrespondent des „Economist“, Edward Lucas: „In den Dreißigerjahren warnte nur Winston Churchill vor der Nazi-Aggression. Heute hat nur Prinz Charles den Mut, die Wahrheit zu sagen...“ [BILD, 23.05.2014: 7].

Завершая статью, авторы вспоминают Черчилля, который предупреждал о нацистской опасности, и проводят «позитивную параллель» с поведением наследника престола сегодня, т.е. практически оправдывают «предполагаемое сравнение» Путина с Гитлером.

При этом таблоид, упомянув в тексте тот факт, что «московские СМИ язвят о связи королевского дома с нацистами дома в тридцатые годы», не решился в конце статьи напомнить читателю о доказанной связи родственников принца с гитлеровской Германией, которой они явно симпатизировали. Как всегда, для таблоида (и тех, кто за ним стоит) важен не факт, а его интерпретация в свою пользу.

Возможен и смешанный вариант применения ярлыка «Гитлер» в сочетании с каким-либо второстепенным ярлыком. При этом второстепенный ярлык употребляется, как правило, эксплицитно, т.е. просто «присваивается» российскому президенту как «титул». Этим его применение отличается от имплицитного употребления ярлыка «Гитлер», который, тем не менее, остаётся самым жёстким и некорректным вариантом диффамации.

Данный вариант встречается довольно редко, поскольку авторы обычно делают выбор или в пользу жёсткого сопоставления с Гитлером, или «награждают» российского президента более «полит-корректным титулом» (ярлыком).

В статье: «КАК КРЕМЛЁВСКИЙ ШЕФ ОБМАНЫВАЕТ МИР. Кремлёвский властелин Владимир Путин выдаёт всё новые лживые утверждения» (*WIE DER KREML-CHEF DIE WELT BELÜGT. Tisch immer neue Unwahrheiten auf: Kreml-Machthaber Wladimir Putin*) применён целый набор негативных ярлыков для дискредитации российского президента:

- **Machthaber** (властитель);
- **Lügner** (лжец);
- **Kriegstreiber** (поджигатель войны);
- **Hitler** (Гитлер).

«Владимир Путин (62) лжец и поджигатель войны? Или же всего лишь непонятый спаситель своего отечества?»

Во время своего красноречивого выступления для ток-шоу «Günther Jauch» канала АРД (ARD – первый канал телевидения ФРГ) в воскресенье (5,6 миллионов зрителей) российский президент не злоупотреблял истиной – и извращал факты так, как его это устраивало.

– **Путин ледяным голосом:** «Абсолютно уверен, что Россия никаким образом не нарушала международное право».

Ложь! Правильно следующее: Армия Путина, как он сам признал, взяла Украину в клещи и заняла Крым. Лишь потом

прошёл референдум – под присмотром солдат. Если так смотреть на вещи, то также и «аншлюс» Гитлером Австрии в 1938 был законным...

Оригинальный текст

Ist Wladimir Putin (62) ein Lügner und Kriegstreiber? Oder bloß ein missverständener Retter seines Vaterlandes?

Bei seinem wortgewandten Auftritt vor dem ARD-Talk „Günther Jauch“ am Sonntag (5,6 Millionen Zuschauer) nahm es Russlands Präsident mit der Wahrheit nicht so genau – und drehte Fakten so, wie es ihm passte.

Der BILD-Lügencheck zu Putins wichtigsten Thesen:

– **Putin eskalt:** „Bin fest überzeugt, dass Russland in keiner Weise gegen Völkerrecht verstoßen hat“.

Lüge! Richtig ist: Putins Armee hat, wie er auch selbst gesteht, die Ukraine in die Zange genommen, und die Krim besetzt. Erst danach kam eine Volksbefragung – unter Aufsicht von Soldaten. So gesehen wäre auch **Hitlers** „Anschluss“ Österreichs 1938 legitim gewesen... [BILD, 18.11.2014: 2].

Уникальность анализируемого примера в том, что в нём мы находим сочетание сразу четырёх ярлыков: трёх эксплицитных: **Machthaber** (властитель) + **Lügner** (лжец) + **Kriegstreiber** (поджигатель войны) и одного имплицитного – **Hitler** (Гитлер).

В данном тексте используется классический вариант имплицитного применения ярлыка «Гитлер», основанного на ассоциации, т.е. «Путин поступил, как в своё время Гитлер». Здесь за основу сравнение в очередной раз использовано известное негативное событие, ассоциируемое с именем Гитлер – аншлюс Австрии (1938), и проводится параллель с воссоединением Крыма с Россией по результатам референдума. При этом у таблоида не возникло желания вспомнить о реальном аншлюсе ГДР к ФРГ, который прошёл без референдума в 1990 году.

Все три других ярлыка применены как обычно эксплицитно – на президента прямо навешивается соответствующий диффамирующий ярлык.

В заключение следует подчеркнуть следующее:

1. Используемые ярлыки можно подразделить на своего рода узуальные, т.е. используемые на протяжении многих лет в качестве диффамирующей лексики, и окказиональные. Последние появляются ситуативно, в зависимости от международной политической конъюнктуры. В качестве окказионального негативного ярлыка используются имена политиков, которые по каким-либо причинам рассматриваются евроатлантической элитой на определённом этапе развития международных

отношений как враждебные и чужеродные, не вписывающиеся в представления «цивилизованного мира».

2. ИмPLICITное применение ярлыка «Гитлер» основано на ассоциации: «Путин поступил, как в своё время Гитлер», т.е. в этом случае за основу берётся какое-либо негативное событие, ассоциируемое с именем фюрера Третьего рейха (например, аннексия Судетской области или Австрии), и предпринимается попытка приравнять к данному деянию конкретный внешнеполитический шаг Путина (например, воссоединение Крыма с Россией). Этот вариант более слабый по сравнению с эксплицитным, но последний официальными лицами евроатлантического сообщества и обслуживающими их СМИ по отношению к президенту России пока ещё не применялся, поскольку это было бы уже прямое оскорбление на уровне дипломатического скандала.

3. Обычно ярлык «Гитлер» употребляется как единственный в соответствующей статье, поскольку не нуждается в других средствах создания дополнительного негативизма. Реже встречается смешанный вариант применения ярлыка «Гитлер» в сочетании со второстепенным ярлыком, который употребляется, как правило, эксплицитно, т.е. просто навешивается на российского президента. Комбинированный вариант встречается реже, потому что выбор делается или в пользу жёсткого сопоставления с Гитлером, или российского президента «награждают» более «полит-корректным ярлыком».

4. Диффамация неудобных и неугодных политиков с помощью некорректного сравнения или прямого навешивания «ярлыка» является традиционным и испытанным приёмом информационной войны. В качестве оправдания такого сравнения выискиваются различные исторические квази-параллели, как правило, искажающие реальные факты. Можно предположить, что этот метод будет и в дальнейшем интенсивно использоваться западными СМИ в качестве одного из основных технологических приёмов информационной войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. БНРС – Большой немецко-русский словарь. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 1040 с.
2. Васильев А.Д. Очерки политической лингвистики. – Москва: Флинта, 2018. – 138 с.
3. Голодов А.Г. Язык информационной войны (на материале языка немецкой массовой прессы): монография. – Рязань: РГУ, 2015. – 195 с.

4. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе: монография. – Рязань: РГУ, 2019. – 195 с.
5. Голодов А. Г. «Футбольный фланг» информационной войны (на материале немецкой массовой прессы) // STUDIA GERMANICA. ROMANICA ET COMPARATISTICA. – Донецк: ДонГУ, 2018. – Том 14. Выпуск 2-3 (40-41). – С. 5-18.
6. Голодов А. Г. О методах ведения информационной войны в массовой прессе (на материале немецкого языка) // Вестник Рязанского университета им. С.А. Есенина: научный журнал. – Рязань, 2015. – Вып. 2 (33). – С. 104-115.
7. Golodov A. G. Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges // Иностранные языки в высшей школе: научный журнал. – Рязань: РГУ, 2017. – Вып. 3 (42). – С. 13-20.
8. Klempner, V. LTI. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 22. Auflage, 2007. – 385 S.
9. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. – München: Verlag C. H. Beck, 2015. – 176 S.
10. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. – München: Verlag C.H. Beck, 2016. – 175 S.
11. Scholl-Latour, Peter. Der Fluch der bösen Tat. – Berlin: Propyläen Verlag. 7. Auflage, 2014. – 351 S.
12. Ulfkotte, Udo. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. – 336 S.
13. [https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvinnost-germanii-i-sssr-zanachalo-voiny?utm_source=smi2]-

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. BILD, 22.03.2018, S. 2.
2. BILD, 6.03.2014, S. 2.
3. BILD, 23.05.2014, S. 7.
4. BILD, 18.11.2014, S.2.

REFERENCES

1. GWDR (1999). Großwörterbuch Deutsch-Russisch. – Moskwa: Verlag Russkij Jazyk, 6. Unveränderte Auflage. – 1040 S.
2. Wasiljew A.D. Otscherki polititscheskoj lingwistiki [Essays on Political Linguistics]. – Moskwa: Izd. „Flinta“, 2018. – 138 S. (In Russ).

3. Golodov, A. G. (2015). Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoy massovoy pressy) [The Language of Information War (on the Material of German Mass media)]: monografiya, Ryazan, RGU. 195 p. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2019). Informatsionnaya voyna protiv Rossii v nemetskoy massovoy presse [Information War against Russia in the German Mass Media]: monografiya, Ryazan, RGU. 195 p. (In Russ.).
5. Golodov, A. G. (2018). „Futbol’nyy flang“ informatsionnoy voyny (na materiale massovoy pressy) // STUDIA GERMANICA. ROMANICA ET COMPARATISTICA. Tom 14. Vyp. 2-3 (40-41). DonNU. Pp. 5-18. (In Russ.).
6. Golodov, A. G. (2015). O metodach vedeniya informatsionnoy voyny v massovoy presse (na materiale nemezkogo yazyka) // Nautschnyy zhurnal Vestnik rjayskogo universiteta im. S.A. Esenina. Ryazan. Vyp. 3 (42), Pp. 13-20. (In Russ.).
7. Golodov A. G. Anthropologische Diffamierung und diskreditierende Lexik als verbale Methoden des Informationskrieges [Anthropological Denigration and Vilifying Vocabulary]. In Inostrannyye yazyki v vysshey shkole: nautschnyy zhurnal. Ryazan. Vyp. 36(1). Pp. 13-20.
8. Klemperer, V. LTI. – Stuttgart: Philipp Reclam jun. GmbH & Co., 22. Auflage, 2007. – 385 S.
9. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens. – München: Verlag C.H. Beck, 2015. – 176 S.
10. Lüders M. Wer den Wind sät. Was westliche Politik im Orient anrichtet. – München: Verlag C.H. Beck, 2016. – 175 S.
11. Scholl-Latour, Peter. Der Fluch der bösen Tat. – Berlin: Propyläen Verlag. 7. Auflage, 2014. – 351 S.
12. Ulfkotte, Udo. Gekaufte Journalisten. Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien lenken. – Rottenburg: KOPP VERLAG, 2014. – 336 S.
13. [https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-zanachalo-voyny?utm_source=smi2]

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. BILD, 22.03.2018, S. 2.
2. BILD, 6.03.2014, S. 2.
3. BILD, 23.05.2014, S. 7.
4. BILD, 18.11.2014, S.2.

АННОТАЦИЯ

Голодов А. Г. Имплицитное использование антропонима «Гитлер» в качестве универсального негативного ярлыка (на материале немецкой массовой прессы)

В статье анализируется антропонимическая демонизация, осуществляемая с помощью некорректного сравнения с самым одиозными политиком в истории человечества. Навешивание дискредитирующего «ярлыка» стало апробированным приёмом информационной войны и представляет собой наиболее жёсткий вариант применения дискредитирующей лексики.

Ключевые слова: немецкая массовая пресса, антропонимическая демонизация, дискредитирующий ярлык, приёмы информационной войны, антропоним «Гитлер».

SUMMARY

Golodov A. G. Implicit application of anthroponym «Hitler» as a universal negative label (on the material of the German mass media)

The article analyzes anthroponymic demonization achieved by false comparison with the most odious politician in the mankind history. Discrediting labeling has become a time-tested method of information war and it represents the strictest variant of application of discrediting vocabulary.

Key words: German mass media, anthroponymic demonization, discrediting label, propaganda methods of information war, anthroponym «Hitler».

*О. Г. Каверина
(г. Донецк, ДНР),
Т. А. Сирота
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 378.14.007.2

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ

Современному рынку труда требуется мобильный высококвалифицированный специалист. Мобильный – выполняющий свою деятельность в условиях постоянно меняющихся требований профессионального мира. Высококвалифицированный – обладающий набором компетенций и компетентностей, освоенных на достаточном уровне для качественного выполнения профессиональной деятельности.

Известно, что профессиональная деятельность является особым уровнем и способом выполнения любого вида деятельности с опорой на социальный опыт поколений, то есть на культуру общества. Деятельность журналиста, регулируя систему отношений в обществе, обеспечивает накопление, хранение, реализацию и передачу в поколениях всего образовательного, воспитательного и культурного потенциала соответствующей отрасли. В рамках подготовки будущих журналистов к целостной профессиональной деятельности возрастает значимость развития общепрофессиональных умений, что становится не менее важной задачей вуза, чем усвоение содержания конкретных наук.

В ходе развития общепрофессиональных умений работать с информацией у будущих журналистов учитывалось влияние следующих факторов:

1) уровень общепрофессионального умения работать с информацией; требования, предъявляемые современным обществом к системе высшего профессионального образования в аспекте изучаемой проблемы развития общепрофессионального умения работать с информацией;

2) психолого-педагогические особенности развития общепрофессиональных умений у будущих журналистов;

3) специфика и возможности гуманитарных дисциплин в процессе развития общепрофессиональных умений работать с информацией;

4) методологические принципы компетентностного подхода как основополагающего компонента развития общепрофессионального умения работать с информацией [2].

Рассмотрим детально каждый из вышеперечисленных факторов.

Перед современной системой высшего профессионального образования ставится задача подготовки специалиста нового типа с широким кругозором, достаточным уровнем сформированности общепрофессиональных умений, которые позволяют решать практико-ориентированные задачи на основе информации, предъявляемой в разных видах, выявлять новые знания, формировать проблемы, моделировать способы их решения.

К общепрофессиональным умениям будущего журналиста, связанным с работой с информацией, относятся умения распознавания интересной тематики, умения сделать вывод, соотнести новую информацию с повседневными знаниями, умения ее критического осмысления, умения определить ложные или неправдоподобные сведения, свободно формулировать гипотезы и выводы.

Таким образом, общепрофессиональное умение работать с информацией – это, прежде всего, понимание и интерпретация материала, умение делать выводы, приводить аргументацию, формировать свою точку зрения.

Уровень сформированности общепрофессионального умения работать с информацией определяется как низкий, средний и высокий.

При оценке общепрофессионального умения работать с информацией для низкого уровня достаточно понять суть вопроса и информацию для его решения, для среднего – уметь рассуждать и принимать решения, для высокого – учитывать много условий и обосновывать свое мнение.

Следует отметить, что будущие журналисты на начальном этапе обучения в вузе демонстрируют невысокие результаты, что свидетельствует о том, что поставленная перед школой цель – подготовить выпускников к свободному использованию знаний в повседневной жизни – не достигается из-за отсутствия надлежащего внимания к практической составляющей обучения, следствием чего является недостаточный уровень сформированности практико-ориентированных умений.

В результате проведения опытно-экспериментальной работы были обозначены недостатки у будущих журналистов в сформированности ряда важных профессиональных (в т.ч. и общепрофессиональных) умений: осуществлять поиск информации, анализировать процессы проведения исследований; составлять прогнозы на основе имеющихся данных; интерпретировать факты; выявлять научные данные, лежащие в основе доказательств и выводов [1].

Психолого-педагогические особенности развития общепрофессиональных умений будущих журналистов связаны с сущностью их профессиональной подготовки, которая заключается в сочетании универсальной фундаментально-теоретической и многофункциональной профессионально-прикладной составляющих в контексте государственного заказа, способствующего углублению формирования требуемых профессиональных компетенций, с использованием классических и инновационных педагогических технологий, модульного построения учебных дисциплин, а также рассмотрения спектра возможностей для творческой деятельности.

Развитие общепрофессиональных умений будущих журналистов осуществляется поэтапно в процессе освоения содержания профессиональной подготовки, включающего четыре блока:

- 1) целевой;
- 2) содержательно-процессуальный;
- 3) деятельностно-творческий;
- 4) результативно-оценочный [2].

Содержание профессиональной подготовки журналистов непосредственно связано с главными задачами журналистского образования – обеспечение подготовки журналиста к множеству должностных функций, т.к. профессия журналиста включает в себя разноплановую профессиональную деятельность: фотограф, оператор, диктор, ведущий, контент-менеджер, редактор, корреспондент и др.

Как отмечают многие исследователи (Б. Г. Ананьев, Г. А. Атанов и др.), осуществление профессионального и личностного развития возможно при условии включения студентов в практическую деятельность.

Существенным показателем результативности учебной деятельности будущего журналиста как субъекта профессиональной подготовки служит, например, уровень сформированности общепрофессионального умения, работать с информацией. Однако, опытно-экспериментальная работа показывает, что большинство студентов не умеют критически анализировать литературу, выступать перед аудиторией, вести дискуссию, давать аналитическую оценку проблем.

Психолого-педагогические особенности развития общепрофессиональных умений будущих журналистов связаны с требованиями к их профессиональной деятельности: восприимчивости к новому, наличию фундаментальной базы знаний; языковых способностей; аналитических способностей (умение выделять главное), прогностичности, транспрофессионализма (способность связывать различные профессии). Потенциал журналиста как творческой личности связывают с высокой скоростью и быстротой мышления, высоким уровнем оперативной и фундаментальной памяти, работоспособностью, чувством социальной ответственности [3].

Общепрофессиональные умения работать с информацией развиваются в процессе обучения, т.к. информацию получают через общественные и межличностные отношения.

В процессе анализа возможностей гуманитарных дисциплин в развитии общепрофессиональных умений будущих журналистов обнаружилось, что данный вопрос редко попадал в поле зрения научных работников.

В свете рассмотрения данной проблемы должно произойти движение в сторону поступательного сокращения

узкопредметного разделения объема знаний при расширении междисциплинарных, проблемно-ориентированных курсов.

В организационном плане необходимый переход должен заключаться в сокращении объема лекционных аудиторных занятий в цикле гуманитарных дисциплин с переносом центра тяжести на процесс самостоятельного усвоения гуманитарных знаний при возрастании роли занятий дискуссионного характера.

В ходе определения возможностей гуманитарных дисциплин в развитии общепрофессиональных умений будущих журналистов мы пришли к выводу, что в контексте решения данной проблемы необходимо обеспечить надлежащую подготовку высококвалифицированных преподавателей и повысить мотивацию студентов как субъектов образовательного процесса.

Гуманитарное образование в развитии общепрофессиональных умений будущих специалистов способствует решению целого ряда задач, среди которых:

- расширение возможностей образовательного процесса, направленных на становление личности будущего журналиста;
- интеграция различных областей знаний и их взаимное обогащение;
- повышение эффективности учебно-воспитательного процесса [2].

Изучение гуманитарных дисциплин способствует решению приоритетных задач модернизации профессионального образования будущих журналистов.

- 1) обеспечение социализации;
- 2) развитие социальной мобильности;
- 3) развитие соответствующих компетенций, реализуемых в будущем в профессиональной деятельности.

Мы считаем, что преподаватели гуманитарных дисциплин располагают возможностью убедительно продемонстрировать будущим журналистам общность учебных дисциплин, их потенциал, участие каждой из них в развитии критического мышления, их роль в обогащении необходимой системой знаний, а также в создании условий для развития основы практической деятельности (т.е. учебно-познавательной компетентности).

Основными методологическими принципами построения дидактической концепции развития общепрофессионального умения будущих журналистов являются:

- принцип контекстного обучения, который относится к ведущим принципам организационно-образовательной направленности и основан на интеграции теоретических вопросов

с практикой (А. А. Вербицкий, В. П. Беспально, Ю. Г. Татур и др.);

– принцип культурологичности, который предполагает понимание образования как части культурного процесса, где личность будущего журналиста является связующим звеном между культурой и образованием;

– принцип акмеологичности, который определяет направления развития личностных качеств будущего специалиста, его социальной зрелости;

– принцип обратной связи, предполагающий наличие послевузовского общения с выпускниками и работодателями;

– принцип развивающего, опережающего характера обучения на всех его уровнях;

– принцип социокультурного соответствия, характеризующий соответствие содержания образования содержанию культурных ценностей общества;

– принцип созидательно-творческой рефлексии, определяющий особенность развития творческого мышления;

– принцип мотивации и самоменеджмента, представляющий собой интеграционный процесс, с помощью которого студенты формируют личностную установку на цели обучения и проектируют способы их достижения.

Необходимо также выделить ключевой принцип

– принцип инновационности, который целенаправленно определяет основное содержание и направленность инновационной концепции [3].

Перечисленные факторы относятся к области развития общепрофессиональных умений, являются их основой и способствуют формированию учебно-познавательной компетентности будущих специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Донина, О. И. Актуализация педагогического компонента профессиональной подготовки журналистов в классическом университете: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 – теория и методика профессионального образования / О. И. Донина. – Ульяновск, 2011. – С. 24.
2. Атанов, Г. А. Деятельностный подход в обучении / Г. А. Атанов. – Донецк – ЕАИ-пресс, 2001. – 160 с.
3. Байденко, В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: методическое пособие / В. И. Байденко // Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. – М., 2006. – 72 с.

4. Мамонова, Л.И. Факторы, влияющие на формирование общепрофессиональных компетенций студентов вуза / Л.И. Мамонова // Фундаментальные исследования. – 2012. – №6-2. – С. 365-368.

АННОТАЦИЯ

Каверина О. Г., Сирота Т. А. Факторы развития общепрофессиональных умений у будущих журналистов

В статье рассматриваются вопросы повышения эффективности профессиональной подготовки будущих журналистов, в частности, факторы развития общепрофессиональных умений работать с информацией. Определяется содержание понятия «общепрофессиональное умение работать с информацией» и его значение для формирования учебно-познавательной компетентности специалистов.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, общепрофессиональное умение, учебно-познавательная компетентность.

SUMMARY

Kaverina O. G., Sirota T. A. Factors for the development of general professional skills of future journalists

The article deals with the increase of the professional training effectiveness of a future journalist. The factors of the general professional skill development are investigated. The authors outline the contents of the general professional skill to work with information and investigate its meaning for learning-cognitive competence formation of a future specialist.

Key words: professional training of a future journalist, a professional skill, learning cognitive competence.

*В. М. Калинин
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81.0

МИФОМЫШЛЕНИЕ – МИФОТВОРЧЕСТВО – МИФОПОЭТИКА: АРХАИЧЕСКИЙ ЭТАП ГЕНЕЗИСА ПРОПРИАЛЬНОСТИ

Изучение начал литературной ономотологии как предтечи нового научного направления в работах представителей поэтонимологической ветви Донецкой ономастической школы ведётся в двух направлениях: 1) исследуется

практика использования собственных имен в литературных произведениях античной литературы и в переработках античных сюжетов в текстах позднейшего времени (Ренессанс, Просвещение, Романтизм); 2) осуществляются поиски истоков и прослеживается развитие положений, которые могут быть признаны аксиомами, постулатами и вообще началами “предтеории” поэтонимологии. Историческая ретроспектива в первом направлении отчетливо проявится при анализе различных древних текстов и их трансформаций. Здесь в равной мере важны как собственно мифические (ещё нехудожественные) тексты, так и позднейшие переработки мифов в фольклорной традиции и художественной литературе. Во втором аспекте исторического исследования, естественно, должны учитываться непреложные факты традиции научных рефлексий относительно поэтики собственных имен, зародившихся в древней философии, получивших развитие в различных поэтиках и риториках, имевших место в мнениях художников слова и литературных критиков, спорадически обсуждавшихся филологами, но лишь в новейшее время ставших предметом специальной науки.

В статье, предлагаемой вниманию всех, кого интересуют вопросы становления человеческого мышления в древнейший период его развития в связи с проблемами проприогенеза, обсуждаются взгляды учёных-антиковедов, позволяющие научно обоснованно представить генезис свойств проприальности у Имени, наметить пути и способы её изучения, подготавливая, таким образом, почву для современных методик исследования поэтики собственных имён.

По мнению А. О. Маковельского¹, первым, кто ясно и недвусмысленно указал на значение изучения древних мыслителей, был Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646–1716) [1, с. 9], выдающийся немецкий философ и учёный. В ряде своих сочинений Лейбниц обращался к античному наследию, а в письме² к своему корреспонденту Николаю Ремону³ из Вены 26 августа 1714 г. прямо указал: «Отыскивая следы истины у

¹ Маковельский А.О. (1884–1969) – чл.-корр. АН СССР, философ, историк, переводчик первоисточников досократического периода греческой философии, историк античной философии.

² В литературном наследии Лейбница сохранилось более 15 000 писем по различным вопросам науки, истории философии и богословия с автохарактеристикой его отношения к платонизму, положениями его историко-философской доктрины и другими теоретическими моментами лейбницеанства.

³ Ремон Николай – приближенный герцога Филиппа Орлеанского, был страстным платоником. С энтузиазмом встретил лейбницевскую «Теодицею», которую считал новым выражением платоновской философии. В последние годы жизни Лейбница вёл с ним оживлённую переписку.

древних или, говоря в более общем смысле, у предшественников, мы как бы извлекаем крупинки золота из грязи, добываем алмаз из руды и освобождаем свет от потемок; это и будет по-настоящему *perennis quaedam philosophia*»¹ [2, с. 542].

Среди задач, хотя бы гипотетическое решение которых понимается как важнейшее, стоит вопрос о качестве первобытного мышления, несомненно, отличавшегося от современного. Необходимо прояснить, как решался этот вопрос в древности и разрабатывался в античной и более поздней науке, или, по крайней мере, собрать воедино и выстроить аргументированную гипотезу о происхождении языка, а также об особенностях первобытного мышления. Понять, в чём именно состояло отличие первобытного мышления от мышления эпохи мифов и каким образом это повлияло на характер использования собственных имён.

При этом нужно отдавать себе ясный отчёт, что не только предположения, но и любые теории, касающиеся зарождения и дальнейшего развития человеческого мышления и языковой способности в архаические времена построены в формате реконструкций, опирающихся на дошедшие до наших дней тексты. Поэтому неизбежно и то, что вопросы становления сознания, возникновения и развития языков решаются по-разному. Всю эту область познания можно разделить на две зоны: в одной трудятся теологи, трактующие проблемы в рамках религиозных представлений своих религий, а в другой – учёные, разделяющие или не вполне разделяющие мнения биологов-эволюционистов на Происхождение. Ни у тех, ни у других единого мнения нет и, судя по всему, в ближайшее время не предвидится.

И вопросы о возникновении и генезисе жизни, и попытки ответить на них, в том числе о происхождении языка, встали перед человеком, по-видимому, едва ли не с момента осознания им себя чем-то отличным от окружающего мира. Поэтому нет ничего удивительного в том, что “волна” самых разных ответов на них докатилась до наших дней. Поскольку нас в первую очередь интересуют не столько вопросы происхождения языка, сколько проблемы Имени, на них, в основном, и сосредоточимся. Однако от обсуждения момента “начала всех начал” уклоняться не будем.

Первое утверждение: человек – *homo sapiens* – плод и венец эволюционного развития биосферы, – немедленно перемещает автора статьи в ту зону области познания, в которой работали мыслители прошлого и трудятся современные

¹ Некая вечная философия (лат.).

учёные, разделяющие взгляды на природное возникновение и эволюционное развитие жизни.

“Отпочковавшись” от высших приматов – гоминидов, человек начал накапливать собственно человеческие свойства и особенности – жить в стаде, развивать способности общения и передавать их от поколения к поколению. Возникла и стала развиваться самостоятельная эволюционная ветвь. Не подлежит сомнению, что “отпочкованию” способствовало развитие у этой эволюционной ветви гоминидов “второй сигнальной системы” – языка. При этом одновременно развивалось и собственно человеческое мышление.

К сожалению, даже в вопросе о времени начала этого длительного процесса мнения разнятся. Наиболее же радикален в этом вопросе был Н. Я. Марр, писавший: “Язык не создан, а создавался. Создавался же он не тысячелетиями, а десятками, сотнями тысячелетий. Много десятков тысяч лет одному звуковому языку. Достаточно сказать, что современная палеонтология языка нам дает возможность дойти в его исследовании до эпохи, когда в распоряжении племени было только одно слово для применения во всех значениях, какие тогда осознавало человечество. Звуковому языку, однако, предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики. Самый древний письменный язык, возраст которого исчисляется обычно несколькими тысячелетиями, лишь молокосос по сравнению с действительной древностью бесписьменных языков” [5, с. 217]. Не вдаваясь в обсуждение сомнительных и дискуссионных моментов теории яфетидологии, замечу, что не соглашаясь с точкой зрения Н. Я. Марра на “возраст” начал языкообразования становится всё труднее, в особенности в свете новейших археологических и палеонтологических открытий, уже “отодвигающих” появление *homo sapiens* возможно на многие сотни тысяч лет вглубь истории. Следует признать справедливым и мнение О. М. Фрейденберг, относящееся, правда, не к “исходному пункту” истории Человека как вида, а ко времени чуть более позднему, к периоду родовой организации первобытного общества, которая писала: «Я очень настаиваю на том, что нет такой эпохи, когда общественный человек (а человек сразу – общественный, адекватный своему коллективу) не был бы познающим субъектом и не имел мироощущения, а следовательно, и семантической мысли» [7, с. 24].

Утверждение справедливое, и ниже мы к нему ещё вернёмся, но... был ведь ещё очень длительный, не исключено, многотысячелетний и вряд ли революционный “постнатальный”

период, “младенчество” человечества. Поскольку, обсуждая начальное состояние формирования прото- или даже предмифомышления¹ в архаическую эпоху, ещё до зарождения и формирования первобытно-общинного матриархата, возможности опереться на тексты не существует, о нём можно только строить предположения, основываясь на экстраполяции результатов наблюдений за онтогенезом (детской речью) на филогенез речемыслительной способности, и, конечно, на данные естественных биологических и лингвистических, но гуманитарных наук.

Начнём с анатомии. Устройство речевого аппарата человека позволяет ему создавать широкий спектр разнообразных членораздельных звуков, чего не могут никакие другие живые существа на земле. Даже если предположить, что анатомические особенности речевого аппарата человека – результат не “медлительной” эволюции, а мутации, только их наследование множеством поколений могло закрепить результат и сохраниться затем в генотипе человека. Поскольку в развитии организмов значительную роль играют условия окружающей среды, а наследование сопровождается модификационной изменчивостью, можно допустить, что речевой аппарат человека претерпевал и фенотипические изменения. К тому же недавние генетические исследования останков древнего человека дают основания для осторожного предположения о длительном периоде межвидовых скрещиваний *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* (неандертальцев) на территории Европы. Неандертальцы сосуществовали в Европе с *Homo sapiens* в течение 5 тысяч лет: с 45 тысяч лет до 40 тыс. лет назад. Останки, позволившие проводить генетические исследования и подтвердить гипотезу, найдены на территориях нынешней Болгарии и на юге Франции. Это тоже не могло не сказаться на формировании анатомии речевого аппарата. Вообще без учёта социальных факторов любое предположение относительно филогенеза человека и человеческой речи, строящееся только на биологических сведениях, будет односторонним.

Прежде, чем обратиться к теориям, развивающимся в науках и дисциплинах, в названии которых функционирует компонент палео- (от греч. *παλαιός* – ‘древний’), попытаемся предположить, как и как долго подарок природы – речевой

¹ Приставку прото- (от др.-греч. *πρῶτος* – ‘первый’) логично использовать для обозначения первоначального этапа развития мифомышления, а пред- позволяет отнести термин-неологизм к состоянию зачатков мышления древнего человека, предшествовавших мифомышлению, но участвовавших в “строительстве” его фундамента.

аппарат – совершенствовался поколениями человеческих особей до момента произнесения первого слова. Вторую часть предположения – “как долго” – редуцируем до туманного “очень долго” и займёмся первой частью вопроса – “как”?

Экстраполяция данных, добытых в исследованиях онтогенеза детской речи, на филогенез речевого развития *Homo sapiens* позволительна с обязательным учётом глубоких различий между первобытным и современным человеком. Современный ребёнок погружён в высокоразвитую речевую среду, а “пропасть” между новорожденным и взрослой особью дитя преодолевает примерно за три года. Ребёнок первобытного человека получал от родителей и среды обитания ровно то, чем обладало общество его времени. Само же первобытное общество как раз и пребывало в младенческом состоянии. Крупицами накапливавшийся социальный опыт и чрезвычайно медленные биологические изменения тем не менее неуклонно вели человека к вершинам эволюции. Поэтому будем осмотрительны.

По-видимому, началом формирования человеческой речи могли быть доречевые крики, акустически и психофизиологически отличающиеся от звуков (рыков, визгов, воплей и пр.), издаваемых животными, тем, что свидетельствовали о целенаправленной психомоторной активности речевого аппарата. Бессознательное формирование умения кричать продолжалось до момента осознания человеком его информативной, а значит, и социальной значимости. Между криками рефлексными, свидетельствующими о личном голоде или какой-либо форме дискомфорта, и криками, осознанно(!) предупреждающими других особи об опасности или указывающими другим на “правила” поведения, лежит период вначале слабо, а затем всё более активно контролируемого первобытным сообществом овладения новым механизмом и инструментом жизнедеятельности. В конце “периода криков” взрослые особи могли уже целенаправленно обучать детей умениям кричать особым образом, одновременно расширяя набор и совершенствуя дифференциацию “кричалок”.

Так же, как на смену крикам в онтогенезе приходит гуление, в филогенезе в недрах “периода криков” зарождались способности “членораздельного произношения”, оформлялись умения произносить протогласные и протосогласные, отчётливее дифференцировать различные по семантике выкрики. Не ставя под сомнение процитированные выше слова Н. Я. Марра о том, что “звуковому языку ... предшествовал длительностью многих тысячелетий линейный или изобразительный язык, язык жестов и мимики”, – можно, по-видимому, без особого ущерба авторитету выдающегося учёного уточнить его мысль

следующим рассуждением. Думается, что предположение о существовании на любом из этапов генезиса вида *Homo sapiens* “глухонемого” периода было бы излишне “революционным”. Поэтому сформулируем паллиативное предположение. “Линейный” или “изобразительный” язык на некотором этапе антропогенеза был ведущей составной частью протоязыка, играя в нём роль предикативных средств. В ходе развития языка роль линейных средств ослабевала, замещаясь звуковыми. При этом звуковые средства, предположительно, были по преимуществу номинативными и эмоционально окрашенными.

Высказанные предположения можно развивать ещё с учётом данных, получаемых палеоанатомами, современными психолингвистами и специалистами по компьютерному моделированию, но с учётом того, что всё сказанное, равно как и то, что осталось сказать по этой теме, – всего лишь “лирическое отступление” от поставленных вопросов, обратимся теперь к данным исторической антропологии и археологии.

Первичной формой объединения гоминидов было первобытное человеческое стадо, представлявшее собой первоначальный проточеловеческий коллектив. Палеоархеологи и палеоантропологи считают, что временем развития первобытного человеческого стада был ранний палеолит, охватывавший почти миллион лет. Стада формировались из представителей морфофизиологически во многом ещё животных родовых микрогрупп и поэтому эволюционировали чрезвычайно медленно, но именно в них зарождались и развивались зачатки коллективной организации первобытных сообществ. В стадах в процессе борьбы биологического и социального “начала” происходило обуздание “зоологического индивидуализма”, формировались первобытнообщинные производственные отношения, дооформлялся биофизический тип *Homo sapiens* (предположительно, в Африке) на поздних этапах ашель¹ и мустье², возможно, уже обладавший специфическим речевым аппаратом и, не исключено, зачатками второй сигнальной системы. После исчезновения с исторической арены неандертальцев, в культуре *Homo sapiens* наблюдается развитие каменной техники, на смену собирательству приходит охота как главный источник существования формирующихся людей, происходят изменения биофизического типа человека и перелом в становлении общественных отношений: ограничивается,

¹ Ашель – эпоха раннего палеолита (800–120 тыс. лет назад) получила название по пещерной стоянке Saint-Acheul в пригороде Амьена

² Мустье – эпоха среднего палеолита (200–35–40 тыс. лет назад) получила название по пещерной стоянке Le Moustier на юго-западе Франции в департаменте Дордонь.

а позднее вытесняется промискуитет как формы половых отношений в коллективе, искоренением каннибализма, и, наконец, “воцаряется” матриархат как первый тип первобытнообщинной формации.

Переход от собирательства (по преимуществу, лишённого коллективистских устремлений) к охоте, требующей в условиях примитивного состояния добывающих орудий объединения усилий многих особей, ознаменовал начало нового этапа развития речевых способностей. Крик стал управляемым. Сила его варьировала от вопля (в моменты коллективной охоты загонщики криками поднимали животных с мест обитания и вынуждали двигаться по направлению к расставленным для их поимки ловушкам) до шёпота (в ожидании чуткого или опасного зверя звуки голоса могли вспугнуть предполагаемую добычу). По мере формирования умений воспроизводить различные звуки (от звукоподражаний как приманки) до членораздельно звучащих “междометийных” слов-команд развивалась членораздельная речь и появились первые протослова...

После этого важного отступления, позволившего высказать предположения, касающиеся возникновения и начал развития человеческой речи в многотысячелетний период первичного формирования общества, можно, наконец, перейти к рассмотрению моментов, связанных с развитием мифомышления в уже сформировавшемся родовом обществе, являющемся, по утвердившемуся в исторической науке мнению, первой общественно-экономической формацией.

За пределами обсуждения оставался пока вопрос о мышлении. Здесь можно следовать логике тех учёных, которые считают язык и мышление настолько взаимосвязанными, что не допускают даже возможности говорить об этих сторонах жизнедеятельности человека порознь, а можно принять точку зрения тех, кто считает, что эти человеческие способности возникли и развивались относительно автономно. Нам необходимо определить своё отношение к проблеме зарождения и развития человеческого мышления, ибо без внятного ответа на этот вопрос невозможно оценивать процессы, связанные с возникновением и развитием мифомышления. Чтобы не углубляться в проблему, до сих пор не имеющую единственно правильного решения, ограничимся её схематическим наброском.

Возвратимся к цитировавшейся выше работе О. М. Фрейденберг. Итог её размышлений о первобытном человеке таков: «<...> человек выходит на арену истории, обогащённый высшей нервной деятельностью, координирующей его органы чувств. Он ориентируется в пространстве и времени, тяготеет

к коллективизму, имеет большой запас условных рефлексов, ставших безусловными. Он живёт в коллективе, строит жилище, даёт жизнь детям, ест, добывает пищу и многое другое. Но в отличие от высших животных, он имеет субъективную систему отмыслений объективных явлений – то, что Павлов называет “второй сигнальной системой”, а Марр – “семантикой» [7, с. 24, 27].

«Два основных закона характеризуют первобытное мышление в его целом, в том числе и систему образа. Первый – это отсутствие причинно-следственного ряда. Первобытная причинность может быть названа антикаузальной. Одна мысль повторяет другую, один образ вариантен другому; различие их форм создаёт кажущееся разнообразие. Второй закон – симбиоз прошедшего с настоящим. Поступательное движение вперёд первобытной культуры опирается на всё изжитое и пройденное, которое остаётся не преодоленным в наличии нового, актуального. <...> Так, например, при возникновении новых земледельческих представлений о божестве представление о божестве не исчезает. Бог-хлеб остаётся и богом-зверем. <...> Речь идёт о закономерном состоянии примитивного сознания, которое ещё не умеет преодолевать пройденного. Именно благодаря этому закону создаётся целая многообразная система мифа, сюжета, мифического персонажа и всего того, что скажется потом в культе: топтание одних и тех же мотивов, соединённых между собой без причинно-следственной нити, разнящихся лишь стадийно. Постейший пример – атрибуты богов, вещные, звериные, растительные, сопутствующие богу-человеку» [7, с. 24, 27, 29].

Сложнейший для истории поэтономологии вопрос состоит в том, чем первобытное мышление отличалось от мышления современного человека. Он важен прежде всего потому, что данные никаких других естественных и гуманитарных наук, кроме филологических, не могут дать такого ответа на него, который позволил бы “нащупать” то первоначальное состояние семантики и тот момент в её развитии, когда первичная дифференциация первобытного по сути ещё предмифологического синкретизма дала толчок к совершенствованию мифомышления и развитию мифотворчества, разрушение которого, в свою очередь, привело к переосмыслению текстов мифов как метафорических, к развитию синонимии и перифрастических оборотов, вообще к резкому росту “гибкости языка”, что в обновлённом виде стало плодородной почвой для развития поэтики художественных текстов. В недрах мифотворчества зарождался и “язык собственных имён”, о котором учёные XX века писали: «Не давая возможности

развиваться логико-силлогистическому мышлению, “язык собственных имён” и связанное с ним мифологическое мышление стимулировали способности к установлению отождествлений, аналогий и эквивалентностей» [4, с. 302].

Для поэтонимологии обращение к осмыслению древнейших этапов становления человеческого мышления, тысячелетий мифотворческой деятельности сознания является важнейшей задачей по двум причинам. С одной стороны, именно там “пребывают” истоки поэтики собственных имён, что необходимо всегда иметь в виду и учитывать при анализе конкретных литературных произведений любых постмифологических исторических периодов. С другой стороны, лингвокультурная археология истоков чревата возможностью открытия первоначальных механизмов семантики имён ещё, так сказать, пренатального периода их развития.

Однако, почему именно миф, мифотворчество, мифомышление, мифосемантика, мифопоэтика и, наконец, “язык собственных имён” важны для поэтонимологии едва ли не в большей степени, чем другие направления формирования человеческой культуры? Да потому, прежде всего, что уже в архаический период древнегреческой истории в мифомышлении были обнаружены свойства, отличающие его от научного, философского осмысления жизни. «Уже в ранней древнегреческой культуре слово *μῦθος* приобрело весьма широкий спектр значений. Так, у Гомера “миф” означал мысль, предписание, приказ, совет, назначение, намерение, цель, сообщение, обещание, просьбу, умысел, угрозу, упрёк, защиту, похвалу и даже истинный рассказ, противостоящий вымышленным, и целый ряд других понятий. <...> В эпоху древнегреческой архаики “миф”, имеющий целенаправленное духовное воздействие на человека, противопоставлялся “логосу” – некоторой силе, отчуждённой от человека, но в конечном счёте также способной на него воздействовать. Корень слова “логос” указывает на значения “избрание”, “выделение”, “счёт”. Постепенно термин “миф” всё более стал выражать субъективное отношение, человеческую, сознательную интенциональность, а “логос” – объективное отношение, “говорение вещами”, а не разумом, сознанием. Впоследствии слово “логос” приобрело значение закона» [6, с. 12-13]. В следующей публикации мы ещё вернёмся к понятию “Логос” и связанным с ним представлениям. Рассмотрим и историю смены взглядов на миф в процессе исторического развития культуры, и современные тенденции в его осмыслении. Пока же, однако, нас будет интересовать именно архаическое мифотворчество, в отличие даже от древнейших

философских доктрин сохранившее и донесшее до наших дней некоторые черты и особенности становления первобытного человеческого сознания, а заодно и семантических свойств имён мифологического ономастикона.

Парадокс любых попыток реконструкции архаического этапа развития мышления состоит в том, что никаких других способов, кроме анализа значительно более поздних текстов, не существует. Выводы о том, что было “до мифов”, учёные вынуждены делать, опираясь именно на мифы, да и то не оригинальные, а дошедшие до наших дней в виде пересказов, т.е., пользуясь терминологией современной науки, в виде “вторичных” текстов, поставляющих для реконструкций вторичные же семиотические моделирующие указания.

Поскольку вопрос о синкретизме первобытного мышления решён в науке окончательно, для правильного представления о характере первобытного мышления в связи с необходимостью понять сущность и свойства мифологического синкретизма на самых ранних этапах его становления особый интерес представляют взгляды А. Ф. Лосева.

Определяя этапы развития мифологического мышления, учёный выделил:

- 1) древнейший период, совпадающий с периодом матриархата в общественном сознании первобытного человека;
- 2) период, совпадающий со становлением патриархата и переходом от старинной “титанической” архаики к централизации мифологии вокруг горы Олимп;
- 3) период “гибели” наивной мифологии и перехода её в натурфилософию;
- 4) период исполнения “служебной роли” в качестве художественной формы в “греческой классике” и позднее – в декадансе античности (“эпоха эллинизма”).

“Кратчайшее, но систематическое изложение” его соображений, касающихся состояния мышления и языка в первый, древнейший период развития мифологического синкретизма в мифомышлении первобытного человека каменного века [эпоха палеолита (от 300 000 лет до н.э. до 10 000 лет до н.э.) и начала неолита (от 10 000 лет до н.э. до 3 000 лет до н.э.)], а также предположений о становлении и развитии мифотворчества, мифомышления и мифосемантики в палеометаллическую эпоху, включающую поздний энеолит, эпоху меди, бронзовый век и начало раннего железного века, можно свести к следующим положениям:

1. На самом начальном этапе первобытного мышления, ещё по сути домифологическом, человек не осознаёт себя

самостоятельной субстанцией, не отделяет себя от природы. Его мышление смутно и “нерасчленённо” и “ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твердо определенного. Каждая вещь <...> может превращаться в любую другую вещь, <...> всеобщее, универсальное оборотничество есть логический метод такого мышления. <...> Не отчленяя себя от своего коллектива, первобытный индивидуум мыслил и самого себя, <...> в состоянии быть носителем любых качеств и свойств любых других индивидуумов и даже всего коллектива” [3, с.16–18].

2. Зарождение мифомышления “начинается с представления одушевленными самых обыкновенных физических предметов, т. е. с фетишизма”, когда “первобытное сознание, объясняя окружающее, <...> все вещи и явления <...> <представляет> <...> исполненными беспорядочности, диспропорции и дисгармонии, доходящей до прямого уродства и ужаса. Так возникает <...> мифология, которую назовем хтонической мифологией” [3, с. 19-21].

3. Анимизм (одушевление фетишей) представляет “уже высокую ступень мифологической абстракции, когда демон вещи отделён от самой вещи, <...> <развивается. – В.К.> <...> область очень интенсивной демонологии, заменившей собой старый фетишизм. И вся та беспорядочность и несоразмерность, которой характеризовались магические свойства фетиша, обратилась теперь на демона, впервые получившего здесь свое самостоятельное существование” [3, с. 23, 58]. Добавим: и имя(!).

4. Античная мифология прошла через длинный ряд социальных эпох, её становление отражает развитие производительных сил и смену общественно-экономических формаций. На смену фетишизму, тотемизму, преанимизму и анимизму мифологии матриархата пришли антропоморфизм и героизм.

5. Художественно разработанный политеизм и героизм, сменившие предантропоморфизм, “в пределах рабовладельческой формации”, когда во весь голос заговорили имена богов и мифоперсон, “когда мифология стала играть более или менее служебную роль”, <...> прошла период классики, будучи носителем и выразителем полисной (polis – государство) идеологии, и период эллинистический – римский, когда она превратилась сначала в литературный и вообще художественный прием, в аллегорию или сюжет, используемый для формалистических или натуралистических целей, в эпоху позднего эллинизма <...> вылилась у многочисленных неоплатонических философов в отвлеченную и философскую реставрацию...” [3, с.23, 58].

Все эти тысячелетия развития мифомышления и тысячелетия мифотворчества были исключительно плодотворными для развития языка и плодоносными для формирования семантических свойств собственных имён разнообразных мифоперсон (от монстров и богов до героев и персонажей античной литературы). Несмотря на то, что до наших дней сохранились лишь фрагменты от былого величия, разнообразия и обилия мифов в виде рудиментов мифических представлений, учёные антиковеды имели возможность гипотетически реконструировать содержательную сторону мифомышления и высказать некоторые предположения, касающиеся развития психофизиологических механизмов речемышления у первобытного человека.

В конце статьи, ставшей неожиданно для автора лишь первой частью, “приступом” к истокам поэтонимологии, о которых подробнейшим образом ещё нужно говорить, хочется процитировать замечательную мысль, высказанную Ольгой Михайловной Фрейденберг: “Теоретическое значение античной (греческой) литературы в том, что она первая в мировой истории литератур стала искусством. Но эта литература далеко не обладала законченными формами, которые ей впоследствии стали приписывать. В Греции еще только начинает слагаться художественная система. Вся та образность, которая содержится внутри античной литературы, имела за собой тысячелетнюю давность в до-художественном состоянии. Однако в греческой литературе эта образность впервые начала приобретать эстетические качества, и то самое, что не имело никакой поэтической функции за пределами греческой литературы, в ней самой стало получать черты поэтических форм. Это сказалось на всем характере греческой литературы, и «эстетическая генетичность» (особенности, вызванные рождением художественной функции) сделалась основой всего ее своеобразия” [7, с. 232]. К этому остаётся добавить последнее: эстетическая генетичность мифонимов, начавшая складываться в таинственных недрах античной архаики, стала той прочнейшей основой, на которой зиждется поэтика онимов как способ её использования в художественной литературе и фундамент поэтонимологии как науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Досократики / Ред. и перевод с древнегреческого А. Маковельского. – Мн.: Харвест, 1999. – 784 с. (Классическая философская мысль).
2. Лейбниц Г.-В. Переписка с Николаем Ремондом // Г.-В. Лейбниц. Сочинения в четырёх томах: Т. I / Ред. и сост., авт. вступит. статьи и примеч. В. В. Соколов. – М.: Мысль, 1982. – 636 с. – (Филос. наследие. Т. 85). – С. 529–570.

3. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян / Сост. А. А. Тахо-Годи: общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
4. Лютман Ю. М., Успенский Б. А. Миф – имя – культура // Труды по знаковым системам. – Вып. VI. – Тарту, 1973.
5. Марр Н. Я. К происхождению языков // Н. Я. Марр. Избранные работы. – Т. 1. – Л., 1933. – С. 217–220.
6. Найдыш В. М. Мифология: учебн пособие / В. М. Надыш. – М.: КНОРУС, 2010. – 432 с.
7. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. – Л., 1936. – 454 с.

АННОТАЦИЯ

Калинкин В. М. Мифомышление – мифотворчество – мифопоэтика: архаический этап генезиса проприальности

В древнейшем периоде антропогенеза рассмотрена архаическая эра первобытного синкретизма сознания как первопричины и первоисточника формирования мифов. Этапы их генезиса – возникновение в мифомышлении (фетишизм), одухотворение фетишей при переходе от матриархата к патриархату (преанимизм и анимизм), развитие в мифотворчестве (антропоморфизм и героизм), трансформации в мифопоэтике (поздний героизм классики и преобразования эпохи эллинизма) – подготавливают почву для осознания феномена «новой образности» как основы художественного сознания, порождают проприальность как сущностное свойство Имени собственного и, закладывая основы поэтики онимов в художественной литературе, формируют поэтонимию как категорию собственных имён, обладающих уникальным свойством – интерпретативно-смысловой бесконечностью.

Ключевые слова: имя собственное, мифомышление, мифопоэтика, мифотворчество, «новая образность», поэтика онимов, проприальность.

АННОТАЦИЯ

Kalinkin V. M. Myth-thinking – myth-making – myth-poetics: the archaic stage of properhood genesis

In the ancient period of anthropogenesis the author focuses his attention on the archaic era of primitive syncretism of mentality as the prime cause and source of myth-making. The stages in their development – origination in myth-thinking (fetishism), fetishes spiritualized in the course of transition from matriarchy to patriarchy (preanimism and animism), development in myth-making (anthropomorphism and heroism), transformations in myth-poetics (late heroism of classics

and metamorphoses of Hellenism epoch) – prepare the ground for the recognition of the phenomenon of «new imagery» as the basis for art awareness, give rise to properhood as an essential characteristic of the Proper name, and basing poetics of onyms in imaginative literature, form poetonymy as a category of proper names which have a unique property of interpretative and content infinity.

Key words: proper name, myth-thinking, myth-poetics, myth-making, «new imagery», poetics of onyms, properhood.

*А. В. Воеводина
(г. Донецк, ДНР)*

УДК 81.44

МИФОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Мышление древнего человека отличалось от мышления человека современного. Архаичный человек воспринимал мир образно, через эмоции и ощущения. Он не выделял себя из окружения, природы, общины, объяснял явления действительности не через причинно-следственные связи, а через их происхождение и т.д. Представление древнего общества о мире и его устройстве формировало мифологию, которая отображалась в мифах, легендах, преданиях. В дальнейшем, несмотря на то, что с развитием науки представление человека о мире изменилось, именно мифологические тексты, в частности, античные, легли в основу европейской культуры. В плане лингвистического анализа мифы и легенды представляются явлением многогранным и комплексным. Один из аспектов – обогащение посредством мифологических текстов словаря современных языков, а особенно их фразеологии.

Цель статьи – изучение фразеологических единиц (ФЕ) английского и русского языков с компонентом-мифонимом.

Объектом исследования являются ФЕ с мифонимами и английского и русского языков.

Предметом исследования выступают структурные и семантические особенности ФЕ с мифонимом, их функционирование во фразеологической системе английского и русского языков.

Развитие фразеологии как науки связывают со швейцарским лингвистом Шарлем Балли (1865-1947). Он первым сформулировал признаки устойчивых сочетаний слов и предложил основания их классификации. Ему же принадлежит

и термин «фразеология» – «раздел стилистики, изучающий связанные словосочетания». Хотя в западноевропейском и американском языкознании этот термин в данном значении не используется [6, с. 6].

В середине XX в. эта область лингвистики стала активно разрабатываться западными и отечественными учеными. Однако, несмотря на большое количество исследований и работ, посвящённых фразеологии, даже в настоящее время многие её проблемы являются актуальными, дискуссионными и нерешёнными. Всёещенеустановлены сущности категориальные признаки фразеологизмов, границы фразеологического фонда, эквивалентность фразеологизмов слову. Поэтому изучение ФЕ было и остается одной из дискуссионных и актуальных тем современного языкознания.

Среди отечественных лингвистов фразеологии уделяли внимание в своих исследованиях такие учёные как В.В. Виноградов, В.С. Виноградов, Н.Н. Амосова, Н.К. Гарбовский, В.М. Мокиенко, А.И. Молотков, В.Н. Телия, И.И. Чернышева и многие другие. Александр Владимирович Кунин (1909-1996) является основателем отечественной школы фразеологии. Ему принадлежит большое количество монографий и пособий, посвященных теории фразеологии и рассматривающих специфику английских фразеологизмов и аспекты их перевода на русский язык.

А.В. Кунин включает во фразеологическую систему все устойчивые сочетания слов с полностью либо частично переосмысленным и осложненным значением и раздельнооформленностью [6]. Н.А. Завьялова к ФЕ относит сочетания минимум двух словесных знаков, которые существуют в лексике языка на конкретном этапе ее эволюции и характеризуются номинативностью, раздельнооформленностью, коннотативностью, устойчивостью и идиоматичностью [3, с. 29].

В.М. Мокиенко во вступлении к историко-этимологическому словарю «Русская фразеология» называет фразеологию одной из наиболее образных и «консервативных» языковых подсистем, способной к «исторической аккумуляции». Поэтому она мало подвержена языковым трансформациям и хранит архаизмы, устаревшие формы и синтаксические конструкции. Большая часть фразеологии связана с бытом, историей народа, его верованиями, традициями, обрядами. Благодаря правильно раскрытому образу ФЕ возможна реконструкция объективной языковой картины мира и культурного фона фразеологии [11, с. 3-4].

Изучение фразеологизмов мифологического происхождения дает основание для выделения основных групп ФЕ, восходящих к античной мифологии.

1. ФЕ, содержащие имена богов, мифологических персонажей, названия географических объектов: рус. Авгиевы конюшни; англ. Scylla and Charybdis (букв. Сцилла и Харибда).

2. ФЕ, в основе которых лежат события, описанные в сборниках мифов античности. Для их понимания и дешифровки необходимо знание мифологических сюжетов: рус. битва гигантов; англ. sow (plant) dragon's teeth (букв. посеять зубы дракона).

3. ФЕ, основанные на цитатах и образах из сборников мифов Гомера, Вергилия и других античных авторов (устойчивое выражение золотой век (англ. the golden age).

4. ФЕ, связанные с ритуалами и обрядами почитания богов: рус. петь (пропеть) дифирамбы; англ. the Eternal City (букв. вечный город); происходит от названия стихотворения римского поэта Тибулла, которое представляет собой гимн богу Аполлону [1, с. 148].

Изучением онимов – собственных имен (СИ), исследованием истории их появления, трансформации и функционирования занимается такой раздел языкознания как ономастика (от др.-греч. ὀνομαστική – искусство давать имена). В свою очередь, мифонимика – это раздел ономастики, который изучает мифонимы – СИ, обозначающие вымышленные объекты (персонажей, существ, локации), связанные с фольклором, мифологией, религией и теологией.

В словаре Н. В. Подольской представлены следующие виды мифонимов:

1) мифоантропоним – СИ человеческого существа в былинах и мифах: Алёша Попович, Илья Муромец.

2) мифотопоним – СИ какого-либо географического объекта: река Лета, подземное царство Аид, Буян-остров.

3) мифозооним – СИ животного: Пегас, Жар-птица;

4) мифофитоним – СИ растения: липа Матруня.

5) мифоперсоним – СИ героя, действующего в сказках, мифах, былинах: Змей Горыныч.

6) теоним – СИ божества, принадлежащего любому пантеону: Артемида, Перун, Сехмет, Шива [10, с. 125].

Многие мифонимы со временем перешли в класс нарицательных имен, в результате чего расширилась их семантическая структура. Так они стали производящими основами для словообразовательных гнезд, а также начали формировать композиты, термины, ФЕ [9, с. 952].

Следует отметить, что при трансформации СИ мифологических персонажей в имена нарицательные характеристики по особенностям внешности либо характера не изменяются и сохраняются в первоначальном значении.

ФЕ, которые содержат в своем составе мифонимы на основе римской и греческой мифологии, уходят корнями во времена античности. Чтобы правильно понимать, толковать и использовать такие ФЕ, необходимо знать их этимологию, предысторию появления. Многие языки мира обогатились экспрессивными и красочными ФЕ с компонентом-мифонимом именно благодаря мифам Древней Греции и Древнего Рима. Поскольку культура европейских стран берет свое начало именно в культуре античности, такие ФЕ имеют интернациональный характер. Этим также объясняется факт их широкой распространенности.

По структурно-семантическому принципу идиомы античного происхождения, имеющие в составе МК, можно разделить на несколько групп.

1. ФЕ, построенные по схеме: МК + имя нарицательное. Это наиболее многочисленная группа:

A Sisyphian task / a Sisyphian labor / a labour of Sisyphus / сизифов труд – тяжёлый и бесплодный труд [5, с. 431]. Фраза «сизифов труд» принадлежит древнеримскому поэту Проперцию (I в. до н. э.) и восходит к легенде о коринфском царе Сизифе. Согласно «Одиссее» Гомера (IX в. до н. э.), после смерти был наказан за свои земные грехи (хвастовство, корыстолюбие, хитрость) и приговорен вкатывать на гору огромный камень, который, достигнув вершины, катился вниз, и царь был обречен начинать свой бесконечный и бесплодный труд заново [12, с. 694].

Our military forces, both nuclear and non-nuclear, must be constantly renewed... Our labors are therefore those of Sisyphus, condemned to push a heavy rock to the top of a hill and forced to repeat this onerous task over and over. (R. E. Lapp, 'Atoms and People', ch. IX)

Наши вооруженные силы, как оснащенные атомным оружием, так и не имеющие такового, должны постоянно обновляться... Вот почему наши усилия сравнимы только с изнурительным трудом Сизифа, который был вынужден снова и снова вкатывать огромный камень на вершину горы [5, с. 432].

The sword of Damocles / дамоклов меч – постоянная угроза, нависающая опасность. Согласно древнегреческому преданию, Дионисий Старший (432 – 367 гг. до н. э.), правитель города Сиракузы на о. Сицилия, однажды решил проучить Дамокла, одного из своих приближенных. Тот завидовал высокому

положению и власти правителя. Во время пира Дионисий посадил Дамокла на свое место и повесил над ним на конском волосе острый меч как символ постоянно подстерегающих правителя опасностей [7, с. 124].

When harnessed for peaceful purposes, it can become the greatest boon ever invented by the genius of man. When, however, used for the stockpiling of hydrogen bombs, it is a terrible sword of Damocles dangling over the head of mankind (G. Green, 'The Enemy Forgotten', ch. VIII)

Будучи направлена на мирные цели, атомная энергия может стать величайшим благом из всех, которые когда-либо создавал гений человека. Но когда ее используют для создания запаса водородных бомб, она становится страшным дамокловым мечом, занесенным над человечеством [5, с. 741].

Achilles' heel / ахиллесова пята (пятка) – слабое, уязвимое место. Выражение восходит к древнегреческому мифу о герое Ахиллесе (Ахилле). Его матерью была морская богиня Фетида. Чтобы сделать Ахиллеса неуязвимым, она купала младенца в водах подземной реки Стикс, держа его за пятку. Именно она стала исключением и единственным уязвимым местом на теле Ахиллеса [7, с. 10].

What will it be when the increase of yearly production is brought to a complete stop? Here is the vulnerable place, the heel of Achilles, for capitalistic production. (F. Engels, 'The Condition of the Working Class in England in 1844', 'Preface')

Что же будет тогда, когда ежегодного прироста производства совсем не будет? Вот где уязвимое место, ахиллесова пята капиталистического производства [5, с. 378].

The Gordian knot / гордиев узел – запутанное, практически не разрешимое дело. Выражение происходит от названия сложного узла, который, по легенде, завязал фригийский царь Гордий [7, с. 116].

A great city struggled for a score of years to untangle that which was all but beyond the power of solution – a true Gordian knot. (Th. Dreiser, 'The Titan', ch. LXI)

Большой город в течение двадцати лет безнадежно пытался распутать это дело – настоящий гордиев узел [5, с. 429].

The thread of Ariadne / Ариадны (ариаднина) нить – нечто, помогающее выйти из затруднительной ситуации. Выражение восходит к древнегреческому мифу о Тесее. «Ариаднина нить» – клубок ниток, который принадлежал дочери царя Миноса Ариадне. Она помогла герою Тесею победить Минотавра и выбраться из лабиринта, привязав у входа нить [7, с. 9].

How impossible it is for us human beings ever really to understand each other! We explore an unknown labyrinth without the thread of Ariadne. (R. Aldington, 'Rejected Guest', ch. 18)

Ведь людям невозможно до конца познать друг друга! Мы вступаем в неведомый лабиринт чужой души без нити Ариадны в руке [5, с. 757].

Aegean stable(s) / Авгиевы конюшни – сильно загрязненное, захламленное помещение; беспорядок в каких-либо делах. Выражение восходит к древнегреческой мифологии: очистить Авгиевы конюшни было одним из заданий и двенадцати подвигов Геракла [7, с. 8].

Don't think I don't appreciate what a job it is to keep this stockyard clean. It's the Augean Stable every day of the week. (J. Updike, 'The Centaur', ch. IV)

Поверьте, я понимаю, что это значит – поддерживать чистоту в таком свинарнике. Настоящие авгиевы конюшни. И так каждый день [5, с. 9].

2. ФЕ, построенные по схеме: МК + МК, соединенные союзом.

Between Scylla and Charybdis / между Сциллой и Харибдой – о ситуации, когда кто-либо оказывается между двумя враждующими сторонами, каждая из которых представляет опасность. Выражение восходит к произведению древнегреческого автора Гомера «Одиссея», а именно истории о двух чудовищах Сцилле и Харибде, обитавших на прибрежных скалах по обе стороны Мессинского пролива. Очутившиеся здесь мореплаватели подвергались большой опасности [7, с. 483].

'I am between Scylla and Charybdis, he wrote. I dare not work quickly, for fear of detection, and I must not work slowly if we are to be ready in – time.' (E. L. Voynich, 'The Gadfly', part III, ch. I)

„Я между Сциллой и Харибдой, – писал он. – Не отваживаюсь вести работу слишком быстро из боязни быть выслеженным и должен вести ее не слишком медленно, если непременно нужно поспеть к сроку» [5, с. 663].

3. ФЕ, построенные по схеме: имя прилагательное + МК:

Janus-faced / двуликий Янус – двуличный, лицемерный человек. Выражение восходит к древнеримской мифологии. Янус считался богом времени, начала и конца, входов и выходов (janua – дверь). Его изображали с двумя лицами, молодым и старым. Лица были обращены в разные стороны и времена: молодое – вперед, в будущее, старое – назад, в прошлое [7, с. 477].

4. Глагольные ФЕ:

Fling (threw) a sop to Cerberus (позднее to smb.) / *задобрить Цербера* – умиротворить, утихомирить возмущенного, недовольного человека.

If you want me to throw a sop to your curiosity – I wasn't invited... (J. O'Hara, 'Ourselves to Know')

Если хотите, я удовлетворю ваше любопытство: я не был приглашен... [5, с. 703].

Rise like a Phoenix from the ashes / возродиться как феникс из пепла – погибнуть, но чудесным образом ожить, возродиться [12, с. 790].

Within ten days he had half-filled a notebook with metrical expressions of despairing love. Then a bright idea rose like a phoenix from these ashes of misery. He wrote Diana a long, not to say poetic, letter, which would have left the most obtuse reader with no doubt about his sentiments. (R. Aldington, 'Rejected Guest', ch. IS)

За десять дней Дэвид исписал половину записной книжки стихами, в которых выражалась его безнадежная любовь. Но тут его осенила блестящая идея, родившаяся как феникс из пепла. Он написал Диане длинное, можно сказать, поэтическое письмо, которое даже у самого тупого читателя не оставило бы сомнения в его чувствах [5, с. 574].

Наиболее многочисленной является группа именных ФЕ: фразеологические обороты такого типа имеют высокую степень семантической целостности. Она основывается на отсутствии мотивированности единого значения ФЕ значениями их компонентов на настоящем этапе развития языка. Античные мифы являются лаконичными формулировками идей и представлений. Они конденсируют сложные образы и вызывают ряд ассоциаций [8, с. 81]. ФЕ этого типа характерна высокая степень семантической целостности, однозначности значения, т.к. на современном этапе развития языка отсутствуют аналоги, мотивирующие их значение. При исследовании семантики единиц данной группы было замечено, что фразеологизмы с компонентом антропонимом-мифонимом носят преимущественно пейоративный характер: Achilles heel / ахиллесова пята – наиболее уязвимое место; Augean stables – крайне запущенное, грязное место; between Scylla and Charybdis / между Сциллой и Харибдой – между двух огней; Janus-faced / двуликий Янус – двуликий, лицемерный человек; Sisyphean labor / Сизифов труд – бесконечный и бесплодный труд. Это можно объяснить тем, что люди более остро и эмоционально реагируют на отрицательные явления. Приятные события человек забывает быстрее, чем неприятные или нейтральные [2]. Так, фразеологизмы, которые содержат отрицательную коннотацию, лучше и прочнее закрепляются в языке.

Мифонимы являются особенно ценными для языка, так как они берут свое начало еще в архаичных культурах и обусловлены мифологическими верованиями народа, его стремлением

объяснить окружающую реальность через одухотворение объектов и явлений. Согласно Э. Кассиреру, «миф оживает и обогащается благодаря языку, а язык – благодаря мифу» [4, с. 33]. То есть структура мифологического языкового мира во многом определяется сходными духовными представлениями. Рассмотренные ФЕ с компонентом-мифонимом в английском и русском языках – общего происхождения и являются кальками. Поэтому большинство из них имеет одинаковое значение и сходную структуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева Л. Л., Багаутдинова Г. А. Репрезентация мифологического сознания человека во фразеологии русского, английского и арабского языков / Л. Л. Григорьева, Г. А. Багаутдинова // Альманах современной науки и образования. – Тамбов: Грамота, 2011. – № 12. – С. 147–150.
2. Блонский П. П. Память и мышление / П. П. Блонский. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
3. Завьялова Н. А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России / Н. А. Завьялова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 320 с.
4. Кассирер Э. Теория метафоры / Э. Кассирер. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
5. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.
6. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк., Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
7. Ларионова Ю. А. Фразеологический словарь современного русского языка. – М : Аделант, 2014. – 512 с.
8. Кучешева И. Л. Лексико-семантический анализ имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц: лингвокультурологический подход / И.Л. Кучешева // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 5. – С. 81–84.
9. Мурзясов Р. С. Мифонимы в системе языка / Р. С. Мурзясов // Вестник Башкирского университета. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. – Т. 20, №3. – С. 952–956.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М : Наука, 1987. – 199 с.
11. Русская фразеология: историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / сост. А. К. Бирих, В. М. Мокиенко,

- Л. И. Степанова. – М : Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. – 926 с.
12. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: Более 4000 статей /Авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М.: Локид-Пресс, 2005. – 880 с.

АННОТАЦИЯ

Воеводина А. В. Мифонимы во фразеологических системах английского и русского языков

В статье рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами-мифонимами в русском и английском языках, анализируются их структурные и семантические особенности. Изучение фразеологизмов мифологического происхождения дает основание для выделения основных групп ФЕ, восходящих к античной мифологии. В работе подчеркивается, что мифонимы являются особенно ценными для языка, так как они берут свое начало еще в архаичных культурах и обусловлены мифологическими верованиями народа, его стремлением объяснить окружающую реальность через одухотворение объектов и явлений.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, фразеологическая единица, мифоним, мифология, античность.

SUMMARY

Voyevodina A.V. Mythonyms in the phraseological systems of the English and Russian languages

The article discusses phraseological units with mythonyms in Russian and English, analyzes their structural and semantic features. The study of phraseological units of mythological origin provides a basis for identifying the main groups of phraseological units that go back to ancient mythology. The work emphasizes that mythonyms are especially valuable for the language since they originate in archaic cultures and are conditioned by the mythological beliefs of the people, their desire to explain the surrounding reality through the spiritualization of objects and phenomena.

Key words: phraseology, phraseological unit, mythonym, mythology, antiquity.

Н. В. Волкова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.611:811.124:811.11:811.161.1(045)

СПЕЦИФИКА ЛАТИНСКОЙ ПРИСТАВКИ *SUPER-* В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

Лексические системы расширяются как за счет своих языковых средств, так и в результате процесса заимствования. В английском и русском языках функционирование латинского префикса *super-* со значением 'высокой степени признака, усиленности действия, превосходства качества, размера и др.' находит отражение в каждом из этих двух аспектов, так как данный формант входит в состав производных и иностранных слов.

Целью данного исследования является сопоставительный анализ роли латинской приставки *super-* в процессах образования и заимствования слов на материале английского и русского языков.

Для достижения цели нами определены следующие задачи: создание базы лексических единиц каждого языка, в состав которых входит анализируемая приставка; определение происхождения исследуемых слов, зафиксированного в лексикографических источниках; классификация способов образования данных единиц; анализ особенностей функционирования префикса в сопоставляемых языках.

В научных лингвистических исследованиях широко рассматриваются иноязычные приставки и их словообразовательные возможности, а также адаптация заимствованных слов в английском и русском языках (Земская Е. А., Цыганенко Г. П., Шанский Н. М., Антрушина Г. Б., Арбекова Т. И., Арнольд И. В., Ахманова О. С., Бартков Б. И., Беляева С. А., Галуцких И. А., Горелкина А. В., Зацний Ю. А., Зенков Г. С., Каде Т. Х., Кочетков В. П., Лопатин В. В., Обухова И. Н., Павленко Г. В., Секирин В. П., Смирницкий А. И., Улуханов И. С., Царев П. В., Щитова О. Г. и др.). Актуальность нашего исследования обусловлена значительным ростом словообразовательной продуктивности латинской приставки *super-* на современном этапе развития языков, а также отсутствием работ, в которых были бы детально проанализированы лексемы с данным формантом в английском и русском языках как отдельно в каждой системе, так и в сопоставительном аспекте.

В результате применения метода сплошной выборки [1–9] объектом нашего исследования стало 430 единиц английского языка и 644 лексемы русского языка.

Таблица 1

Часть речи	Слова с приставкой <i>super-</i> в английском языке		Слова с приставкой <i>супер-</i> в русском языке	
	Абс.	%	Абс.	%
Существительное	222	51,62	465	72,20
Прилагательное	168	39,08	164	25,47
Наречие	21	4,88	13	2,02
Глагол	19	4,42	2	0,31
Всего	430	100	644	100

Как видно из данных, приведенных в Таблице 1, принадлежность лексем с анализируемой приставкой к определенным частям речи в сопоставляемых языках имеет одинаковые тенденции: наибольшее количество составляют существительные (51,62 % и 72,20 %), затем следуют прилагательные (39,08 % и 25,47 %), а наречия (4,88 % и 2,02 %) и глаголы (4,42 % и 0,31 %) представлены в значительно меньшей степени.

Исследуемые лексемы английского языка представляют две группы: заимствованные единицы и слова, которые являются производными, так как были образованы в данном языке.

Единицы первой группы (36 лексем, 8,37 %) являются следствием процесса заимствования слова, в котором уже присутствовала латинская приставка *super-*. Наибольшее количество прилагательных, например, *superannuated* (лат. *superannatus* <*superannatus* <*super* + *annus*), *supercilious* (лат. *superciliosus* <*supercilium* < *super* + *cilium*), *superficial* (лат. *superficies* < *super* + *ficies*), *superfluous* (лат. *superfluite* <*superfluitatem* <*superfluus*), *superhuman* (лат. *superhumanus*), *superior* (лат. *superiorem* <*superus* <*super*), *superlative* (фр. *superlatif* < лат. *superlativus* <*superlatus* <*superferre* <*super* + *lat-*), *supernatant* (лат. *supernatantem* <*supernatare* <*super* + *natare*), *supernatural* (лат. *supernaturalis* <*super* + *natura*), *supernumerary* (лат. *supernumarius* < *super* + *numerus*). Также заимствовались существительные, например, *superabundance* (лат. *superabundantia* <*superabundare* <*super* + *abundare*), *superfluity* (фр. *superfluite* < лат. *superfluitatem* <*superfluus*), *superposition* (фр. *superposition* < лат. *superpositionem* <*superponere* <*super* + *ponere*), *supersession* (лат. *supersessionem* <*supersedere*), и

глаголы, например, *to superscribe* (лат. *superscribere*), *to supersede* (фр. *supercede* < лат. *supersedere* < *super* + *sedere*), *to supervise* (лат. *supervisus* < *supervidere* < *super* + *videre*).

В свою очередь, данные единицы являлись основой для образования новых слов. Так, ряд наречий и субстантивов было образовано суффиксальным способом от прилагательных: *supercilious* > *superciliously* и *superciliousness*, *superfluous* > *superfluously* и *superfluouslyness*, *superlative* > *superlatively* и *superlativeness*, *superable* > *superableness* и *superably*, *superhuman* > *superhumanly*, *superabundance* > *superabundant* и *superabundantly*, *superannuated* > *superannuation*. Глаголы *to superannuate* и *to superpose* образованы в результате усечения основ прилагательного *superannuated* и существительного *superposer*, соответственно.

Обращают на себя внимание слова, которые могут трактоваться как образованные суффиксальным способом производные, однако детальный анализ этимологии подтверждает, что эти лексемы являются не дериватами, а заимствованиями разного периода времени, например: *superscript* (1590-е гг., лат. *superscribere*) и *superscription* (кон. XIV ст., лат. *superscriptionem*), *superintend* (1610-е гг., лат. *superintendere*) и *superintendent* (1550-е гг., лат. *superintendentem* < *superintendere* < *super* + *intendere*), *supererogation* (1520-е гг., лат. *supererogationem* < *supererogare* < *super* + *erogare*) и *supererogatory* (1590-е гг., лат. *supererogatorius*).

Наибольшую группу всех анализируемых слов составляют те единицы, которые были образованы на английской почве префиксальным способом при помощи *super-*, например, существительные: *superagency*, *superallody*, *superathlete*, *superbank*, *superblock*, *superbomb*, *supercalender*, *supercar*, *supercarrier*, *supercenter*, *supercity*, *supercivilization*, *superclass*, *supercomputer*, *supercontinent*, *superelite*, *supergene*, *supergiant*, *supergroup*, *supergrowth*, *superhero*, *superhighway*, *superjet*, *superloyalist*, *supermacho*, *supermind*, *supermodel*, *supernutrition*, *superroad*, *superschool*, *supershow*, *superstar*, *superthriller*, *superwave*, *superweapon*; прилагательные: *superactive*, *superambitious*, *superbad*, *superbright*, *supercautious*, *superchic*, *superclean*, *supercomfortable*, *supercompetitive*, *superconfident*, *superconvenient*, *superexpensive*, *superfast*, *superlarge*, *superpolite*, *superrich*, *supersharp*, *supersubstantial*, *superterrific*; глаголы *to supercede*, *to supercharge*, *to supercool*, *to superelevate*, *to superharden*, *to superheat*, *to superstimulate*.

Образование наречий может трактоваться двумя способами: префиксальным, при помощи приставки *super-* на базе наречия,

или суффиксальным способом, при помощи суффикса *-ly* от прилагательного, например, *superambitiously*, *supereminently*, *supersubtlety*.

Двойственный характер имеет и образование некоторых глаголов. Глагол *to superimpose* мог быть образован в 1787 г. при помощи приставки *super-* на основе глагола *to impose* или в результате усечения основы существительного *superimposition*, которое датируется 1680-ми гг.

Встречаются случаи конверсии. Так, прилагательные *supersize* и *supertall* послужили базой для образования глагола *to supersize* в 1994 г. и существительного *supertall* в 2003 г., соответственно.

Путем калькирования были образованы лексемы *superego* (1924 г., нем. *über-Ich*), *superconductor* (1913 г., голл. *suprageleider*), *superman* (1903 г., нем. *Übermensch*). Как эквивалент последнего существительного затем появилось слово *superwoman*.

Слово *supercalifragilisticexpialidocious*, которое переводится на русский язык как суперархикстраультрамегаграндиозно, представляет наиболее сложную структуру из всех анализируемых лексем. Оно появилось в 1964 г. в песне диснеевского фильма “Мэри Поппинс”.

Образование неологизмов при помощи форманта *super-* является актуальным и на современном этапе развития языка. С начала XXI века были образованы такие слова, как *superager*, *superinfector*, *supersoap*, *superweed*. Первичное употребление единиц часто сопровождается объяснением их значения в публицистическом тексте. Проанализируем следующие примеры.

Существительное *superager* со значением ‘a person over 80 years old who exhibits little cognitive decline’ / ‘человек старше 80 лет с небольшим снижением когнитивных способностей’: *Don't we all want to be superagers? These are the folks identified in studies as having exceptionally sharp memories in their 80s and 90s. Researchers are looking at them, trying to figure out what makes them retain bigger brain size, with accompanying attention and thinking abilities greater than most other people their age.* (“What Makes A ‘SuperAger’?”, Forbes, February 21, 2015).

Субстантив *superinfector* имеет значение ‘a person with a contagious disease who demonstrates an above-average ability to pass the disease on to others’ / ‘человек с заразной болезнью, у которого выше среднего способность передавать болезнь другим’: *Singapore Health Minister Lim Hng Kiang said his nation probably faced a longer-term situation with SARS than previously expected. He told reporters in Singapore on Sunday that the disease appeared to*

have a sub-set of cases involving what he termed “super-infectors.” These were victims who were much more infectious than others and therefore affected many others. (“Canada reports fourth death from SARS,” United Press International, March 30, 2003).

У лексемы *supersoap* значение ‘a soap that coats the skin with a thin film designed to ward off bacteria’ / ‘мыло, которое покрывает кожу тонкой пленкой, предназначенной для защиты от бактерий’: *Scientists have created a “supersoap” which is twice as effective as conventional detergents. It creates a layer on the skin’s surface which bacteria find difficult to cling to. Hands washed with the new soap picked up 58 per cent fewer bacteria than those using ordinary soap. (“Supersoap keeps skin twice as nice,” Western Daily Press, May 22, 2002).*

Существительное *supertunnel* было употреблено в значении ‘an extremely long or exceptionally well built tunnel’ / ‘очень длинный или исключительно хорошо построенный туннель’: *There are stories about a network of tunnels linking the Rottneist Battery with the Army Depot on Rottneist Island. There was also a “super rumour” of a super-tunnel that linked Rottneist Island with Buckland Hill Battery on the mainland. (“Rottneist Island Tunnels, Western Australian during WW2,” Australia @ War, May 13, 2003).*

Исследуемые лексические единицы русского языка так же, как и английского, являются или иностранными словами, или производными, которые были образованы на русской почве.

Лексемы первой группы являются результатом процесса заимствования слов из английского, реже – немецкого языков, которые, в свою очередь, образовались при помощи латинской приставки *super-*. Проанализируем следующие примеры: супермаркет (англ. *supermarket* <*super-* + *market*), супермен (англ. *superman* <*super-* + *man*), суперрегенеративный (англ. *superregenerative* <*super-* + *regenerative*), суперкар (англ. *supercar* <*super-* + *car*), суперстар (англ. *superstar* <*super-* + *star*), суперхайвей (англ. *superhighway* <*super-* + *highway*), суперфосфат (нем. *Superphosphat* <*super-* + *Phosphat*). Некоторые из данных существительных стали базой для образования новых слов при помощи суффиксации, например, супермаркет > супермаркетный, супермен > суперменка, суперменский и суперменство, суперфосфат > суперфосфатный и суперфосфатчик.

Представляют особый интерес параллели субстантивов с префиксом *super-*, заимствованных из английского языка, и тех, которые были образованы в русском языке при помощи обозначенной единицы: суперстар (*superstar*) – суперзвезда (супер- + звезда), супермаркет (*supermarket*) – супермагазин (супер- + магазин), суперкар (*supercar*) – суперавтомобиль (супер- + автомобиль) и супермашина (супер- + машина),

суперхайвей (*superhighway*) – суперавтострада (супер- + автострада) и супердорога (супер- + дорога).

Во вторую группу анализируемых слов русского языка входят единицы, которые были образованы на основе исконной лексемы при помощи приставки супер-. Например, существительные: супербогач, суперведущий, супервыставка, супергосударство, супердержава, супердостижение, супержизнь, суперзамок, суперземля, суперкривизна, супернагрузка, суперпоезд, суперчадо; прилагательные: супербогатый, супергромкий, супердорогой, супердоходный, суперзащитный, суперкрасивый, супермощный, супернагрузка, супернадежный.

Наибольшую группу представляют слова, появление которых в русском языке объясняется результатом процесса заимствования или процесса словообразования путем добавления приставки супер- к иностранному слову русского языка. Например, существительные: суперагент <*superagent* или супер- + агент, супербактерия <*superbacteria* или супер- + бактерия, суперблок <*superblock* или супер- + блок, супергерой <*superhero* или супер- + герой, супергетеродин <*superheterodyne* или супер- + гетеродин, суперген <*supergene* или супер- + ген, супергигант <*supergiant* или супер- + гигант, супергруппа <*supergroup* или супер- + группа, суперинфекция <*superinfection* или супер- + инфекция, суперкласс <*superclass* или супер- + класс, суперклуб <*superclub* или супер- + клуб, суперкомпьютер <*supercomputer* или супер- + компьютер, суперконтинент <*supercontinent* или супер- + континент, суперлайнер <*superliner* или супер- + лайнер, супермодель <*supermodel* или супер- + модель, супернатурализм <*supernaturalism* или супер- + натурализм, суперпаразитизм <*superparasitism* или супер- + паразитизм, суперстанция <*superstation* или супер- + станция, суперструктура <*superstructure* или супер- + структура, супертанкер <*supertanker* или супер- + танкер, супертяжеловес <*superhighweight* или супер- + тяжеловес, суперхит <*superhit* или супер- + хит, суперцивилизация <*supercivilisation* или супер- + цивилизация, супершоу <*supershow* или супер- + шоу, суперэлита <*superelite* или супер- + элита, суперэкспресс <*superexpress* или супер- + экспресс; прилагательные: суперкомфортабельный <*supercomfortable* или супер- + комфортабельный; глаголы: суперпозировать <*superpose* или супер- + позировать.

В отличие от данной категории слов, у таких субстантивов, как суперавиация, суперакция, супербренд, супербригада, супервектор, супервулкан, суперделегат, супердуэт, супердуэль, суперидея, суперимперия, суперинфляция, суперкарьера, суперкод, суперсезон, суперприз, суперпроблема, суперрегион,

суперрекорд, суперсенсация, суперфинал, суперфиниш, суперлюкс, суперталант и др. отсутствуют соответствующие слова, зафиксированные в словарях английского языка. Это позволяет делать вывод, что такие лексемы не были заимствованы, а были образованы именно префиксальным способом.

Двойную трактовку имеет происхождение многих прилагательных, которые могли быть образованы префиксальным способом от прилагательного или суффиксальным от существительного, например: супергигантский, супергрупповой, супердержавный, суперзвездный, суперинфекционный, суперклассный, суперкомпьютерный, суперкомфортный, суперконтинентальный, суперпозиционный, суперсенсационный, суперфинальный, суперзамечательный, суперлюксовый, суперталантливый. Подобное находим среди существительных суперфиниширование и суперталантливость, а также наречий суперзамечательно, суперкомфортно, суперлюксово.

Для передачи более сильного превосходства качества были образованы лексемы суперсуперкомпьютер и супермеганаунонаучносовременный, в производящих основах которых уже содержались приставки со значением 'превышения' супер- и мега-.

Таким образом, следует отметить, что роль латинской приставки *super-* в английском и русском языках имеет типичные и отличительные характеристики. Общими чертами является частеречная принадлежность лексем с данным формантом и их соотношение. Более того, в каждом языке необходимо разграничивать собственно иностранные слова с анализируемым префиксом и производные единицы данных слов, которые были образованы в результате префиксации, суффиксации, конверсии, усечения основ, а также дериваты от исконных лексем. Качественные и количественные показатели каждой группы слов подтверждают специфику сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://dic.academic.ru>.
2. Современный словарь иностранных слов : толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / [Л. М. Баш, А. В. Боброва и др.]. – 8-е изд. – М. : Цитадель-трейд : Вече, 2006. – 960 с.
3. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / [ред. Н. Ю. Шведова]. – М. : Азбуковник, 2007. – 1175 с.

4. Этимологический словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://vasmer.slovaronline.com>.
5. Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.etymonline.com>.
6. Skeat W. W. The Concise Dictionary of English Etymology / W. W. Skeat. – London : Wordsworth Editions Limited, 2007. – 643 p.
7. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.thefreedictionary.com>.
8. Word Help [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordhelp.ru>.
9. Word Spy: The Word Lover's Guide to New Words [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://wordspy.com>.

АННОТАЦИЯ

Волкова Н. В. Специфика латинской приставки *super-* в английском и русском словообразовании

В статье рассматривается вопрос функционирования латинской приставки *super-* в английском и русском языках. Сопоставлено значение анализируемой единицы в процессе заимствования и словообразования в каждом языке. Разграничены и классифицированы как иностранные слова, так и словообразовательные неологизмы, в состав которых входит данный формант.

Ключевые слова: приставка, заимствование, словообразование, иностранное слово, неологизм.

SUMMARY

Volkova N. V. The specific features of the Latin prefix *super-* in English and Russian word-formation processes

The article deals with the problem of the Latin prefix *super-* functioning in English and Russian. The specific features of the unit under analysis in the process of borrowing and word-formation in each language are compared. Both foreign words and word-formation neologisms containing this formant are distinguished and classified.

Key words: prefix, borrowing, word-formation, foreign word, neologism.

Ю. Л. Дмитриева
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.161.1

СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА

Произведения С. Есенина неоднократно становились объектом рассмотрения как литературоведов, так и лингвистов. Описаны основные темы творчества поэта, рассмотрены особенности его языка, изучены основные концепты художественной картины мира писателя, проанализированы особенности перевода его текстов на другие языки мира (например, на английский язык). Кроме того, нами неоднократно рассматривался образ дерева в творчестве С. Есенина, средства репрезентации фитоморфного кода культуры в произведениях автора. Однако средства вербализации пространственного кода культуры ранее изучены не были, что обуславливает актуальность данного исследования.

Целью работы является выявление и описание средств вербализации пространственного кода культуры в текстах С. Есенина.

Под кодом культуры принято понимать «“сетку”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [5, с. 297]. Это система представлений о действительности, преломлённая сквозь призму культуры этноса. Коды культуры являются основой формирования картины мира, поскольку эксплицируют и соотносят объекты природы и артефакты, реалии внешнего и внутреннего мира. Они не только аккумулируют этнокультурную информацию, но и фиксируют её с помощью знаковых систем (основной из которых является язык).

В числе базовых кодов культуры исследователи (например, В.В. Красных) выделяют пространственный код. И.В. Захаренко, рассматривая архетипическую оппозицию «свой – чужой», определяет его как «представления о членении пространства, его свойствах, характеристиках, а также об отношении человека к пространственным параметрам» [3, с. 16]. В.В. Красных отмечает универсальность кодов культуры, их взаимосвязь друг с другом. Однако исследователь указывает, что «их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой» [5, с. 298]. Так, представления о пространстве «восходят к древнейшим формам осознания мира и связаны, прежде всего, с освоением

окружающего мира человеком, с процессом его “окультуривания” и “оживления”» [3, с. 16]. В языковом опыте носителей русской лингвокультуры лексема пространство объективирует представления о, во-первых, «одной из основных форм существования материи, характеризующейся протяжённостью и объёмом» [1, с. 1028]; во-вторых, о «неограниченной протяжённости во всех измерениях, направлениях» [Там же]; в-третьих, о «месте, способном вместить что-либо» [Там же]; наконец, в-четвёртых, о «большом участке земной поверхности» [Там же]. Следовательно, словарной дефиниции вербального знака пространство объективированы такие признаки, как «протяжённость», «объём» и «вместительность». Они являются основополагающими при восприятии индивидом пространства как такового. Ср.: «Современный человек воспринимает пространство в виде некоего объёма, в котором располагаются различные объекты и происходят какие-либо жизненные процессы и явления» [3, с. 16]. Однако, согласно В.В. Красных, представления о пространстве в русской культуре тесно связаны с жизнедеятельностью человека, с его восприятием себя и социума. Они соотносятся с универсальной оппозицией «свой – чужой», которую Ю.С. Степанов трактует как «главный концепт всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [8, с. 472].

Ю.М. Лотман отмечал, что в культуре любого народа присутствует дифференциация мира на внутренне, соотносимое с зоной «своего», и внешнее, ассоциируемое с зоной «чужого», пространство [7, с. 175 – 176]. Исследователь соотносит выделяемые разновидности пространства и соотносимые с ними зоны с космосом и хаосом. Так, космос определяется как окультуренный человеком мир. Ср. дефиницию лексемы космос в толковом словаре современного русского языка: «Космос – от греч. *kosmos* вселенная» [1, с. 461]. Хаос, напротив, противопоставляется этому миру как нечто неизведанное, сложное для осознания и понимания человеком. Это «беспредельное пространство (представляющее собой беспорядочную смесь материальных элементов мира), из которого произошло всё сущее» [1, с. 1439].

Таким образом, пространство изначально членится на несколько противопоставленных зон «своего – чужого», «космоса – хаоса». При этом, согласно исследованиям В.В. Красных, М.В. Пименовой, Ю.С. Степанова, И.В. Захаренко, с рождения человек погружен в то пространство, которое оказывает непосредственное влияние на то, как он моделирует мир. Однако изначально постижение мира, согласно В.В. Красных,

И.В. Захаренко, начинается с познания человеком себя. Так, В.В. Красных отмечает, что «через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность» [5, с. 298]. Отметим, что в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» в центр пространственной модели мира поставлен именно человек. Ср.: «Представление о “своем” и “чужом” пространстве мыслится как совокупность концентрических кругов, при этом в самом центре находится человек и его ближайшее окружение (например: человек – дом – двор – село – поле – лес). Степень “чужести” возрастает по мере удаления от центра, “свое” (культурное) пространство через ряд границ (забор, околица, река и т. п.) переходит в “чужое” (природное), которое в свою очередь граничит или отождествляется с потусторонним миром» [7, с. 581].

Так, в текстах С. Есенина человек объективируется как личными местоимениями, так и нарицательными и собственными именами. Например: Я стою у дороги, / Прислонившись к иве [2, с. 15]; Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь [2, с. 22]; Уведу тебя под склоны / Вплоть до маковой зари [2, с. 20]; Мне вдогон смеялась речка: / «У милашки новый друг» [2, с. 19]; Хороша была Танюша, краше не было в селе [2, с. 21] и др. Отметим, что в данных текстах членение пространства соотносится как с вертикалью, так и с горизонталью. В предложении Я стою у дороги, / Прислонившись к иве [2, с. 15] лексема дорога выражает представление о горизонтальной границе окультуренного пространства. Вербальный знак гора (Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь [2, с. 22]) эксплицирует соотношение с вертикальным членением пространства.

Локус дома в произведениях поэта объективируется как лексемой дом, так и вербальными знаками изба, хижина. Ср.: Смолкшим колоколом над прудом / Опрокинулся отчий дом [2, с. 76]; И вновь вернуся в отчий дом [2, с. 139]; Мир тебе – деревянный дом [2, с. 176]; Изба-старуха челюстью порога / Жует пахучий мякиш тишины [2, с. 74]; Я проводил тебя до рощи, / К твоей родительской избе [2, с. 97]; Покину хижину мою, / Уйду бродягою и вором [2, с. 139].

Следующим кругом является локус двора. Ср.: А по двору метелица / Ковром шелковым стелется [2, с. 17]; На дворе обедню стройную / Запевают петухи [2, с. 46]; Осенний холод ласково и кротко / Крадется мглой к овсяному двору [2, с. 74]; Под красным вязом крыльцо и двор [2, с. 89]; Даже пес в хозяйский двор / Издыхать всегда приходит [2, с. 229].

В языковом опыте этноса словоформа двор употребляется для номинирования «участка земли при доме, огороженном забором или стенами зданий» [1, с. 242]. Наличие границы является обязательным для окультуренного пространства, поскольку позволяет условно отделить его от всего внешнего, сделать защищённым.

Локус села объективирован в произведениях С. Есенина лексемами село, деревня. Это хорошо знакомое пространство, в котором человек взаимодействует с другими членами социума, идентифицируя себя как часть общества и противопоставляя представителям других локусов (например, жителям города). Например: Ты прощай, село родимое, / Темна роща и пеньки [2, с. 48]; Тянется деревня с праздничного сна, / В благовесте ветра хмельная весна [2, с. 31]; Приютились к вербам сиротливо / Избы деревень [2, с. 68].

Ещё одним культурно ассимилированным пространством является поле, т.е. «обрабатываемая под посев земля, возделанный участок» [1, с. 898 – 899]. Например: В поле, склоняясь к побегам, / Ходят грачи в полосе [2, с. 34]; Дьякон бавкнул из кряжистых сил: / «Еще молимся, братья, о вере, / Чтобы Бог нам поля оросил» [2, с. 62]. Однако вербальный знак поле может называть и «безлесую равнину» [1, с. 898]. Ср.: По полю зыбистым бегом / Пенной я цвет разнесу [2, с. 34]; Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей [2, с. 52]; В мягкой зелени поля [2, с. 52]; Опять передо мною голубое поле, / Качают лужи солнца рдяный лик [2, с. 81].

Кроме того, поле необходимо преодолеть, чтобы попасть в другое пространство, например, населённый пункт или дом. Ср.: Опять раскинулся узорно / Над белым полем багрянец, / И заливается задорно / Нижегородский бубенец [2, с. 24]; Пробирались странники по полю, / Пели стих о сладчайшем Иисусе [2, с. 37]; По полям бредя с кошелками, / Улыбались старики [2, с. 49]; Там в полях, за синей гущей лога, / В зелени озер, / Пролегла песчаная дорога / До сибирских гор [2, с. 68].

В текстах С. Есенина рассматриваемый локус употребляется не только для обозначения пространства, находящегося за пределами села (деревни), но и как указание на родную землю. Её основными признаками автор называет широту, простор, которые ассоциируются в текстах со свободой, волей: Уже давно мне стала сниться / Полей малиновая ширь [2, с. 24]; Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля [2, с. 50]; О Русь, малиновое поле / И синь, упавшая в реку, / Люблю до радости и боли / Твою озерную тоску [2, с. 81]; О полях посеребрённых / Загрустила, словно голубь, / Радость лет уединённых [2, с. 95].

Наконец, лес в русской лингвокультуре также рассматривается как один из кругов пространственной модели мира. В произведениях С. Есенина он выступает как «пространство, обильно поросшее деревьями» [1, с. 493]. Ср.: Поет зима – аукает, / Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка [2, с. 17]; В терем темный, в лес зеленый, / На шелковы купыри [2, с. 20]; Вижу лес и вечернее поле, / И обвитый крапивою плетень [2, с. 22]; Лес застыл без печали и шума, / Виснет темь, как платок, за сосной [2, с. 32]; Сыпь ты, черемуха, снегом, / Пойте вы, птахи, в лесу [2, с. 34]; Вяжут кружево над лесом / В желтой пене облака [2, с. 52]. Отметим, что, согласно нашим исследованиям, лес традиционно относился к зоне «чужого», т.к. это культурно не ассимилированное пространство. В него ссылали болезни, горечи и печали. Также славяне верили, что в лесу обитают представители «чужого» для человека мира, например, в ряде русских народных сказок в дремучем лесу живёт Баба Яга. Кроме того, именно лес является зоной контакта человека с зоной «чужого». Однако в произведениях С. Есенина лес выступает как место, где лирический герой может отдохнуть от человеческого общества, побыть наедине с собой. Ср.: И радости звонкой / Лесов не оглашать [2, с. 99]; До сегодня еще мне снится / Наше поле, луга и лес, / Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес [2, с. 205]; А теперь вот в лесной обители / Даже слышно, как падает лист [2, с. 215]; Соглядатаи праздный, я ль не странен / Дорогим мне пашням и лесам [2, с. 232]. Также рядом с лесом автор располагает монастырь, т.е. «церковь, жилые помещения и территория, принадлежащие религиозной общине» [1, с. 554]. Например: Сенокос некошенный, / Лес да монастырь [2, с. 60].

Таким образом, в стихотворениях С. Есенина репрезентирована пространственная модель членения мира, характерная для русской культуры. Основные локусы, в числе которых дом, двор, село, поле, лес объективированы вербальными знаками дом, изба, хижина, село, деревня, двор, поле, лес и т.д. Кроме того, каждый из выделенных видов пространства соседствует с предыдущим, выполняя свои функции. По мере удаления от центра модели, которым является человек, из зоны «своего» локусы перемещаются в зону «чужого».

Однако предложенная в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» пространственная модель мира не единственная. М.В. Пименова рассматривает такую модель как ориентационную, выделяя следующие разновидности:

1) вместилище, т.е. «место, ёмкость, сосуд для хранения чего-либо» [1, с. 136];

- 2) поверхность, т.е. «наружная сторона чего-либо» [1, с. 851];
- 3) оппозиции «верх – низ», «передняя – задняя сторона», «правый – левый», «близкий – далёкий», «центр – периферия»;
- 4) биологическая, к которой исследователь относит повышение чего-либо, уровень схожести, тождественности;
- 5) географическая, указывающая на географические объекты;
- 6) геометрическая, называющая параметры расположения (параллельно, горизонтально, вертикально и т.д.);
- 7) соматическая, или телесная, называющая части тела человека как локусы, мыслей, чувств, переживаний;
- 8) физическая, называющая меру, протяжённость, вес, объём объекта;
- 9) химическая, указывающая на состав объекта, его способности располагаться / перемещаться в пространстве;
- 10) кинестетическая, которая связана с действиями предметов;
- 11) социальная, указывающая на взаимодействие человека с социумом, его положение в обществе;
- 12) метеорологическая, к которой учёный относит описания метеорологических объектов (солнца, месяца, луны и т.д.);
- 13) зооморфная, указывающая на животный мир и ареал обитания его представителей;
- 14) строительная, связанная с ассимиляцией человеком пространства (возведения зданий, обустройстве населённых пунктов);
- 15) милитарная, указывающая на зоны разграничения сторон конфликта;
- 16) транспортная, называющая способы перемещения из одного локуса в другой;
- 17) производственная и экономическая [4, с. 101 – 102].

В основе выделения указанных разновидностей пространственной модели лежит когнитивная метафора. Это способность человека соотносить явления из разных областей и ориентироваться в их положении в пространстве относительно принятой системы координат. Ю.С. Степанов отмечает, что одной из древнейших таких систем является оппозиция «свой – чужой», которая на подсознательном уровне знакома каждому. Исследователь приводит в качестве примера взаимоотношения подростков: «Вполне определённо оно известно в нашем быту мальчишкам одного подъезда, одного дома, одного двора с несколькими домами, одной улицы с несколькими дворами и выражается в верности “своим”, драками с “чужими”» [8, с. 472]. Отметим, что в данном примере также присутствует ориентационная модель, предложенная авторами статьи словаря «Славянские древности»: подъезд – дом – двор – улица.

В. В. Красных, отмечая архетипичность оппозиции «свой – чужой», предлагает структурировать русскую пространственную модель мира следующим образом:

1) внутренний мир человека, т.е. пространство внутри индивидуума, ограничивающееся физическими границами тела. Например: Где-то песнь соловья / Вдалеке я слышу [2, с. 15]; Ой вы, луга и дубравы, – / Я одурманен весной [2, с. 34];

2) личная зона, т.е. пространство вне тела носителя русской лингвокультуры, которое квалифицируется как «его собственность». Ср.: И сердце под рукой теперь больней и ближе, / И чувствую сильнее простое слово: друг [2, с. 223]; Дорогая, сядем рядом, / Поглядим в глаза друг другу [2, с. 193];

3) зона «своего», т.е. культурно ассимилированное пространство, которое расценивается человеком как близкое, родное: Не у всякого есть свой близкий, / Но она мне как песня была [2, с. 207]; Что желать под житейскою ношею, / Проклиная удел свой и дом? [2, с. 235];

4) зона «чужого», т.е. противопоставленное «своему» пространство [5, с. 300]: И уже говорю я не маме, / А в чужой и хохочущий сброд: / «Ничего! Я споткнулся о камень, / Это к завтраму все заживет» [2, с. 156].

Итак, под пространственным кодом культуры, квалифицируемом исследователями как универсальный, понимают совокупность представлений о членении пространства, его свойствах и параметрах, а также об отношении к ним человека. При изучении русской культуры исследователями сконструировано несколько пространственных моделей мира. Это модель концентрических кругов, в центре которой находится человек, и модель нескольких зон (внутреннего мира, личной зоны, зон «своего» и «чужого»). Описанные модели эксплицированы в произведениях С. Есенина лексическими единицами, называющих локусы дома, двора, поля, леса. Однако выявление и описание средств экспликации зон «своего» и «чужого», а также личной зоны и внутреннего мира составляет перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
2. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 1. Стихотворения. Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского / С.А. Есенин. – М. : Наука – Голос, 1995. – 672 с.

3. Захаренко, И.В. Архетипическая оппозиция «свой – чужой» в пространственном коде культуры / И.В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Редкол.: М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. – М. : МАКС Пресс, 2013. – Вып. 46. – С. 15 – 31.
4. Колесов, В.В. Языковые основы русской ментальности : учеб. Пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова ; отв. ред. М.В. Пименова. – М. : Флинта : Наука, 2016. – 136 с.
5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю.М. Лотман. – М., 1996. – С. 175 – 193.
7. Славянские древности : Этнолингвистический словарь. В 5-ти т. Т. 4 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : «Международные отношения», 2009. – 656 с.
8. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

АННОТАЦИЯ

Дмитриева Ю. Л. Средства объективации пространственного кода культуры в стихотворениях С. Есенина

В статье даётся определение пространственного кода культуры, подчёркивается его универсальность. Автор рассматривает основные параметры членения пространства (оппозиции «космос – хаос», «свой – чужой»), свойственные всем культурам. В работе выявлены и описаны вербальные знаки, объективирующие пространственную модель русской культуры, построенную в виде концентрических кругов, в центре которой находится человек. Материалом исследования являются стихотворения С. Есенина.

Ключевые слова: пространственный код культуры, пространственная модель мира, вербальный знак, локус, зона «своего», зона «чужого».

SUMMARY

Dmitrieva J. L. Means of objectification of the spatial code of culture in the poems by S. Yesenin

The article defines the spatial code of culture, emphasizes its universality. The author considers the basic parameters of the division of space (the opposition «cosmos – chaos», «one's own – another's»), characteristic of all cultures. The work identifies and describes verbal signs that objectify the spatial model of Russian culture, built in the

form of concentric circles, in the center of which is a person. The material of the research is the poems by S. Yesenin.

Key words: spatial code of culture, spatial model of the world, verbal sign, locus, zone of one's own, zone of another's.

*Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'367.32

ИМПЛИЦИТНЫЕ И ПОЛУИМПЛИЦИТНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ

В теории речевых актов особый статус получила проблема «косвенных речевых актов». Далеко не всегда говорящий, произнося высказывание, имеет в виду то, что он говорит. Такая смысловая простота и однозначность не присущи намекам, иронии, метафоре и т. д. Буквальное значение предложения и смысл, подразумеваемый данным говорящим в данной ситуации, расходятся. Важный класс подобных расхождений составляют случаи, когда говорящий подразумевает одновременно и прямое значение высказывания, и нечто большее, а само высказывание имеет две иллокутивные функции [2, с. 195]. Для каждого типа иллокутивного акта имеется свой набор условий, необходимых для его успешного выполнения [2, с. 201-213].

В правильном прочтении косвенных речевых актов (далее – КРА) большую роль играет наличие или отсутствие в пропозициональном смысле исходного высказывания элементов имплицированного высказывания. В соответствии с данным критерием все КРА делятся на имплицитные и полуимплицитные. Для имплицитного КРА характерно отсутствие единства между пропозициями исходного и имплицированного высказывания, в результате чего появляется большая зависимость от контекста [1, с. 124]. Например:

MOTHER: *Where do you think you are going young lady?*

CAROL: *Just out with the girls from school, shan't be long* [8, с. 3].

В приведённом выше примере наиболее интересным для проводимого анализа языкового материала (сплошных выборок в 100 высказываний из 10 драматических произведений современных англоязычных авторов) является выделенное высказывание, представляющее собой имплицитный КРА. Данная реплика несет в себе две иллокутивные силы. Прямым

значением речевого акта (далее – РА) является вопрос: говорящий запрашивает у слушателя ответ. Косвенное значение **РА** – запрет будущего действия: *'I will not let you go any where you want'*. Итак, в указанном случае наблюдается отсутствие структурной общности между пропозициональной частью квеситивного высказывания и пропозициональным содержанием запрета.

Что касается полуимплицитного КРА, то для его автора характерна частичная экспликация направленности намерений речевых действий на каузацию действий адресата. Полуимплицитные КРА менее зависимы от контекста, так как в них присутствуют эксплицитные маркеры, помогающие адресату определить иллокутивную силу высказывания. Примером полуимплицитного КРА служит следующая реплика:

BIGMATT: *Uncle Matty's boust a get his scrub on!*

TASHA: *NO! GOD PLEASE, NO!* [5, с. 7].

Большой Мэтт, в своем обещании к Таше – очистить ей кровь с лица – использует полуимплицитный КРА. Эксплицитным маркером в данном случае служит фраза *is boust a get*, как *разговорное американское просторечие* (= *is about to get*). Употребление данной конструкции в реплике указывает на то, что говорящий собирается что-то выполнить в ближайшем будущем.

В анализируемом отрывке драмы “Radas Hell” американского писателя Джереми Джонсона (Jeremy Johnson) к употреблению полностью имплицитных КРА склоняется персонаж по имени Блейн, который в обстановке чрезвычайной ситуации экономит вербальные средства (особенно в случае употребления директива): *“No. Tasha” = ‘Come here’; “Here” = ‘Take it’*.

Другой пример:

BLAINE (facing the bar): *Nikki...NIKKI!* [5, с. 3].

Мы не можем быть уверены точно, какую цель преследует данная реплика, не зная сопутствующего ей контекста. Данный речевой акт может быть прямым экспрессивом, выражающим эмоции злости, печали или радости, или же косвенным комиссивом, обозначающим угрозу. Однако конкретно в этой ситуации обращение к парню служит косвенным директивом (*‘Come here’*), подтверждением чего является последующий полуимплицитный КРА-директив:

BLAINE (facing the bar): *Nikki...NIKKI! I need you to get off the bar and hand me your Molotov Cocktail* [5, с. 3].

Мы видим, что Блейн требует от Никки (*“I need you...”*) слезть с бара и передать ему бутылку с зажигательной смесью.

Никки также использует имплицитный РА в выражении косвенного директива, но больше для того, чтобы скрыть свое

сообщение от появившегося внезапно третьего лица в баре, Берта (проверяющего):

Tasha turns toward Bert with her blood splattered face. Bert scribbles something on his clipboard.

NIKKI: *Blaine! Clipboard!* [5, с. 7].

Никки требует, чтобы Блейн обратил внимание на проверяющего, который неожиданно возник среди беспорядка, а также на то, чтобы как-то решить данную проблему.

Полуимплицитные РА в своей речи использует и Большой Мэтт для выражения вежливой просьбы:

BIG MATT: *Can I get another beer?* [5, с. 4].

На то, что РА является полуимплицитным, указывает модальный глагол (can).

Интересным, на наш взгляд, является употребление полуимплицитного косвенного экспрессива:

BLAINE: *Seriously, you're a spazz* [5, с. 5].

В данной реплике Блейн упрекает друга, используя в речи инвективу (*a spazz*), которая и служит маркером экспрессивности – эмоции крайнего недовольства персонажа. То есть Блейн не прямо говорит, что ему что-то не нравится, используя оценочный перформативный глагол (*I dislike your behaviour*), а выражает свои чувства посредством констатации неадекватности человека.

В анализируемом отрывке драматического произведения “Eve and Oliver” американского писателя Хендрика Рименса (Hendrik Riemens) полная имплицитность в репликах драмы используется для выражения косвенного директива в форме констатива и косвенного констатива в форме квеситива. Например:

EVE: *How else are you going to learn that everything is unfair?* [11, р. 4].

В данном примере, обращаясь к контексту, можно узнать, что Ив не просто спрашивает у Оливера, каким еще другим способом можно понять, что все несправедливо, а посредством данного риторического вопроса высказывает свою точку зрения (*Everything is unfair*).

Или в случае:

EVE: *Yes I do, but you're touched enough, just enough* [11, р. 2].

На первый взгляд может показаться, что девушка просто констатирует факт, описывая эмоциональное состояние своего собеседника. Однако на самом деле данная реплика является косвенным директивом, имплицитным высказыванием которого есть скрытое желание Ив заставить парня быть более растроганным ее поступком (*I want you to be touched more*).

Что касается полуимплицитных КРА, то их в драме в своей речи часто использует Ив в выражении косвенного экспрессива в форме констатива. Например:

EVE: *But that's so lame!*

Или

EVE: *That's so childish!* [11, р. 3].

Оба вышеприведенных косвенных экспрессива содержат в себе похожие маркеры полуимплицитности – эмоционально окрашенные прилагательные (*lame, childish*), плюс наличие графического признака эмоциональности речи – восклицательного знака. То есть, используя такие РА, девушка не только отвечает собеседнику, информируя его о чем-то, но и обозначает свое собственное отношение к сообщению. Также, помимо прилагательных с эмоционально-оценочной коннотацией, маркерами полуимплицитного косвенного экспрессива могут быть междометия (*“Oh really?”*).

Собеседник Ив, Оливер использует полуимплицитность в речи с целью выражения косвенного директива или коммисива. Оливер тепло относится к девушке, и даже в случаях, когда ее поведение несколько озадачивает его, он все равно старается ее успокоить. Например:

OLIVER: *Don't you realize that I'm touched enough as it is because you planned all this?* [11, р. 2].

Оливер просит Ив наконец понять, что, несмотря на плохие погодные условия, он все равно растроган тем, что она приготовила для него пикник. То есть данная реплика в квеситивной форме является не чем иным, как косвенным директивом (*Realize that I'm touched*).

В анализируемом отрывке драматического произведения “Another Saturday Night” британского писателя Алана Лоуэ (Alan Lowe) в вопросительной форме маркерами полуимплицитности становятся в первую очередь глаголы умственного состояния (*think, realize* и т. д.), целью которых является попытка влияния на разум человека и побуждение его к какому-то действию. Основу данного акта составляет эмоциональная негативно окрашенная реакция говорящего на речь или действия собеседника, и использование авторитарности для изменения его неуместного поведения. То есть, это всегда экспрессив, который может входить в сложный синкретический акт. Например:

MOTHER: *Where do you think you are going young lady?* [8, р. 3].

Мать в своей речи к дочери использует косвенный полуимплицитный акт, целью которого является не *смягчение* передаваемой информации, а желание с помощью одной

квеситивной формы реализовать сразу несколько иллокуций. Данный речевой акт является синкретическим (экспрессив *'I don't like your going anywhere'*; комиссив *'I will not let you go'*). Фраза *"do you think"* является маркером именно экспрессива (эмоции возмущения матери), который владеет доминантной иллокуцией и за которым уже следует комиссив.

FATHER: *Why don't you find a nice lad from around here...* [8, p. 5].

Отец пытается подтолкнуть девушку к размышлению о более подходящей кандидатуре на роль молодого человека, используя имплицитный косвенный директив-совет (*'Try to find a nice lad from around here'*).

Определить косвенный констатив, единственной формой которого может быть квеситив, без обращения к контексту невозможно. Поэтому практически все косвенные констативы являются имплицитными:

ADRIAN: *What that have to do with being Christian? Are all hospital doctors Christians?* [12, p. 10].

Обе представленные выше реплики из анализируемого отрывка драматического произведения *"The Challenge"* британского писателя Джона Тшиоми (John Tshioma Nombombe), принадлежащие Адриану, выражены в форме квеситива. Однако их целью является не запрос информации, как в обычном прямом вопросе, а выражение собственной точки зрения (*'It's not important to be Christian for someone to be a good man'*), и это становится понятным именно из контекста.

В анализируемом отрывке драматического произведения *"A Pony for Sean"* британского автора Патриции Кайлер (Patricia Keiller) маркерами косвенного полуимплицитного комиссива в речи персонажей являются конструкции *to be going / will + Infinitive*, служащие для обозначения намерения или угрозы. Например:

SEANKEENAN: *One day I'll show you...* [7, p. 5].

Для выражения эмоции крайнего раздражения Шон также использует полуимплицитный КРА, маркером которого становится интенсификатор *always* в сочетании с формой Present Continuous *'be + Ving'*:

SEAN KEENAN: *Why are you always putting me down?* [7, p. 5].

Имплицитные КРА в диалоге использует либо женская половина семьи, с целью смягчения конфликта (защиты третьего лица), либо же брат главного героя – для того, чтобы успокоить Шона. Например:

MARY KEENAN: *I think you underestimate Sean, Dad* [7, p. 4].

Мери, при помощи косвенного имплицитного директива,

просит отца не недооценивать брата, ведь он не так безнадежен, как кажется (*'Don't underestimate Sean'*). Девушка не может использовать прямой или даже полуимплицитный косвенный директив, так как результатом этого может стать ссора, к тому же, по социальной роли отец стоит на ступень выше.

С той же целью в романе используются и полуимплицитные КРА. Например:

ANN KEENAN: *Sean just wants you to pay more attention to him* [7, p. 6].

Используя полуимплицитный КРА, Энн ненавязчиво дает совет мужу обратить внимание на сына и быть с ним менее суровым (*'I advise you to pay more attention to him'*).

Как было указано ранее, отрицательная реакция на поведение собеседника иногда сопровождается полуимплицитными маркерами экспрессива, в которые входят глаголы и словосочетания, направленные на изменение раздражающего образа действий слушателя. В анализируемом отрывке драматического произведения *"How to secede in Hawaii"* американской писательницы Синди Маккей (Cindy Mackey) в диалоге с товарищем Герман использует полуимплицитный косвенный синкретический акт. В него входит экспрессив (*'You are so cowardly'*), за которым следует директив, маркером которого является фраза (*be telling someone = 'believe me'*), подчеркивающая, что то, что произнесено далее, является правдой и слушающему следует верить этому:

HERMAN: *I'm telling you, it's chicken* [9, p. 6].

Воспользовавшись данным РА, Герман показывает тем самым своему собеседнику Вицу, что не терпит возражений и нет смысла его переубеждать в чем-то (*'Believe me, it's chicken'*).

Интересным является следующий случай употребления полуимплицитного экспрессива:

HERMAN: *About what!* [9, p. 5].

По своей форме реплика Германа является квеситивной, однако, нарушая правило интеррогации, в конце предложения стоит не вопросительный, а восклицательный знак (окказиональный случай). Данное нарушение становится маркером полуимплицитности косвенного экспрессива, добавляя реплике эмоциональную окраску.

Типичным же маркером полуимплицитного косвенного экспрессива является использование в вопросе междометий в качестве усилителя эмоций. Например:

WIZ: *What the hell are you talking about?* [9, p. 7].

Максимальную зависимость от контекста наблюдаем в интерпретации реплики анализируемого отрывка драматического произведения *"All about Janet"* британского автора Дастина Боукота (Dustin Bowcott):

DONALD: *You go to work, as you said the nurse is only here for a day* [3, p. 6].

Приглашая утомленную уходом за мужем-инвалидом Дженет на прогулку, Дональд использует в речи не прямой директив ('*Let's go out*') или коммисив ('*He will be fine, I promise*'), а полностью имплицитный КРА. Возможно, он боится испугать Дженет своим напором или заставить чувствовать себя неловко, и поэтому просто уговаривает ее прогуляться, намекая на то, что в ее отсутствие с ее мужем-инвалидом будет все в порядке.

В диалоге драмы речь Дженет является более эмоциональной, в сравнении с речью ее собеседника. Женщина использует полуимплицитные косвенные экспрессивы, маркером которых является повторение:

JANET: *It just... just... really gets to me sometimes* [3, p. 7].

Повторение в сочетании с троеточием, означающим паузу, указывает на эмоциональное состояние героини, которой из-за внезапно нахлынувших переживаний тяжело закончить свою мысль.

В анализируемом отрывке драматического произведения "Stragglers" американского писателя Джереми Джонсона (Jeremy Johnson) героиня Кети часто в диалоге прибегает к полуимплицитности при выражении угрозы или обещания своей собеседнице. Маркерами скрытой иллокутивной силы становится грамматическая конструкция (*be going to*) или время Present Continuous для передачи будущего действия. Например:

KATIE: *Well, just know if my hospital bed is next to yours, I'm pissing in your IV* (угроза).

Или,

KATIE: *I think I'm going to write one of these reviews sometime...* (обещание) [6, p. 3].

Кети довольно импульсивна и резка в своих ответах. Например, в косвенном экспрессиве девушка использует инвективу, которая служит маркером полуимплицитности:

KATIE: *You bitch, that's totally blood!* (возмущение) [6, p. 2].

Ранее было указано, что практически все косвенные констатиры в форме квеситива имплицитны и их определение напрямую зависит от контекста, однако существует исключение. Например, в анализируемом отрывке драматического произведения "Qualms" американского писателя Кэмерон Дэвис (Cameron Davis):

PERNEY: *Pretty, isn't she?* [6, p. 4]

Вышеприведенная реплика является косвенным констативом, на полуимплицитность которого указывает вопросительная

форма (Tag Question). Все, что упоминается перед вопросом, становится точкой зрения говорящего, которую он констатирует ('*I think she is pretty*').

Интересным в анализируемой драме является случай употребления косвенного комиссива в форме директива:

MRS. APROM: *Let me give one of our doctors a call to see if he is available to assist you* [4, p. 3].

В данном примере миссис Эпром не просит разрешения у пациента, используя ядерный глагол функционально-семантического поля директива *to let*, а дает понять Влинну, что собирается сделать звонок одному из докторов поликлиники ('*I will give one of our doctors a call*').

В анализируемом отрывке драматического произведения "Not for Coffee" британского писателя Чарльза Маквиттига (Charles McWittig) довольно часто используется полуимплицитный КРА-комиссив, маркером которого является форма First Conditional. Например:

ERIC: *If we fail in our duties, that's it* [10, p. 4].

Эрик в своей реплике к Мариссе применяет косвенный комиссив с иллокуцией предупреждения или даже угрозы.

В сравнении с другими анализируемыми драмами, в диалоге данного произведения имплицитные КРА преобладают над полуимплицитными. И что интересно, большинство имплицитных КРА принадлежат Эрику, более консервативному персонажу. Мужчина нередко использует имплицитные директивы в обращении к своей младшей коллеге. Например:

ERIC: *Our job is not to determine why they do it – only to build a database* [10, p. 3].

Раздражаясь чересчур эмоциональным поведением Мариссы и постоянными вопросами к нему, мужчина напоминает девушке, что ее работа состоит не в определении причин совершения преступлений, а в создании базы данных. Поэтому иллокуция данного имплицитного директива – '*Do your own job*'.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что в проанализированных отрывках англоязычных драм 46% КРА являются имплицитными и 56% – полуимплицитными. Полностью имплицитные КРА, в которых отсутствует прямая связь между пропозицией и скрытой иллокуцией, используются персонажами в ситуации:

- экономии вербальных средств (чаще – в случае с директивами);
- сокрытия сообщения от третьего лица;
- смягчения отказа (во избежание конфликтной ситуации);
- скрытого желания адресанта побудить адресата к каким-либо действиям.

Что касается полуимплицитных КРА, то они используются героями драм на 10% чаще, чем имплицитные. Полуимплицитные КРА частично эксплицируют свою иллокуцию. К ним персонажи драм обращаются в случае:

- выражения угрозы или обещания;
- эмоциональности речи (чаще всего в отрицательной реакции на РА собеседника);
- высказывания своей точки зрения, не терпящей возражения или дальнейшего обсуждения;
- желания говорящего реализовать сразу несколько иллокуций при помощи одного РА;
- попытки влияния говорящего на разум собеседника с использованием авторитарности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в целом, как имплицитные, так и полуимплицитные КРА преимущественно используются в конфликтном общении, при этом выбор говорящим того или иного типа КРА зависит от степени напряженности конфликта: чем она выше, тем более явно манифестируются коммуникативные цели говорящего в самой позиции высказывания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жихарева, Н. А. Семантико-прагматична інтерпретація суб'єктно-предикатних відношень у структурі мовленнєвих актів (на матеріалі англійської та української мов : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 – Загальне мовознавство / Н. А. Жихарева. – Горлівка, 2011. – 285 с.
2. Серль, Дж. Р. Основные понятия исчисления речевых актов / Дж. Р. Серль, Д. Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVIII. – М., 1986. – 392 с.
3. Bowcott, D. All about Janet / D/ Bowcott. – Текст : электронный // Simply Scripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
4. Davis, C. Qualms / C. Davis. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
5. Johnson, J. Rad as Hell / J. Johnson. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
6. Johnson, J. Stragglers / J. Johnson. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
7. Keiller, P. A Pony for Sean / P. Keiller. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <http://www.australianshortfilms.com/>.
8. Lowe, A. Another Saturday's Night / A. Lowe. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.

9. Mackey, C. How to Secede to Hawaii / C. Mackey. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
10. McWittig Ch. Not for Coffee / Ch. McWittig. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
11. Riemens, H. Eve and Oliver / H. Riemens. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.
12. Tshiama, N-J. The Challenge / J. N-Tshiama. – Текст : электронный // SimplyScripts : сайт. – URL: <https://www.simplyscripts.com/>.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А. Имплицитные и полуимплицитные косвенные речевые акты в современной англоязычной драме

Статья посвящена исследованию имплицитных и полуимплицитных речевых актов на примере анализа текстов современной англоязычной драмы. Автор статьи выделяет ситуации, в которых персонажи произведений чаще всего употребляют те или иные косвенные речевые акты, а также анализирует те средства, которые используются для их реализации.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, имплицитность, полуимплицитность, иллокутивная сила.

SUMMARY

Zhikhareva N. A. Implicit and semi-implicit indirect speech acts in modern English-language drama

The article centres round the study of implicit and semi-implicit speech acts through the analysis of modern English-language drama texts. The author of the article identifies situations in which the characters of the plays most frequently use certain indirect speech acts, and considers the means that are used in their realization.

Key words: indirect speech act, implicitness, semi-implicitness, illocutionary force.

Н. А. Жихарева
(г. Горловка, ДНР),
Д. С. Мухина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'367.32

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ДИСКУРСИВНЫХ АКТОВ В ДРАМЕ ЕЛЕНА ИСАЕВОЙ «ТРЕТЬЕКЛАССНИК АЛЁША»

Дискурс – это термин, который охватывает широкий спектр различных понятий, которые были рассмотрены во многих дисциплинах с разных точек зрения. Его значение развивалось с самых далеких времен риторики, благодаря трудам Аристотеля, до самой тщательно разработанной формы в трудах Мишеля Фуко. В настоящее время принято считать, что дискурс – это текстовое явление социокультурного характера и текст является особой реализацией определенного дискурса (коммуникации).

Контекст, в который встроен дискурс, всегда предполагает коммуникативные отношения между говорящим и слушателем, и именно это практическое отношение определяет условия для его создания. Он является одним из важных элементов, который играет особую роль в формировании значения, влияет и определяет сам дискурс. Таким образом, контекстом дискурса драматического произведения является речевое взаимодействие персонажей, погруженное в конкретную речевую ситуацию.

Коммуникация (речевое взаимодействие) состоит из набора речевых актов, которые в свою очередь формируют дискурсивный акт – *единицу речевого действия, включенную в интеракцию и представляющую собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллюкативные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями* [2, с. 103].

Дискурсивные акты являются основой процесса коммуникации в повседневной жизни, что помогает направить сообщение и правильно его декодировать. Средствами данного процесса выступают лексические единицы, выраженные различными частями речи (в частности, глаголами), а также не менее активно задействуется и паравербалика (жесты, мимика, звуки), что также отражается и в драматургических произведениях с помощью ремарок автора.

Дискурсивные акты являются социально-конститутивными во многих отношениях. Во-первых, они играют решающую роль

в возникновении и производстве определенных социальных условий. Таким образом, дискурсивные акты могут служить основой построения национальной идентичности. Во-вторых, они могут увековечивать и воспроизводить определенный социальный статус. В-третьих, они способствуют трансформации данного статуса согласно речевой ситуации.

А. Н. Приходько выделяет следующие типы дискурсивных актов:

- 1) офферативные (просьба, требование, уговаривание, предложение);
- 2) конформативные и неконформативные (согласие/несогласие, одобрение/неодобрение, похвала, отказ);
- 3) аккузативные (обвинение, осуждение, укор, претензия, возмущение);
- 4) апологетные (оправдание, извинение, покаяние, прощение);
- 5) дидактические (совет, поучение, намек).

В силу своей специфики драма как художественная литература особого рода, можно сказать, строится на речи героев, как с положительной, так и с отрицательной окраской. Если учесть, что драматургический образ по сравнению, например, с эпическим или лирическим образом обладает большей определенностью и «отражает наиболее острые и определившиеся, назревшие противоречия жизни» [3, с. 390], то соответственно возрастает и нагрузка, которую несет каждая реплика драматургического дискурса [4].

Драматическое произведение вбирает в себя целый комплекс, систему дискурсивных актов, выраженных перформативами, вердиктивами, экзерситивами, комиссивами, бехабитивами, экспозитивами, а также офферативными, конформативными и неконформативными, аккузативными, апологетными и дидактическими дискурсивными актами.

С помощью речевых и дискурсивных актов реципиент, т. е. читатель или зритель может правильно понять драматическое произведение, и только тогда состоится художественная коммуникация, ради чего, произведение и создается. Одной из главных функций драматического произведения выступает прагматическая функция слова/акта – речевое воздействие (негативное или положительное), интеракция в свою очередь возрастает в связи с ее жанровыми особенностями: поскольку каждое слово, входящее в речевую или дискурсивный акт – многослойно и многофункционально.

Следовательно, речь в драме имеет двуплановый характер – средство воздействия и достижения коммуникативных целей одного персонажа по отношению к другому/другим и средство воздействия и коммуникации автора и зрителя/читателя.

Проанализировав систему дискурсивных актов драмы Елены Исаевой «Третьеклассник Алёша», было выявлено использование всех типов дискурсивных актов (20 дискурсивных актов), представленных глаголами речепроизводства, которые, в свою очередь, являются формообразующим языковым материалом дискурсивных актов, направленных на целеустановку выполнения определенных действий:

1. Офферативные:

1) **АЛЁША.** Ну, я в общем-то ему и сказал, что вряд ли.

ОЛЯ. Что – вряд ли?

АЛЁША. Что вряд ли поедешь.

ОЛЯ. Нет, ты скажи, *что поеду* [1];

2) **ОЛЯ.** А что здесь можно?

АЛЁША. Встать на камень. Вставай-вставай. Руки подними, вдохни глубоко. (Оля всё это делает). Чего хочется?

ОЛЯ. Петь... или нет... кричать!

АЛЁША. Кричи!

ОЛЯ. (Тихо). А-а-а! (Оглядывается) [1];

3) **АЛЁША.** Я же сказал – *осторожней*. Не брыкайся, а то кости себе переломаешь раньше времени.

ОЛЯ. Куда меня привезли?

АЛЁША. Куда надо. Иди не разговаривай [1].

2. Конформативные и неконформативные:

АЛЁША. Опять?

ОЛЯ. Нет. Хорошо. Правда, хорошо.

АЛЁША. А ты меня зря философом обзывала.

ОЛЯ. Я и сейчас от своих слов не отказываюсь.

АЛЁША. Ах так!

ОЛЯ. Так-так-так! [1].

3. Аккузативные:

1) **АЛЁША.** А кино такое есть?

ОЛЯ. Не знаю. Может быть. Я не видела.

АЛЁША. Снимут – посмотрим.

ОЛЯ. А если не снимут, что ж, так никогда и не узнаешь?

АЛЁША. Если стоящая вещь – обязательно снимут. А не снимут – значит, баракло.

ОЛЯ. Что ж, не рассказывать?

АЛЁША. А ты молчать-то, вообще, умеешь? [1];

2) **АЛЁША.** Сюда иди.

ОЛЯ. Долго ещё?

АЛЁША. Уже пришли.

ОЛЯ. Все ноги побила. *Ты бы сказал*, что по камням, я бы хоть босоножки надела [1];

3) **ОЛЯ.** Я не люблю одна. Одной как-то грустно. Тётя Катя сказала, что ты зовёшь меня с собой на рыбалку.

АЛЁША. Я? Зову? Это... Почему я? Вон пусть Андрюха с тобой ходит [1].

4. Апологетные:

ОЛЯ. Я тебя обыскалась... Попрошаться. Потом поняла, что ты тут. Если б не поняла, ты что – так бы и не пришёл?

АЛЁША. Прощаться ещё. Не люблю соплей.

ОЛЯ. Прости меня, пожалуйста [1].

5. Дидактические:

АЛЁША. А ты... ругаться умеешь?

ОЛЯ. Зачем?

АЛЁША. Как – зачем? Когда плохо – первое дело – поругаться! Сразу легче становится.

ОЛЯ. (Заинтересованно). Да?

АЛЁША. И лучше если в полный голос.

ОЛЯ. В полный голос. Не смогу. Я все ссоры, вообще, перемалчиваю.

АЛЁША. Ну и зря! Я если на кого обижаюсь, ухожу, чтоб никто не слышал в глухое место и ругаюсь! [1].

В данной пьесе превалирует использование аккумулятивных и офферативных дискурсивных актов с использованием перформативных глаголов (по 7 дискурсивных актов каждого типа), что дает нам право сделать вывод о влиянии гендера и возраста главных героев произведения, третьеклассника Алёши и десятиклассницы Оли (в разные временные рамки), на форму и способ коммуникативной направленности речевых высказываний с той или иной целеустановкой, поскольку данные типы дискурсивных актов полно раскрывают взаимоотношения детей 9-ти и 15-ти лет и их эмоциональное состояние – попытки поучения, требования, уговаривания, выражение возмущения, претензий, осуждения, укоров.

Таким образом, непосредственные характеристики образов главных героев влияют на содержание коммуникации и речевой ситуации, так же, как и употребление разных типов дискурсивных актов влияет на характеристику персонажей, раскрывая их образы.

Следовательно, можно сделать предположение того, что любое драматическое произведение, с целью раскрытия характеров персонажей, может состоять из всех типов дискурсивных актов.

Таким образом, система дискурсивных актов современной драмы интегрирована в интеракцию и представляет собой совокупность речевых и дискурсивных актов, объединенных общей телеологической линией в речевой блок, в котором

сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными прагматическими значениями и разными целеустановками, но объединенные выполнением одной из главных функций драматического произведения – оказания речевого воздействия на читателя или зрителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаева, Е. Третьеклассник Алёша / Е. Исаева. – Текст : электронный. – URL : <http://www.isaeva.ru/plays/alex.html> (дата обращения: 07.05.2020).
2. Приходько, А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология / А. Н. Приходько // Когнития, коммуникация, дикурс. – 2010. – № 1. – С. 101–122.
3. Тимофеев, Л. И. Основы теории литературы / Л. И. Тимофеев. – М. : Просвещение, 1973. – 464 с.
4. Шыныбекова, А. С. Прагматика речевого общения в драме / А. С. Шыныбекова. – Текст : электронный. – URL : http://www.rusnauka.com/11_EISN_2010/Philologia/64282.doc.htm (дата обращения: 07.05.2020).

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А., Мухина Д. С. Анализ системы дискурсивных актов в драме Елены Исаевой «Третьеклассник Алёша»

В статье рассматриваются такие важные единицы речевой деятельности как дискурсивные акты. Авторами предпринята попытка проанализировать, каким образом сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными прагматическими значениями и целеустановками в контексте современной драмы Елены Исаевой «Третьеклассник Алёша», а также какова их роль в раскрытии образов персонажей произведения. Одним из аспектов исследования является анализ соотношения дискурсивных актов разных типов в драме с целью установления наиболее частотных дискурсивных единиц, выполняющих одну из главных функций драматического произведения – прагматическую (речевое воздействие).

Ключевые слова: дискурсивный акт, единица речи, типология, коммуникация, драма, глаголы говорения.

SUMMARY

Zhikhareva N. A., Mukhina D. S. The analysis of the system of discursive acts in the drama «Third-Grader Alyosha» by Elena Isaeva

The article deals with such important units of speech activity as discursive acts. The authors attempt to analyze how different illocutionary forces with different pragmatic meanings and goals converge and intersect in the context of the contemporary drama by Elena Isaeva «Third-Grader Alyosha» and how character images are revealed by such means. Another aspect of the study is the analysis of distribution of various types of discursive acts in drama in order to establish the predominant type of discursive units in performing one of the main functions of a dramatic work – pragmatic, namely speech impact.

Key words: discursive act, speech unit, typology, communication, drama, verbs of speaking.

*Н. А. Иванова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'255.4

ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Процессы глобализации и интеграции, а также укрепление контактов с носителями английского языка заставили по-новому взглянуть на профессиональную подготовку переводчика. Для общения с зарубежными партнерами необходимо знать не только иностранный язык, но и культурологические особенности, однако, и этого бывает недостаточно, если межъязыковое общение ведется в профессиональной сфере и связано с устным или письменным переводом с одного языка на другой. Перевод в сфере профессиональной коммуникации является средством и разновидностью профессионально ориентированной межкультурной коммуникации. Недостаточная языковая и переводческая подготовка переводчика в сфере профессиональной коммуникации обуславливают возникновение проявлений негативной интерференции в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и переводе, поэтому существует необходимость проанализировать процесс совершенствования языка посредством интерференции, определить языковые уровни, на которых действует интерференция.

Поскольку явление межъязыковой интерференции – многоуровневое и неоднозначное по своим последствиям, возникает необходимость в разграничении типов интерференции и выяснении ее функциональной природы в процессе профессионально ориентированной межкультурной коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения интерференции, которая будет способствовать раскрытию причин возникновения, предупреждению, выявлению и преодолению явлений межъязыковой интерференции на разных уровнях языка, а также тем, что интерференция является фактором отклонения или нарушения норм, которые возникают в языке определенного лица или целого коллектива, и поэтому требует детального изучения.

Исследователи считают, что интерферирующие явления проявляются прежде всего на уровне речи, на уровне порождения высказывания, на уровне реализации тех языковых ресурсов, которыми располагает говорящий, что, безусловно, делает интерференцию речевым явлением [1, с. 64].

В работах Е. Хаугена рассматриваются изменения, которые происходят в случае контакта языков. Ученый разделяет их на три группы: переключение, интерференцию и интеграцию. Он обращает внимание на то, что интерференция происходит тогда, когда переходная граница между двумя языками является стертой [6, с. 69].

В. Вайнрайх разделяет интерференцию на языковую и речевую, то есть на интеграцию и собственно интерференцию. Автор объясняет это тем, что в речи интерференция возникает в выражениях двуязычного индивида как следствие его личного знакомства с другим языком; в языке мы находим те явления интерференции, которые в результате многократного появления в речи билингов стали привычными и закрепились в употреблении [3, с. 72].

Принимая во внимание тот факт, что проявления лингвистической интерференции являются довольно разнообразными, необходимо рассмотреть различные виды ее реализации. Ю. А. Жлуктенко склоняется к мнению, что основными типами лингвистической интерференции являются:

- использование «чужого» языкового материала в текстах данного языка;
- образование единиц из собственного материала по образцу единиц контактирующих языков;
- наделение единиц данной системы функциями, которые присущи их межъязыковым коррелятам;

- копирование моделей одной системы с помощью средств другого языка [4, с. 65].

В психологическом аспекте интерференция – «это такое взаимодействие навыков, при которых ранее приобретенные навыки влияют на образование новых навыков» [8, с. 130]. В работах, принадлежащих к этому течению в лингвистике, характерным является изучение проблемы обусловленности семантической интерференции, возникающей под влиянием другого языка, а также функционирование механизма переноса навыков.

Г. В. Зимовец подчеркивает, что «семантическая интерференция возникает вследствие существования различий в объеме значений соответствий двух языков» [5, с. 46]. Ученый считает, что явление интерференции можно свести к следующим основным типам: заимствования; калькирование; каталитическое (или тормозящее влияние) [5, с. 47].

При изучении языка лингвисты, сопоставляя языковые структуры, пытаются найти в них сходства или различия для лучшего объяснения ошибок или лучшего усвоения материала. В процессе профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода целью является донесение информации до реципиента наиболее естественным способом, с использованием всех известных стилистических, грамматических, лексических и прагматических средств.

Интерференция выполняет определенную функцию в процессе перевода, поэтому она может быть и функциональной. Функциями являются: 1) достижение когерентности текста; 2) обеспечение адекватности перевода; 3) обогащение языка новыми стилистическими и лексическими средствами, заполнение лексических лакун; 4) приближение национальных культур [2, с. 28].

К факторам, обуславливающим возникновение языковой интерференции следует отнести следующие: а) контактирование с носителями других языков; б) религиозные процессы; в) ориентация на страну-эталон (вследствие чего происходит заимствование лексических единиц языка этой страны); г) реформы правописания. Причина языковой интерференции заключается в том, что механизмы речи формируются только один раз в раннем возрасте, когда ребенок познает мир, знания о котором «кодируются» в его сознании средствами родного языка. Таким образом, родной язык первичен, а любой другой – вторичен. Изучение вторичного языка возможно только на основе уже сложившихся в родном языке понятий [7, с. 54].

В методической литературе выделяют такие виды интерференции: 1) по происхождению – внешняя и внутренняя; 2) по характеру переноса навыков родного языка – прямая и косвенная; 3) по характеру проявления – неприкрытая и скрытая; 4) по лингвистической природе – фонетическая, лексико-семантическая и грамматическая [7, с. 232].

В своем исследовании мы рассмотрим случаи грамматической и лексико-семантической интерференции при переводе ванглийского языка на русский, а также возможности преодоления данного явления.

Интерференция в результате взаимодействия любых языков ярче и полнее проявляется на уровнях их лексики и семантики. Лексический уровень считается наиболее открытым для иноязычного влияния, что объясняется слабой системностью лексики и значительным объемом ее единиц. К тому же лексическая единица, кроме собственно лексических признаков, одновременно является носителем морфологических, акцентных, фонетических, словообразовательных и стилистических характеристик, присущих всей системе языка, поэтому проявления интерференции на лексическом уровне наиболее разнообразны.

Ярким примером языковой интерференции на лексическом уровне выступают «ложные друзья переводчика», которые в языке оригинала и перевода имеют похожее написание и звучание, однако, имеют различное значение. Например, *dramatic* – яркий, впечатляющий; *accurate* – точный; *aspirant* – кандидат; *replica* – копия и другие. Недостаточный уровень владения иностранным языком и неспособность переводчика идентифицировать такие единицы в тексте приводит к ошибкам в переводе и, соответственно, его низкому качеству. Также два языка (в данном случае английский и русский) имеют различное соотношение понятий, когда объем понятий совпадает частично, когда в одном из языков такой объем шире, чем в другом, или объем понятий совершенно не совпадает: *teenager* – подросток, *cask* – бочонок, а не каска. Очень часто такое явление объясняется различиями признаков, лежащих в основе понятий в двух языках. Например, *head-wind* – встречный ветер (в английском языке признаком является часть тела, в русском – направление движения), *horseshoe* – подкова (в английском языке признак – животное, в русском – действие). Свою «лепту» в возникновение явления интерференции вносит многозначность лексических единиц. Неопытные или не владеющие в достаточной мере навыками переводчики часто не проводят семный анализ многозначного слова и его потенциального эквивалента в языке

перевода, выбирают неправильное соответствие, что приводит к искажению смысла оригинала. Кроме того, начинающие переводчики иногда злоупотребляют использованием систем автоматизированного перевода, такими как Гугл-переводчик или Яндекс-переводчик, что также приводит к интерференции на лексико-семантическом уровне и ухудшению качества текста-перевода. Приведем примеры интерференции на лексико-семантическом уровне, которые взяты из реально выполненных тренировочных и контрольных переводов студентов:

He was a young man of about eighteen, with a sallow complexion which suggested poor health. – Это был молодой человек лет восемнадцати, слабой комплекции, что свидетельствовало о плохом здоровье (вместо с желтоватым цветом лица).

By the time the expedition was reached by the rescue party, the men had run out of food and had been living for several days on biscuits and water. – В то время, когда экспедицию обнаружила партия (вместо группа) спасателей, у людей закончилась еда, и они несколько дней жили на бисквитах (вместо питались печеньем) и воде.

It was obvious that the collapse of the bridge which was heavily guarded by the German troops was definitely not a mere accident but an act of sabotage.

Было очевидно, что коллапс (вместо обрушение) моста, который тщательно охраняли немецкие войска, было определено не просто случайностью, а актом саботажа (вместо диверсионным актом).

He was in the habit of proclaiming himself the people's champion. – У него была привычка провозглашать себя народным чемпионом (вместо поборником интересов народа).

The elder lady was enveloped in a costly velvet shawl. – Эта дама преклонных лет была укутана в дорожную вельветовую шаль (вместо в бархатную шаль).

Part of the action in Gone with the Wind takes place during the Reconstruction. – Часть акции «Унесенные ветром» проходит во время Реконструкции (вместо события в фильме).

Mrs. Leary was proud of her collection of fine china which was displayed in two walnut cabinets in her parlour. – Миссис Лири гордилась своей коллекцией прекрасного фарфора, которая была выставлена в двух кабинетах с орехами в гостиной (вместо в шкафах орехового дерева).

Как известно, различия в структуре языков, в наборе грамматических категорий, форм и конструкций составляют большую группу грамматических трудностей перевода и требуют соответствующих грамматических трансформаций. Только

незначительная часть английских и русских высказываний имеет идентичную синтаксическую структуру, и только в таких случаях перевод осуществляется без использования грамматических трансформаций и является дословным. Его следует отличать от грамматического буквального перевода, который приводит не только к нарушению норм языка перевода, но и к различным искажениям в передаче смысловой информации языка оригинала [7, с. 236].

Самой частотной грамматической трансформацией является изменение порядка слов в высказывании, использование которой обусловлено тем фактом, что в английском языке порядок слов является фиксированным, а в русском языке – относительно свободным. При переводе на русский язык неопытный или переводчик с низким уровнем владения двумя языками под действием интерференции часто повторяет фиксированный порядок англоязычного высказывания, что является недопустимым и нарушает синтаксические нормы русского языка. Кроме того, изменение порядка слов при переводе необходимо с учетом коммуникативного (тема-рематического) членения высказываний. Неумение определить монарему или дирему в английском варианте приводит к ошибкам при переводе на русский язык. Например:

Four Belgian officers were wounded in the south Brussels suburb. – Четыре бельгийские офицеры были ранены на юге Брюсселя (вместо На южной окраине Брюсселя ранили четырех бельгийских офицеров).

Kidnappings have become a lot less frequent in Colombia. – Похищения людей стали очень частыми в Колумбии (вместо В Колумбии участились случаи похищения людей).

A hundred statues on the streets of Rio de Janeiro have had their eyes covered in red blindfolds. – Сотни статуи на улицах Рио-де-Жанейро оказались с завязанными красными повязками глазами (вместо На улицах Рио-де-Жанейро сотням статуй завязали глаза красной повязкой).

At least 41 civilians have been killed and 35 others wounded in an air strike by Saudi-led coalition warplanes in northern Yemen. – По меньшей мере 41 гражданское лицо было убито и 35 ранено в результате авиаудара, нанесенного военными самолетами коалиции под руководством Саудовской Аравии в северном Йемене (вместо В северном Йемене в результате авиаудара, нанесенного коалицией под руководством Саудовской Аравии, погибли 41 мирный житель, еще 35 было ранено).

Еще одной частотной грамматической трансформацией, которую необходимо использовать при переводе на русский

язык с целью избежать интерференции, является номинализация структуры высказывания. Как известно, английский язык имеет глагольную структуру. Во-первых, это обусловлено более разветвленной видо-временной системой английского глагола, во-вторых, употреблением инфинитивов, причастий, герундия и их конструкций. Русский язык имеет именную структуру, то есть наблюдается более частотное употребление отглагольных существительных, особенно в газетно-публицистических материалах. Соответственно, при переводе на русский язык необходимо учитывать данные факторы и не нарушать нормы языка перевода. Приведем примеры ошибочных переводов из-за отсутствия трансформации номинализации под влиянием грамматической структуры английского языка:

The Americans shut down their space shuttle program in 2012 which was technically exhausted. – Американская программа запуска космических челноков **была остановлена** в 2012 из-за того, что **идея была исчерпана** (вместо По причине технической **исчерпанности** идеи, в 2012 году произошло **закрытие** американской программы запуска космических челноков).

Since 2006, deforestation rates in the Amazon have fallen consistently. – С 2006 года темпы обезлесения в Амазонии постоянно **снижались** (вместо С 2006 года в Амазонии наблюдается постоянное **снижение** темпов вырубки леса).

The relations between Russia and Turkey have been developing gradually during the recent ten years. – В течение последних десяти лет отношения между Россией и Турцией **развиваются** постепенно (вместо В течение последних десяти лет наблюдается постепенное **развитие** отношений между Россией и Турцией).

The fifth plenum of the Central Committee of the Communist Party of China approved the 13th five-year plan for the country before 2020. – Пятый пленум ЦК Компартии Китая **утвердил** 13-й пятилетний план развития страны до 2020 года (вместо На пятом пленуме ЦК Компартии Китая состоялось **утверждение** 13-го пятилетнего плана развития страны до 2020 года).

As of last month, five countries in the Eurozone fell into deflation. – По состоянию на прошлый месяц пять стран еврозоны **впали в дефляцию** (вместо По состоянию на прошлый месяц в пяти странах еврозоны наблюдалась **дефляция**).

С учетом всего вышеуказанного, при изучении английского языка и обучении основам перевода необходимо учитывать внутриязыковые и экстралингвистические факторы, а именно языковую практику следует сочетать с приобретением социокультурного опыта. Очень важно также сконцентрировать

внимание на овладении репродуктивными и рецептивными навыками, что положительно повлияет на формирование умений выражать свои мысли и понимать других участников межкультурной коммуникации. Сравнительный метод изучения языка позволяет активизировать и облегчить процесс овладения иностранным языком. Он сосредоточивается на сравнении и обсуждении аналогий и различий двух парадигм, а также на ассоциативном мышлении с привлечением лексики родного языка и расширении транспозиционных возможностей языков.

Итак, интерференция является одним из факторов развития языка, языковых изменений, которые накапливаются и зреют в нем. В индивидуальном плане массовая и частая интерференция означает постоянное смешивание двух систем, их взаимное уподобление в меньшей или большей степени. Овладение общеграмматическими понятиями и терминологией, формирование языковой культуры неминуемо сопровождается явлением интерференции. Ее преодоление сосредотачивается на всестороннем экстралингвистическом и внутриязыковом изучении иностранного языка, предусматривает сравнительный анализ различных грамматических структур и лексических единиц, максимально эффективным использованием родного языка, комплексным овладением речевой деятельностью, ее функциональным применением в процессе профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и приобретением социокультурного опыта. Умения и навыки использования различных переводческих трансформаций является важным компонентом компетенции переводчика. Именно они способствуют адекватной передаче смысла оригинала с учетом норм языка перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, В. В. Художественный перевод: практический курс перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. В. Алимов, Ю. В. Артемьева. – М. : Издательский центр «Академия», 2010. – 256 с.
2. Вайнрайх, В. Одноязычие и многоязычие / В. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – М., – 1972. – № 6. – С. 25-60.
3. Вайнрайх, В. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / В. Вайнрайх. – М. : Высшая школа, 1979. – 263 с.
4. Жлуктенко, Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – К. : ВШ, 1974. – 176 с.
5. Зимовець, Г. В. Міжмовна інтерференція в умовах контактної білінгвізму (на матеріалі мови української

- діаспори) : дис. ... канд. філ. наук : 10.02.15 / Зимовець Г. В. – К., 1997. – 243 с.
6. Хауген, Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М., – 1972. – № 6. – С. 62-98.
 7. Черноватий, Л. М. Методика викладання перекладу як спеціальності : підручник для студ. вищих закладів освіти за спеціальністю «Переклад» / Л. М. Черноватий. – Вінниця : Нова Книга, 2013. – 376 с.
 8. Шаблій, О. А. Міжмовна інтерференція як психолінгвістична універсалія / О. А. Шаблій. – К., 2000. – 371 с.

АННОТАЦИЯ

Иванова Н. А. Явление межкультурной интерференции в переводе с английского языка на русский

В статье рассматривается явление межкультурной интерференции, причины ее возникновения, ее разновидности и особенности. Особое внимание уделено лексико-семантической и грамматической интерференции в переводе с английского языка на русский. Детальному анализу подверглось одно из наиболее частотных проявлений лексической интерференции – «ложные друзья переводчика», а также ошибки, которые возникают в переводе по причине отсутствия трансформаций структуры высказывания и приводят к нарушению грамматических и синтаксических норм русского языка.

Ключевые слова: межкультурная интерференция, взаимодействие языков, «ложные друзья переводчика», изменение порядка слов, номинализация структуры высказывания.

SUMMARY

Ivanova N. A. The phenomenon of cross-linguistic interference in translation from English into Russian

The article considers the phenomenon of cross-linguistic interference, the reasons for its occurrence, its varieties and features. A special attention is paid to lexical-semantic and grammatical interference in translation from English into Russian. We have also analyzed one of the most frequent manifestations of lexical interference – translators' false friends, as well as errors in translation due to the failure to use transformations of the utterance structure which results in violation of the grammatical and syntactic norms of the Russian language.

Key words: cross-linguistic interference, interaction of languages, translators' false friends, change of the word order, nominalization of the utterance structure.

М. Н. Ивахненко
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'255.2:[811.111+811.161.1]

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Эмоции – неотъемлемая часть человеческой жизни. Они отражают субъективную оценку личности к объективной реальности: к людям, окружающим ее, к событиям, происходящим с ней, и к ее собственным действиям. Природа эмоций необъяснима, разные люди могут различным образом реагировать на одно и то же событие и воспринимать одно и то же явление. Соответственно, эмоции приобретают социальную реальность лишь в том случае, если они выражаются в той или иной форме: проявляются в жестах и мимике, прослеживаются в поведении или манифестируются в речи. Именно вербализация эмоций считается универсальным способом их актуализации.

За последние десятилетия изучение эмоций как одной из форм отражения действительности стало представлять интерес как для зарубежных, так и для отечественных лингвистов. Это, прежде всего, связано с антропоцентрической лингвистической парадигмой, диктующей необходимость изучения языковых средств эмотивной составляющей в связи с неотделимостью эмоциональных и психических процессов, обеспечивающих полноценную жизнедеятельность человека. Огромный вклад в развитие эмотиологии внесли такие известные ученые, как Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова, Н. А. Лукьянова, В. И. Шаховский и другие. Их работы стали основой для дальнейшего исследования эмоционально окрашенной лексики, в частности в контексте художественного произведения, что неоднократно подчеркивалось многими учеными-лингвистами (Е. В. Кочеткова, А. С. Стаценко и другие). В наши дни тенденция к исследованию эмоционально окрашенной лексики в контексте художественного произведения и его перевода приобретает большую актуальность. Это связано с ее функционально-эстетической ценностью в художественном тексте, что многократно в своих работах отмечали такие ученые, как В. В. Виноградов, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Ярцева и многие другие. Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами, прежде всего, неопределенностью терминологического аппарата исследуемой проблемы, необходимостью изучения роли эмоционально окрашенной лексики в художественном произведении, а также важностью

ее адекватного перевода. Объектом исследования выступает эмотивная лексика в произведении «Тринадцатая сказка» современного британского автора Д. Сеттерфилд, а также ее русскоязычные эквиваленты. Предметом исследования являются семантические, структурные и функциональные характеристики эмоциональных единиц, а также способы передачи эмоционально окрашенной лексики с английского языка на русский.

В. Н. Телия в своей работе «Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке» подчеркивает, что «реагировать на мир эмоционально – часть человеческой натуры» [6, с. 203]. Соответственно, существование любой эмоции требует определенной лексической единицы для ее выражения. Под эмоциональной лексикой понимают слова, описывающие человеческие эмоции и настроение, являющиеся результатом восприятия того или иного явления. По мнению бельгийского лингвиста Э. Паррэ, «нет большого различия между выражением чувства и сообщением о чувстве» [8, с. 155]. Другими словами, лексика, называющая эмоцию, заведомо содержит в себе определенный коннотативный компонент и художественную образность, воспринимаемые читателем на подсознательном уровне.

За создание эмоциональной составляющей художественного произведения отвечают категории оценочности, эмоциональности и экспрессивности. И в русском, и в английском языках (наряду со многими другими) они реализуются на разных языковых уровнях при помощи различных языковых средств. На фонетическом уровне категория эмоциональности зачастую выражается с помощью звукового варьирования («У-y-y...», «ого-го!», «hoo-oo!»), звукописи («Дзынь!», «Ding-dong»), акцентирования: «Именно это я хотела сказать», «That *won't* do»), звуковых повторов («шушукаться», «бе-бе-бе», «*blah-blah*»). На морфологическом уровне в создании эмоциональности участвует безаффиксное словообразование (междометия: «увы», «*Oops!*»), сложные экспрессивные слова: «ничего неделание», «*know-it-all*»; производные от звукоподражательных корней: «хлюпик», «хрыч»), а также помогают всевозможные морфемы, в том числе уменьшительно-ласкательные (-к, -ик, -ечк) и увеличительные суффиксы (-ищ, -ох, -ух) [4, с. 87]; в английском языке – морфемы -у, -ie, -let, -ish, -ard, -eer, -aster, -kin, -let [1, с. 117]. На лексическом уровне выделяют тропы («*She must be made of steel*» [9, с. 20], «Аддисон, Бронте, Вордсворт, Годвин, Диккенс – по ним я здесь учила алфавит» [5, с. 21]), слова с оценочным компонентом («ботаник», «*loser*»), слова с переносным значением [4, с. 101], пословицы («Жизнь прожить – не поле перейти», «*A good*

для прочтения. Так, слова «всячина» [5, с. 13], «старуха» [5, с. 253], «развалюха» [5, с. 158], «болтовня» [5, с. 12], «ребятня» [5, с. 105] передают гораздо больше информации об отношении персонажа к предметам, чем их англоязычные эквиваленты “scraps” [9, с. 3], “old woman” [9, с. 96], “ruins” [9, с. 150], “children” [9, с. 38].

На лексическом уровне одной из наибольших групп, представленных в произведении, является группа тропов. Они в огромном количестве используются автором на протяжении всего романа, в частности, в описании персонажей, погоды и внутренних переживаний. Самыми используемыми тропами в романе являются эпитеты, с помощью которых Д. Сеттерфилд изображает предметы и действия более красочно и ярко, тем самым создавая живое представление о прочитанном, приближая читателя к видению автора. Эпитеты придают произведению художественную яркость, усиливают образность языка и, соответственно, влияют на эмоциональное восприятие читателя: “Simple little stories really, not much to them” [9, с. 3] – «Короткие незамысловатые истории, не бог весть что» [5, с. 13].

Помимо эпитетов, текст «Тринадцатой сказки» наполнен множеством метафор, которые так же, как эпитеты, создают образность произведения и его художественную своеобразность. Все фигуры речи, которыми наполнено произведение, служат для автора способами описать свой художественный мир настолько детально и красочно, чтобы читатель в полной мере прочувствовал каждое событие и понял каждого описанного персонажа.

На лексическом уровне выделяются также группы пословиц и фразеологизмов. Пословицы в «Тринадцатой сказке» встречаются редко, однако, они играют важную роль в создании образа персонажа: «глаза – врата души» [5, с. 18] – “the eyes are the gate way to the soul” [9, с. 5], “to lose heart over” [5, с. 136], “to have heart stopped” [9, с. 73] – «сердце обливается кровью» [5, с. 100], «сердце замерло» [5, с. 93].

Говоря о стилистическом уровне, необходимо упомянуть еще одно средство создания саспенса – односоставные неполные предложения, использование которых помогает автору нагнетать атмосферу в необходимых моментах: “I am alone. No name. No home. No family” [9, с. 162] – «Я остаюсь одна. Без имени. Без дома. Без семьи» [5, с. 419]. В процесс создания эмоциональности на стилистическом уровне также вовлечены: инверсия (“Perhaps I really am nothing” [9, с. 163] – «Быть может, я и вправду ничто» [5, с. 419]); повторы (“She wanted to tell me the story before she died; she wanted me to make a record of it” [9, с. 170] – «Она хотела

рассказать мне историю до того, как умрет; она хотела, чтобы я эту историю записала» [5, с. 439]); слова-интенсификаторы (“Perhaps I really am nothing” [9, с. 163], «Я ужасно устала, но никак не могу уснуть» [5, с. 379]); вводные слова («Я, конечно, знала о ее мировой популярности» [5, с. 16], “Her psychological state, however, was more difficult to determine” [9, с. 75]).

Таким образом, эмоционально окрашенная лексика произведения, представленная на четырех языковых уровнях, содержит, как в тексте оригинала, так и в тексте перевода, лексические единицы с оценочной коннотацией, нейтральные единицы, ярко выраженный коннотативный компонент которых создавался непосредственно переводчиком в процессе перевода. В тексте произведения преобладают частнооценочные психологические единицы. Это обусловлено его жанровой принадлежностью – в художественных произведениях оценке подвергаются непосредственно предметы, персонажи и явления, окружающие действующих героев, затем – собственная реакция на происходящее и лишь потом – события абстрактного характера, обращающие внимание на обобщенные понятия. Превалирование частных психологических единиц не случайно, потому что, одной из задач художественной литературы является воздействие на чувства и эмоции человека, а психологические единицы описывают эмоциональное состояние и оценку событий. В ходе анализа были обнаружены случаи использования интенсификации значения и создание оценочного компонента, необходимые для реализации сюжетного напряжения. Отрицательные оценки числом значительно превосходят положительные. В связи с этим эмоциональное восприятие людей и объектов, ими созданных или тем или иным образом связанных с их деятельностью в проанализированном произведении можно назвать несколько пессимистичным. Однако, несмотря на слабую представленность, в тексте произведения содержатся положительные образы, служащие своеобразными детерминативами для понимания персонажа.

Итак, с течением времени создаются все новые лексические единицы для обозначения эмоционального фона человека. Поэтому вопрос правильности передачи эмоционально окрашенной лексики с одного языка на другой стоит особенно остро. Содержание и языковая форма оригинала должны передаваться в полной мере, а переводческое решение должно соответствовать установленной коммуникативной ситуации. В подавляющем большинстве случаев эмоциональная коннотация художественных произведений передается переводчиком в полной мере. Отступления от оригинала могут не влиять на общую картину перевода.

Несмотря на существование целого ряда исследований, посвященных проблеме перевода эмоционально окрашенных единиц, данная тема была, есть и будет актуальной еще на протяжении многих лет ввиду того, что при изучении этой проблемы в условиях высоких темпов развития языка будут выдвигаться новые теории и находиться новые пути решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – Л., 1981. – 295 с.
2. Валеева Н. Г. Теория перевода: культурно-когнитивный и коммуникативно-функциональный аспекты: Монография / Н. Г. Валеева. – М.: РУДН, 2010. – 245 с.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – 2е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 280 с.
4. Лукьянова Н. А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. Семантические классы экспрессивных слов русского языка / Н. А. Лукьянова // Экспрессивность лексики и фразеологии: межвуз. сб. – Новосибирск, 1983. – 160 с.
5. Сеттерфилд Д. Тринадцатая сказка: роман / Диана Сеттерфилд; [пер. с англ. В. Дорогокупли]. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.
6. Телия В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М., 1981. – 270 с.
7. Чернявская Е. А. Оценка и оценочность в языке и художественной речи: на материале поэтического, прозаического и эпистолярного наследия А. С. Пушкина [Электронный ресурс]: Автореф. дис.... канд. филол. наук. – Брянск, 2001. – URL: <http://www.dissercat.com/content/otsenka-iotsenchnost-v-yazyke-i-khudozhestvennoi-rechi-na-materiale-poeticheskogo-prozaich>
8. Parret H. Les passions. Essai sur la mise en discours de la subjectivité / H. Parret. – Bruxelles, 1986. – 268 p.
9. Setterfield D. The Thirteenth Tale [Электронный ресурс] / D. Setterfield. – URL: <https://drive.google.com/open?id=1StVr3ZpEBvkVSQMoBVqIEd6KJ5HpJd9D>

АННОТАЦИЯ

Ивахненко М. Н. Языковые средства передачи эмотивности при переводе англоязычных художественных произведений

Статья посвящена исследованию категории эмотивности как языкового явления в оригинальных и переводных англоязычных художественных произведениях. В статье рассматриваются

способы передачи на русский язык эмоционально окрашенной лексики со сложной и неоднородной структурой на всех языковых уровнях.

Ключевые слова: оценочная и эмоциональная лексика, переводческие трансформации, литературный перевод, художественный текст.

SUMMARY

Ivakhnenko M. N. Linguistic means to render emotivity while translating the English-language fiction

The article deals with the study of the category of emotivity as a linguistic phenomenon in the original and the translation of the English-language fiction. The researcher considers the ways of rendering emotionally colored vocabulary with a complex and heterogeneous system of such structural formations at all language levels.

Key words: evaluative and emotional vocabulary, translation transformations, literary translation, literary text.

*С. А. Колода
(г. Чунцин, КНР)*

УДК 81-23

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕКЛАМЕ НА КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые процессы, характерные для современного развития многих языков, в полной мере отражают динамику развития общественных отношений. Наиболее ярким отражением меняющихся социально-политических, общественных, экономических основ общества, стал язык средств массовой информации (СМИ), одним из видов которых является реклама. Исследователи придают огромное значение роли рекламы в жизни современного общества. Она также стала значительным явлением культуры, отражая не только типичные визуальные образы и ментальные стереотипы, но и представляя языковые привычки носителей разных языков. Реклама является одним из важнейших факторов массовой культуры, отражающих жизнь современного общества. Она вездесуща, даже если вы не читаете газет, не смотрите телевизор, реклама представляет перед вами обязательный элемент городской среды. Заполняя все средства массовой информации, реклама представляет собой прекрасно организованную автономную структуру, пользующуюся огромным влиянием. Реклама городской среды,

глянцевые журналы, другие печатные издания зачастую отдают предпочтение рекламе товаров, где значительное место отдается презентации всемирно известных брендов. В большинстве случаев языковые стимулы такой рекламы содержат значительную долю заимствований. Однако, детальный анализ показывает, что специфика их использования не одинакова в разных языках. Рассмотрим эти особенности на примере использования заимствований всемирно известных брендов в рекламе на китайском и русском языках. Но прежде всего остановимся на специфике проникновения заимствований в китайский язык.

Большинство современных заимствований пришли (и приходят) в китайский язык, прежде всего, из английского языка в его американском варианте. Эти слова разнообразны по своей семантике и относятся к политике, экономике, финансам, компьютерной технике, коммерческой и многим другим областям: 写字板 – WordPad (где 写字 – писать иероглифы, 板 – доска, плита), 因特 yintewang – Интернет (фонозапись англ. Inter + сеть), 迪斯科 disike – диско (от англ. disco), 奔腾 benteng – Пентиум (от англ. Pentium), 酷ku – крутой (от англ. cool), 比特 bite – бит (от англ. bit), 快餐kuaican – фаст-фуд (от англ. fast-food: быстрый + еда), 下载xiazai – скачать с Интернета (от англ. download: 下 передаёт значение down – вниз, load и 载 совпадают в значении «грузить») и многие другие. Некоторые из них были заимствованы для наименования новых понятий, тогда как заимствование других слов говорит лишь о погоне за языковой модой. Среди современной китайской молодежи считается престижным украшать свою речь английскими словами. Так слово 拜拜baibai (от англ. bye-bye, «до свидания») в молодежном сленге вытесняет исконное 再见zaijian. Сейчас оно стало повсеместно употребляемым в Китае не только в молодежной среде.

Китайские лингвисты обратили внимание и на то, что многие англицизмы проникают в путунхуа – официальный варианта китайского языка – через лексику других китайских диалектов, в частности через гуандунский. Это явление представляет собой процесс вторичного заимствования внутри системы самого китайского языка. Разница между китайскими диалектами весьма велика. Их лексическая и фонетическая система в большей или меньшей степени отличается от путунхуа. Гуандунский диалект, распространенный в одноименной провинции Гуандун и в Гонконге регулярно «транспортирует» в общенациональный вариант китайского языка «англицизмы», например, слова 巴士bashi – автобус (от «bus»), 的士dishi – такси (от taxi), 贴士tieshi чаевые (от tips). Следует отметить, что в сравнении с лексической системой путунхуа, в лексике китайского языка в Гонконге

и на Тайване гораздо больше иноязычных заимствований. Значительная часть заимствований проникает в китайский язык в результате контактов с другими странами и народами. На рубеже эпох Мин и Цин (сер. XVII в.) в бассейне реки Амур устанавливается господство маньчжуров и в лексику жителей завоеванных территорий, так или иначе, «проникают» лексические элементы языка завоевателей. Несмотря на попытки правящей династии Цин изолировать страну от влияния иностранцев, в Китай прибывают европейские миссионеры, путешественники и торговцы, начинается знакомство с западной культурой, что тоже способствует проникновению в язык иноязычных слов. Другая по времени волна иноязычного заимствования возникла, начиная с середины 19 века, в эпоху «опиумных» войн», когда Китай стал объектом колониального завоевания Англией и другими иностранными державами. В первые десятилетия 20 века, с распространением марксистской идеологии в словарном составе китайского языка появились такие общественно-политические термины как: 马克思主义makesizhuyi – марксизм (马克思makesi – Маркс + 主义, заимствованный суффикс «-изм», идея, доктрина, 马克思列宁主义makesilieningzhuyi – марксизм-ленинизм (马克思makesi – Маркс + 列宁liening – Ленин + суффикс «-изм», идея, доктрина), 社会主义shehuizhuyi (社会shehui – социум + суффикс «-изм», идея, доктрина) 资本主义zibenzhuyi (资本ziben – капитал + суффикс «-изм», идея, доктрина) и др.

Немалую группу в словарном фонде китайского языка составляют слова, пришедшие в него из русского, и по вполне объяснимым причинам: Китай и Россия – ближайшие соседи, имеющие одну из самых протяженных в мире общую границу, при таком тесном «соседстве» языковые контакты между двумя странами неизбежны. Говоря о восприятии русских слов, необходимо учитывать ряд факторов, среди которых определяющим является политическое, экономическое и культурное взаимодействие между нашими странами. Большая часть из них имеет ограниченную сферу функционирования, употребляясь лишь в тех районах КНР, которые тесно сотрудничают с Россией в сферах туризма и торговли.

Несмотря на тот факт, что китайский язык каждый год пополняется новой заимствованной лексикой, согласно распространенному мнению, она составляет сравнительно небольшой процент. Китайский ученый Ши Ювэй приводит следующую статистику по числу иноязычных слов в китайском языке в 20 веке: 1978 год – 1,3 %; 1987 – 0,6%; 1989 – 1,11%; 1994 – 0,85% [6].

Отметим, что условия развития общественной и политической жизни в Китае определили значительные изменения в языковой ситуации, в том числе появление многочисленных заимствований из других языков – русского, японского, корейского. В современном китайском языке сохранились также архаичные слова, заимствованные из санскрита. Однако, в современный период большего всего заимствований происходит из английского языка.

Мы выделили 10 тематических групп наиболее частотных англицизмов в сфере рекламы. Четверть от всего состава англицизмов (25%), употребленных в рекламе, составляют терминологические единицы экономики, политики, спорта, музыки, телевидения, компьютерной техники. Средней частотностью (10%-15%) обладают англицизмы, обозначающие профессии и виды профессиональной деятельности, косметические продукты, косметологические и парикмахерские услуги, одежду, моду, продукты питания, напитки, автомобили и автомобильные аксессуары. Менее частотными (1%-5%) оказались англицизмы, обозначающие бытовые приборы, товары и услуги, названия компаний, баров, клубов, магазинов, газет и журналов.

Наибольшее количество рекламного материала с англоязычными заимствованиями содержат гляцевые журналы. В настоящее время в России, вслед за Западом, в фокус общественного внимания попали вопросы здорового образа жизни, стало модным и престижным быть в хорошей физической форме, следовать тенденциям моды, уделять большое внимание внешности и стилю жизни. Самыми часто употребляемыми заимствованными лексическими единицами оказались такие слова, как *SPA*, *wellness*, *нейл-арт*, *бодибилдинг*, *имидж-мейкинг*, *гламур*, *фитнес*, *стайлинг*, *брашинг*, *лифтинг* и другие.

Приведем классификацию основных видов заимствований иноязычной лексики в русской и китайской рекламе:

1. Наименование торговых марок с сохранением иноязычного написания.

Например: **Samsung**, **Nikon**, **Siemens**, **Casio**, **Nike**, **Puma**, **ROLEX**, **H&M**, **ZARA**, **ARMANI**, **GUCCI**, **Dior**, **Chanel**, **PANDORA**, **Swarovski** и т.д.

Эти названия марок обнаруживаются как в русскоязычной рекламе, так и в рекламе на китайском языке.

2. Дублирование – двойное написание названий (в русской рекламе – на английском и русском языке, а в китайской рекламе – на английском и китайском языке).

Например: Imperial Tobacco (ООО «Империя Табакко Продажа и Маркетинг»), 帝国烟草公司, DISCOVERY (ООО «Дискавери»), IKEA (ООО «ИКЕА») (宜家, KFC (ООО «КФС») (肯德基, Burger King (ООО «Бургер Кинг») (汉堡王, McDonald's (ООО «Макдоналдс») (麦当劳, Subway (ООО «Сабвэй») (赛百味, Coca-Cola (ООО «Кока-кола») (可口可乐, Mercedes-benz (ООО «Мерседес-бенц») (梅赛德斯奔驰, Honda (ООО «Хонда») (宏达, Sportmaster (ООО «Спортмастер») (运动先锋) и т.д.

3. Использование иноязычной аббревиатуры.

Например: **Beeline GSM** (глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи), **4G** (четвёртое поколение мобильной связи с повышением требований), **SIM** (идентификационный модуль абонента в мобильной сети), **IT** (информационные технологии), **VCD** (影音光盘), **DVD** (Digital VideoDisc 数字视频光盘), **4G** (4G网络), **MTV** (音乐电视网), **EMS** (邮政特快专递服务), **CPU** (中央处理器), **LED** (发光二极管), **GPS** (全球定位系统), **IT LCD** (液晶显示屏), **SIM** (用户身份识别卡) и т.д.

4. Использование двух слов разных языков, с явным пониманием английского слова.

Например: **Actual мебель** (современная мебель), **CD-плеер** (CD-player), **卡拉OK** (Karaoke 伴奏系统), **T恤衫** (短袖).

5. Использование иноязычного слова в русском и в китайском написании.

Например: **блейзер** (blazer), **ноутбук** (notebook), **клаксон** (klaxon), **сэндвич** (sandwich), **джинсы** (jeans), **хот-дог** (hotdog), **фитнес** (fitness), **шампунь** (shampoo), **плеер** (player), **шорты** (shorts), **блуз** (Bluse), **Лайс** (Lays), **Википедия** (Wikipedia), **Дисней** (Disney), **Сейфгард** (Safeguard), **Лукс** (LUX), **Колгейт** (Colgate), **Майбеллин** (Maybelline), **Ван Клиф** (Versace), **Эстел Ландер** (EsteeLauder), **Джонсон** (Johnson's), **Юникло** (Uniqlo), **Каррефор** (Carrefour), **Рибб** (Reebok), **Рейс** (Rejoice), **Дев** (Dove), **Ферреро** (Ferrero Rocher).

В нашем исследовании мы отметили, что количество заимствований в рекламе на китайском языке не уступает их количеству на русском. Однако, во многих случаях реклама брендов на китайском языке использует дублирование. В то время как русскоязычная реклама отдает предпочтение иностранным словам из языка-источника. Связано это, на наш взгляд, со структурой и графическими особенностями китайского и русского языков.

Поскольку русский язык относит к синтетическим, в нем существует больше возможностей для создания новых слов и понятий. Морфемы русского языка и разнообразные способы словообразования позволяют не только заимствовать слова путем калькирования, но и создавать новые лексические

единицы с сохранением корня иноязычного слова. Например, блогик (от blog), айтишник (от IT), гуглить (от Google), спамить (от Spam). Алфавит русского языка также в определенной степени способствует более легкому проникновению англоязычных названий брендов в рекламу. Большое количество заимствований в русском языке обусловлено также диахроническими процессами развития языка. Иная ситуация характерна для китайского языка. Как известно, китайский язык относится к языкам изолирующего типа. Изолирующие языки (иначе аморфные, односложные, корневые) сохраняют слова неизменными во всех формах, новые понятия выражаются сочетанием уже имеющихся корней. Слова в изолирующем языке будут состоять только из составных слов, но не сочетаний с суффиксами, префиксами и т.д. В этом отношении изолирующие языки противоположны синтетическим, в которых слова могут состоять из нескольких морфем. Внутренние социолингвистические процессы развития китайского языка (большое количество диалектов и языковых групп сино-тибетских языков, продолжительная по времени изолированность китайского общества от контактов с другими странами) также длительное время останавливали сам процесс заимствования. Особую роль в заимствовании англицизмов играют вторичные заимствования, а также заимствования из других китайских языков и диалектов.

Относительно низкий уровень (по сравнению с русским языком) проникновения заимствований в китайский язык, также как использование дублирования всемирно известных брендов на китайском языке, можно объяснить также значительной разницей в системе письменности английского и китайского языков. Иероглифическая письменность, не имеющая аналогов в латинице, становится определенным препятствием для быстрого усвоения названий англоязычных брендов. На широкое распространение дублирований на двух языках (китайском и английском) в рекламных брендах повлияли как вторичные (самозаимствования) из других китайских диалектов. Специфические особенности использования в китайской рекламе заимствований связаны в первую очередь с тем, что в китайской рекламе заимствования являются вторичными, отличным от западных понятий переноса, рекламных вставок и слоганов в текст рекламы или на логотипы продукции. Зачастую в основу слогана для рекламного текста берется условное понятие «красоты» и далеко не всегда то, что вы прочтете в китайской рекламе с использованием заимствований (не важно на каком языке – английском, русском, французском) будет соответствовать тому, что вы реально получите в этом продукте.

АННОТАЦИЯ

Колода С. А. Специфика использования заимствований в рекламе на китайском и русском языке

Статья посвящена исследованию разных видов заимствований в рекламе на китайском и русском языке. Отмечается низкий уровень (по сравнению с русским языком) проникновения заимствований в китайский язык, а также особая роль в заимствовании англицизмов вторичных заимствований, а также заимствований из других китайских языков и диалектов.

Ключевые слова: заимствование, реклама, китайский язык, русский язык, англицизмы.

SUMMARY

Koloda S. A. Specificity of the use of borrowing in advertising in Chinese and Russian

The article is devoted to the study of different types of borrowing in advertising in Chinese and Russian. There is a low level (in comparison with the Russian language) of the penetration of borrowings into the Chinese language, as well as a special role in the borrowing of Anglicisms of secondary borrowings and borrowings from other Chinese languages and dialects.

Key words: borrowing, advertising, Chinese, Russian, Anglicisms.

*Н. В. Лешкова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.161.1

**СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ
ФИДЕИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОЙ
ПРОПОВЕДИ**

В исследовании сделана попытка рассмотреть семантику в общем плане как совокупность содержания и значения. Это предполагает, прежде всего, анализ предметного содержания православной проповеди путем установления тех категорий, которые реализованы в текстах православных проповедей, для дальнейшего выделения специальных стратегий исследуемого жанра.

В рамках каждой общей категории разворачиваются другие, менее значимые. В результате анализа православной проповеди нами было выделено пятнадцать категорий.

1. Категория «Спасение». Её реализация связана с необходимостью ознакомления верующих с основными

христианскими догматами, а именно: для чего именно нужна вера в жизни человека – для спасения души и вечной жизни в Небесном царстве: Мария уходит из Иерусалима. Она перестает посещать Храм Гроба Господня, перестает прикладываться ко всем святыням града Иерусалима и, перейдя Иордан, уходит одна в страшную пустыню – где неизвестно, чем можно прокормиться, где неизвестно, как можно спастись от ядовитых змей и диких зверей, таких, как львы, которые в то время еще жили на Ближнем Востоке. ...Пример Марии Египетской свидетельствует о том, что и без посещения храма можно спастись. Ведь не какой-то искусственный пример я вам привел, а пример святой, чью память мы совершаем на этой неделе. Святой, что ушла из всех храмов и монастырей и удалилась в пустыню (патриарх Кирилл).

2. Категория «Грех». В рамках этой категории священник раскрывает понятие «греха», его видов, причин и последствий, рассказывает о возможных способах его избегания, борьбы с ним: Непросто совершать Евхаристию в отрыве от своей паствы, но радовать, что вы, дорогие сестры, присутствуете сегодня вместе со мной и разделяете эту молитву. А духовно мы все вместе – весь народ Божий, и мы должны осознавать это единство, эту общность особенно сейчас (патриарх Кирилл).

3. Категория «Покаяние». Цели и задачи священника обуславливают реализацию описываемой категории. Она является главной, потому что после раскрытия человеку его угнетающего состояния души, проповедник акцентирует внимание на необходимости осознания своих грехов, раскаяния, исповеди и смены образа мыслей и жизни: Соблюдайте духовный пост: принесите Богу искреннее покаяние в своих грехах, помогайте – чем сможете в этих условиях – нуждающимся, примиритесь с обидевшими вас, простите ближним в сердце своем их грехи, вольные и невольные (митр. Псковский Тихон).

4. Категория «Прощение». В рамках этой категории отмечается необходимость прощения всех, на кого у верующего может быть обида, прощения врагов и акцентируется важность просьбы прощения у Бога. Проповедник фокусирует внимание на том, что когда человек принесёт дар к жертвеннику и там вспомнит, что брат его имеет что-нибудь против него, следует оставить дар пред жертвенником и уйти оттуда: сначала нужно примириться с братом, а потом вернуться и принести свой дар: Причем мы просим прощения не только у тех, кого сами обидели или кого мы предали, но и у тех, кто нас обидел, кто нас предал. И это очень важно – находить в себе силы прощать людей, как сказал Господь, отвечая на вопрос апостола Петра: «Сколько раз прощать брату моему, согрешающему против меня? до

семи ли раз? Иисус говорит ему: не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти раз» (Мф. 18:21-22), то есть прощать бесконечное число раз. Прощать столько раз, сколько человек против тебя согрешил (митр. Волоколамский Иларион).

5. Категория «Таинства». В анализируемой категории говорится о необходимости приобщения к семи таинствам церкви, которые являются священными действиями, которые под видимой стороной сообщают душе верующего невидимую благодать Божию: Пасху надо праздновать в храме, и я всегда говорил прихожанам о том, что полноценное участие в любом церковном празднике предполагает причащение Святых Христовых Таин. Сердцевина любого праздника – это участие верующего в Литургии и Причащении – ценовых таинствах (митр. Волоколамский Иларион).

6. Категория «Православная церковь». Эта категория суммирует информацию об истории церкви, ее традициях, укладе, догматах и т. п.: По древней традиции Православной церкви в праздник Благовещения после богослужения Святейший Владыка выпустил в небо голубей с западной паперти Храма Христа Спасителя (Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси).

7. Категория «Бытие – Смерть – Воскресение». Следуя заданному вектору, священник раскрывает смысл жизни человека, напоминает о конце его земного бытия, приводит примеры воспоминаний обумерших, их загробную участь, фокусируя внимание на необходимости подготовки к будущей вечной жизни здесь и сейчас: А то, что жизнь человека не кончается смертью, подтверждается не только Священным Писанием и церковным Преданием, не только житиями святых, но и опытом тех людей, которые пережили клиническую смерть, можно сказать, побывали на том свете, а потом вернулись в эту жизнь (митр. Волоколамский Иларион).

8. Категория «Катехизация». Её цель раскрыть основные церковные догматы, каноны, объяснить исторические события и взаимосвязь между ними, конфессионизировать верующего: Движимый завистью, Каин убивает своего брата Авеля; братья Иосифа, завидуя его телесной и внутренней красоте, продают его в рабство; первосвященники и фарисеи, движимые завистью к Спасителю, оклеветав и унизив Его, совершают ужасный грех богоубийства (арх. Кирилл (Павлов)).

9. Категория «Любовь». Согласно христианскому мировосприятию, Бог есть любовь, а человек является образом Бога, следовательно, священник должен объяснять, что человек может расти в этой любви, жить с любовью при

любых обстоятельствах, как пишется в Священном Писании: В Воскресении же Христовом явлена в полноте любовь Божия, ибо преодолена, наконец, смерть – последний рубеж, отчуждавший человека от истинного Источника жизни (патриарх Кирилл).

10. Категория «Бог, Богородица, Святые». В её пределах священник раскрывает сущностные аспекты Бога, рассказывает о Его жизни, Его Матери – Деве Марии и Его Святых, их чудесах и наставлениях: Третий том этой серии посвящен чудесам Иисуса Христа, и я рассматриваю каждое из этих чудес в отдельности, а также говорю о том, что вера в чудеса дает современному христианину (митр. Волоколамский Иларион).

11. Категория «Молитва». Она указывает на сущность православия – молитвенное обращение к высшим силам, объясняет его необходимость, виды молитв, их результат в обоих случаях – при наличии или отсутствии молитвы, фокусирует внимание на том, что вера без молитвы недостаточна, что бесы могут и не молятся: Самое главное – молитва. Молитва много может, немощь любую молитва побеждает. И вы опытным путем учитесь молиться и с молитвой все немощи побеждать благодатию Божией. А если не молишься, очередь отбываешь, как тяжело крутит, вертит тебя всего – никакой радости, ни благодати ни тебе, ни окружающим тебя людям (схиархм. Зосима (Сокур)).

12. Категория «Христианские добродетели». В её рамках священник уделяет внимание темам морали, добрых поступков, христианских добродетелей: *Добродетель – не груша, ее вдруг не съешь. Одной из самых главных христианских добродетелей является смирение* (преп. Серафим Саровский).

13. Категория «Дьявол». Проповедник акцентирует внимание на том, что дьявол является врагом Бога и человека, существом, которое всячески пытается сбить человека с христианского пути, раскрывает возможные искушения и трудности, которые могут возникнуть у верующего человека, и разъясняет методы борьбы с ними: Прецеденты такие были, в том числе и в Православной Церкви. Например, в англоязычном православном мире существуют два варианта концовки молитвы «Отче наш» – «но избави нас от лукавого». Греческий оригинал позволяет перевести ее двояким образом: как прошение избавить нас от лукавого, то есть от дьявола, или просьбу избавить нас от зла... Причем интересно, что молитва «Отче наш» начинается обращением к Богу, а заканчивается просьбой об избавлении от дьявола (митр. Волоколамский Иларион).

14. Категория «Православные праздники». Эта категория посвящена историческому описанию православных праздников и теологическому разъяснению их сущности для спасения души верующего: Помогай, Господи, мирно сегодняшний день праздничный провести, самое главное – не портите себе сами настроение и друг другу не портите настроение. Просто жалейте друг друга (схиарх. Зосима (Сокур)).

15. Категория «Война». В рамках этой категории священник вспоминает не только исторические войны и их трагические последствия, не только осуждает происходящие военные конфликты, призывая к мирному их разрешению, а акцентирует внимание на постоянной войне, которая не утихает в человеческом сердце: В то же время берега великой русской реки Волги огласились призывом образца патриота-гражданина Минина: «Встанем за Русь, за дом Пресвятыя Богородицы, за чудотворцев Алексия, Фотия, Филиппа, освободим Отечество!» (св. патр. Пимен).

Итак, из приведенных примеров следует, что выделенные нами категории являются общими и доминантными для жанра православной проповеди. После рассмотрения реализации основных категорий, на следующем этапе анализа считаем необходимым выявить все смысловые модальные элементы, имеющиеся в реализациях фидеистической стратегии православной проповеди. Смысловые модальные элементы представляют собой функционально-семантическую языковую категорию, которая воплощает отношение к предмету разговора и определяется как топосный модус [2, с. 82].

Результаты анализа позволили выделить следующие смысловые модальные элементы православной проповеди:

1. Аксиологические элементы (аксиология от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение) в реализациях фидеистической стратегии православной проповеди представлены типичными для выражения положительной и отрицательной оценки средствами. В православной проповеди они представлены прилагательными положительной и отрицательной оценки (*святая, грешный, несчастен, тяжкий, временный, весьма большой, полный, искренний, добрый, мрачный, трагичный, грозный, светлый, веселый, единоверный, отвратительный*), существительными (благодать, дар, утешение, воздаяние, мучения, изнеможение, нужда, горе, упрек, малодушие, нетерпеливость, смирение, лицемерие, отмщение, гнев), глаголами (молить, страдать, уповать, скорбеть, жаждать, оскорблять), наречиями (часто, неожиданно, скоро, терпеливо). Также оценочный характер имеют словосочетания названных частей речи: Истинно решившиеся

служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией, говоря умом: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих (преп. Серафим Саровский).

Видим, что аксиологические элементы представлены средствами как позитивной, так и негативной оценки, однако в определенных случаях, имея нейтрально оценку, уже приобретают значение в контексте религиозного дискурса.

2. Эпистемические элементы – к средствам выражения эпистемической модальности (от греч. *episteme* – знание) фидеистической стратегии относятся такие глаголы, которые способны передавать разный уровень уверенности (знать, видеть, считать, ожидать, постигнуть, верить, недоумевать, представлять, предусматривать, понимать), существительные (недоумение, удивление, истина), прилагательные (непререкаемый, истинный), наречия (именно, возможно) [1, с. 3]. К эпистемическим элементам также причисляют те средства, которые объективируют отношение говорящего к сообщаемому, как к известному / неизвестному, доказанному / недоказанному, например: Он запрещал бесам, которых изгонял из одержимых ими, разглашать, что они знают, кто Он, что знают, что Он Сын Божий (еп. Лука (Войно-Ясенецкий)).

3. Алетические элементы – алетическая модальность (от греч. *aletheia* – истина) характеризует высказывание с точки зрения выражения в нём отношения сообщения к действительности как возможного / невозможного, необходимого / не необходимого и объективироваться при помощи модальных глаголов, наречий, прилагательных, передающих вероятность, например: Но так или иначе, а возможно, что нам придется разлучиться и разойтись в разные стороны. Может, вы и будете иметь возможность видеть меня и бывать у меня в Козельске, хотя, вероятно, и не так удобно, и не так часто (преп. Никон (Оптинский)).

4. Деонтические элементы (древнегр. *deontos* – должное, необходимое) были основательно исследованы учеными-лингвистами [3; 4; 5]. В работе, посвященной научному дискурсу, О. И. Шаля отмечает, что «индикаторы деонтической модальности содержат имплицитное компаративное значение, которое реализуется через сопоставление адресатом информации, содержащейся в предложении, с фоновыми знаниями для адекватного декодирования содержания, и передают глаголы в повелительном наклонении, которые апеллируют к воображению адресата» (представьте, вообразите); к умственным способностям

(вспомните, придумайте), а также служат наставлением, советом, рекомендацией (запомните) [5].

В реализациях православной проповеди содержатся все указанные средства, а в приведенных примерах элементы деонтической модальности реализуются императивными глаголами, передающими призыв, совет, руководство и апеллируют к воображению и умственным способностям адресата: В назидание себе давайте проследим, как разрушительно действует грех, родившийся однажды (св. прав. Иоанн (Крестьянкин)).

5. Волюнтативные элементы (отд. лат. *voluntas* – воля) [3] в реализациях православной проповеди представлены глаголами, которые передают пожелания (*надеюсь, уповаем*), например: Надеюсь, что духовенство Санкт-Петербургской митрополии окажет необходимую пастырскую поддержку скорбящим, поможет им перенести постигшее их испытание (патриарх Кирилл);

6. Верификативные элементы (лат. *verificatio* – подтверждение; лат. *verus* – истинный, *facio* – делаю) [3] в реализациях православной проповеди воплощаются средствами, способствующими подтверждению истины, например: Что же означают слова *дух и истина*? *Истина означает истинную веру, а истинная вера предполагает определенные знания* (патриарх Кирилл).

Смысловые модальные элементы являются общими в реализации фидеистической стратегии православной проповеди, они зафиксированы во всех проанализированных проповедях, однако частотность модальных элементов варьируется в проповедях отдельных священников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорофеева, Н. В. Эмоциональные концепты в православном дискурсе : удивление / Н. В. Дорофеева // Языковая система – текст – дискурс. – Саратов : ИЦ «Наука», 2003. – С. 160–166.
2. Романов, А. А. Говорящий лидер в деловом общении / А. А. Романов // Homo Loques : Язык, культура, познание. – М. : ИЯ РАН, ТИЭМ, 1995. – С. 56–70.
3. Рябых, Л. М. Лекция как жанр американского академического дискурса : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л. М. Рябых. – Харьков, 2014. – 244 с.
4. Савельева, М. В. Языковые свойства процессуальных единиц с императивной семантикой : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / М. В. Савельева. – Челябинск, 2011. – 22 с.

5. Шаля, О. И. Категория сравнения в языке науки : функциональные, когнитивно-дискурсивные и лингвокультурные параметры : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / О.И. Шаля. – К., 2011. – 20 с.

АННОТАЦИЯ

Лешкова Н. В. Семантика языковых средств реализации фидеистической стратегии православной проповеди

В статье исследуется семантика в общем плане как совокупность содержания и значения. Сделан анализ предметного содержания православной проповеди путем установления тех категорий, которые реализованы в текстах православных проповедей, для дальнейшего выделения специальных стратегий исследуемого жанра. В результате анализа православной проповеди были выделены пятнадцать категорий.

Ключевые слова: категория, проповедь, православный дискурс, анализ, семантика, стратегия.

SUMMARY

Leshkova N. V. Semantics of language means for implementing the fideistic strategy of Orthodox preaching

The article examines semantics in general terms as a set of content and meaning. The analysis of the subject content of the Orthodox sermon is made by establishing the categories that are implemented in the texts of Orthodox sermons, in order to further highlight the special strategies of the genre under study. As a result of the analysis of the Orthodox sermon, fifteen categories were identified.

Key words: category, the preaching, the Orthodox discourse, analysis, semantics, strategy.

Е. В. Минина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'373.23:811.111:81'255.4

РУССКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭТОНИМИКОНЕ КЕНА ФОЛЛЕТТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ГИБЕЛЬ ГИГАНТОВ»)

Писатели заимствуют поэтонимы не только из реального ономастикона языка, на котором написано произведение, но и из ономастиконов языков тех стран, которые определяют хронотоп художественного произведения. Писатели вынуждены прибегать к переводу имен собственных на язык произведения. Как правило, в работах по лингвистике исследуются способы перевода поэтонимов с текста оригинала, однако редко кто задумывался, каким же образом автор позаимствовал имя собственное из другого языка и превратил его в поэтоним. Данная тема представляется достаточно актуальной и мало исследованной, и поэтому целью данной статьи является анализ использования русских имен собственных в англоязычном художественном дискурсе на материале произведения Кена Фоллетта «Гибель гигантов» посредством изучения способов передачи писателем русских имен на английский язык.

Теоретически для передачи имен собственных с одного языка на другой существуют следующие способы перевода: *транскрипция, транслитерация, практическая транскрипция, калькирование, полукалька, семантический перевод. Следует отметить, что* ни один из этих способов не может быть признан универсальным, каждый имеет свои ограничения *и будет зависеть от семантического разряда поэтонима.*

При передаче антропопоэтонимов предпочтение зачастую отдается первым трем способам. Описываемый в произведении «Гибель гигантов» хронотоп охватывает Российскую империю начала XX века, чем и обусловлен антропопоэтонимикон Кена Фоллетта. Среди имен встречаются русские имена *Varya, Trofim, Katerina, Konstantin, Anton, Mikhail, Nina, Fyodor, Vladimir, Spirya, Ilya* и др., переданные писателем с помощью транслитерации, транскрипции либо практической транскрипции. При помощи таких же способов автор передал отчества и фамилии, например, *Peshkov, Maklakov, Kanin, Kozlov, Pinsky, Vladimir Ilyich Lenin*, более того, ему удалось даже сохранить гипокористический суффикс в именах *Mishka, Grishka*. Однако в то же время, следуя лингвокультурологическим ономастическим традициям родного языка, Кен Фоллетт использует имена *Serge* для

русского Сергей, *Leon Trotsky* – для Льва Троцкого, которые являются родственными именными формами русских имен, но более благозвучны для англоязычного населения и пользуются у них большей популярностью. Поскольку в англоязычном ономастике отсутствуют такие воинские чины, как подпоручик, поручик, прапорщик, а также титулы князь и княгиня, при передаче двухкомпонентных антропонимов с компонентой-приложением, автору пришлось прибегнуть к полужалованию, например, *Sergeant Gavrik*, *Lieutenant Tomchak*, *Prince Andrei*. Следует отметить, что в некоторых случаях при передаче писателем на английский язык двухкомпонентных антропонимов наряду с транскрипцией используется транспозиция, то есть этимологическое соответствие имени собственного в одном языке имени собственному в другом языке [1, с. 24], как например, *Tsar Nicholas*. Несмотря на то, что англоязычный ономастикон характеризуется отсутствием в нем отчества и наличием средних имен, которые служат дополнительным индивидуализирующим знаком [2], Кен Фоллетт следует законам именования в Российской империи и использует в произведении поэтонимы, состоящие из трех компонентов: имени, отчества и фамилии. Например, посредством транскрибирования и транслитерирования, либо того и другого одновременно, он вводит в текст произведения поэтонимы: *Grigori Sergeivich Peshkov*, *Alexander Fedorovich Kerensky*, *Mikhail Mikhailovich*.

Предполагается, что топонимы, как и антропонимы, должны передаваться максимально приближенно к исходной форме звучания, то есть с помощью практической транскрипции. Примерами таких топонимов в романе Кена Фоллетта могут быть *St Petersburg*, *Petrograd*, *Vyborg*. Однако писатель имел дело с топонимами неанглийского происхождения, а соответственно использовал топонимы с учетом особенностей английского языка.

Большинство топонимов характеризуются двухкомпонентной структурой, в которой обязательно наличие апеллятива, обозначающего денотат и указывающего на тип географического объекта. Проблема передачи нарицательного компонента возникает очень часто и, по мнению Д. И. Ермоловича, единого решения эта проблема не находит и решается разными переводчиками по-разному [1, с. 110]. При использовании русских топонимов с нарицательным компонентом в топонимике своего произведения Кен Фоллетт нашел несколько вариантов решения вопроса их передачи с русского на английский язык. В качестве первого варианта он использовал семантический

перевод апеллятива на английский язык и транскрибировал или транслитерировал географическое название, например, *the Neva River*, *the Alexandrovskii Garden*, *Nikolaevsky Station*, *the Kresty Prison*, *Gutuyevsky Island*, *Liteiny Bridge*. Вторым вариантом предполагал транскрипцию/транслитерацию либо практическую транскрипцию обоих компонентов: *Nevsky Prospekt*, *Tsarskoye Selo*, *Samsonievsky Prospekt*, *Liteiny Prospekt*. Третий вариант представлял собой калькирование, когда оба компонента топонима были заменены писателем их лексическими соответствиями в английском языке, например, *the Winter Palace*, *the Bronze Horseman*, *the Admiralty building*, *the Tauride Palace*, *Palace Square*. Поскольку русская топонимика недостаточно известна англоязычному носителю, помимо вышеуказанных способов передачи топонимов с русского языка на английский Кен Фоллетт, как правило, использовал также описательную справку, которая в тексте романа несла своеобразное лингвострановедческое пояснение: *the Narva Gate, a massive triumphal arch* [3, стр. 103], *the equestrian statue of Peter the Great, always called The Bronze Horseman* [3, стр. 105], *the Alexandrovskii Garden, a park in front of the long yellow-and-white Admiralty building* [3, стр. 106].

В романе Кена Фоллетта «Гибель гигантов» представлены и русские хрононимы, которые были преобразованы писателем в хронопоэтонимы посредством калькирования. Автор тонко вписал в нить сюжета хронопоэтоним *Bloody Sunday*, который он подверг смысловому переводу, а в контексте подчеркнул точную дату и сопутствующие обстоятельства данного события: *«She died on January 9, 1905, by the old Russian calendar. It was a Sunday, and in the days and years that followed it came to be known as Bloody Sunday»* [3, с. 102]. Калькирование, но уже с элементами транскрипции, позволило передать еще один хрононим с русского языка на английский, обозначив хрононим художественного произведения: *the Russo-Japanese War of 1904-1905*.

Для воспроизведения реалистичного хронотопа Кен Фоллетт также использовал достаточно большое количество эргонимов и идеонимов, заимствованных из русского ономастикона. Так в произведении появились названия заводов, политических организаций и партий, административных единиц, органов периодической печати. Идеопоэтоним *Izvestia* по правилам передачи названий органов печати с одного языка на другой был транслитерирован. Эргопоэтонимы обычно подлежат практической транскрипции, например, в тексте романа *the Bolsheviks*, *the Trudoviks*, *the Duma*, *the Petrograd soviet*. Но часто в состав эргонима входит апеллятив или группа апеллятивов,

которые, как правило, подвергаются семантическому переводу, компоненты же, указывающие на местонахождение, основателя, собственника, главу организации, транскрибируются или транслитерируются. Таким образом, если эргоним имеет многокомпонентную структуру, то следует использовать калькирование с элементами практической транскрипции. Данным правилам следовал и автор «Гибели гигантов». Так название известного машиностроительного завода было передано, как *the Putilov Machine Works* либо использован синонимический ряд для апеллятива «завод»: *the Putilov factory* и *the Putilov plant*. Различные политические организации, партии, комитеты также переведены с учетом их многокомпонентной структуры: *St. Petersburg Bolshevik Committee, the Petrograd Bolshevik Committee, the Bolshevik Discussion Group on Socialism and Atheism, the Soviet of Workers' Deputies, the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, the Temporary Committee of Duma Members for the Restoration of Order in the Capital and the Establishment of Relations with Individuals and Institutions*. Ряд эргопонимов подвергся исключительно калькированию: *the Workers' Group of the War Industry Committee, the Black Hundreds*, в последнем случае с пояснительным приложением: «*They were called the Black Hundreds, part of the Union of the Russian People, a right-wing group that wanted to return to the golden age when the tsar was the unchallenged father of his people and Russia had no liberals, no socialists and no Jews*» [3, с. 495].

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что часто в процессе создания произведения автору необходимо вплетать в нить сюжета поэтонимы, заимствованные из ономастикона чужого для него языка, и, как следствие, писатель вынужден прибегать к переводу данных имен собственных. Как показал анализ использования русских имен собственных в англоязычном художественном дискурсе на материале произведения Кена Фоллетта «Гибель гигантов», для передачи антропопоэтонимов и топопоэтонимов чаще всего используются транскрипция, транслитерация и практическая транскрипция, однако часты случаи использования полукалькирования и транспозиции в случае с антропопоэтонимами и полукальки и кальки в случае с топопоэтонимами. Хронопоэтонимы переводятся с помощью калькирования, а самыми типичными способами перевода эргопоэтонимов и идеопоэтонимов являются практическая транскрипция и калькирование с элементами практической транскрипции. Данное исследование было проведено на материале отдельно взятого автора и произведения, поэтому перспективным направлением работы представляется

дальнейшее изучение вопроса на материале ряда произведений одного автора либо разных англоязычных писателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермолович, Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 200 с.
2. Леонович, О. А. В мире английских имен [Текст] / О. А. Леонович. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель», 2002. – 140 с.
3. Follett, K. *Fall of Giants* / Ken Follett. – New York : New American Library, 2010. – 925 p.

АННОТАЦИЯ

Минина Е. В. Русские имена собственные в поэтонимиконе Кена Фоллетта (на материале романа «Гибель гигантов»)

Статья посвящается изучению поэтонимов в тексте оригинала и тексте перевода. Целью данной статьи является анализ использования русских имен собственных в англоязычном художественном дискурсе на материале романа Кена Фоллетта «Гибель гигантов». В ходе исследования установлены основные способы передачи русских имен на английский язык.

Ключевые слова: имя собственное, поэтоним, поэтонимикон, хронотоп, способы перевода, семантический разряд.

SUMMARY

Minina Ye. V. Russian proper names in Ken Follett's poetonymicon (based on the novel «Fall of Giants»)

The article is devoted to the study of poetonyms in the original and in translation. The article aims at the analysis of the usage of Russian proper names in the English artistic discourse on the basis of Ken Follett's novel «Fall of Giants». The research establishes the major ways of translation of Russian names into English.

Key words: proper name, poetonym, poetonymicon, chronotope, ways of translation, semantic group.

Е. А. Николашина
(г. Рязань, РФ)

УДК 81'255.2:377.1

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ

Реалии развития мирового сообщества ставят перед высшим образованием задачу формирования личности, обладающей целым набором компетенций. Перед работодателем должен предстать специалист развитый, самоактуализирующийся, с высоким уровнем практической подготовки, ведущий продуктивную социокультурную деятельность в обществе [2, с. 28]. Во время открытия национальных границ для международного взаимодействия во всех областях растет спрос на высококвалифицированных специалистов гуманитарного профиля, обладающих хорошо сформированной социокультурной компетенцией. Только такие личности могут стать полноправными участниками международного диалога. В связи с требованиями общества изменяются подходы к образовательному процессу. Сегодня у студентов необходимо развивать общечеловеческие ценности, умение общаться на межкультурном уровне. Идентифицируя себя при этом с конкретной общностью для культурной трансляции от поколения к поколению. В педагогике остро обсуждаются вопросы «социокультурной коммуникации», «социокультурного образования», «социокультурного воспитания», поскольку каждому необходимо научиться жить в современном социокультурном обществе.

Подобное образование предполагает самопознание посредством познания окружающих, изучение прочих культур, различий и единств в культурах, толерантное отношение к существующим культурным различиям [4].

Принято выделять следующие составляющие социокультурной компетенции:

- ✓ социокультурные знания (т.е. знания о стране и ее истории, о духовных ценностях и культурных традициях, а также об особенностях национального менталитета носителей языка);
- ✓ опыт общения (т.е. выбор верного в конкретной ситуации стиля общения с носителями языка);
- ✓ личностный подход к иноязычной культуре (т.е. истинное толкование иноязычной культуры, а также готовность и умение решать социокультурные конфликты, возникающие в процессе общения);

- ✓ владение различными языковыми средствами при общении с носителями языка (т.е. умение верное употреблять языковые единицы, а также находить сходства и различия между родным и иностранным языком и принимать их) [1].

Для понимания сути социокультурной компетентности необходимо знать ее компонентный состав, включающий:

- ✓ лингвострановедческий компонент (т.е. лексические единицы с национальной культурной семантикой, а также умение их применять в процессе общения);
- ✓ культурологический компонент (т.е. сведения о традициях и обычаях народа изучаемого языка, знания о национальном менталитете жителей страны, об их быте, основных ценностях, а также умение использовать знания для установления продуктивного взаимодействия);
- ✓ социолингвистический компонент (т.е. речевые стереотипы, клише, модели речевого поведения, формулы речевого этикета);
- ✓ социально-психологический компонент (т.е. специфические для носителей иностранной культуры модели поведения, особые техники коммуникации) [4].

Задача формирования толерантной личности, готовой к эффективному диалогу культур, закреплена и в федеральном государственном образовательном стандарте. Согласно ФГОС 3++ УК-4 и УК-5 направлены на формирование личности готовой к коммуникации на русском и иностранном языках, способной воспринимать межкультурное разнообразие общества в различных контекстах [5]. Та система высшего образования, которая существует сегодня, должна создать условия реального вхождения обучающихся в социокультурное пространство. При этом продуктивное межкультурное взаимодействие не может быть гарантировано хорошими знаниями иностранного языка, либо историко-социальными знаниями. Поскольку не исключают возможного недопонимания культурных особенностей или очевидного сравнения родной культуры с иноязычной в случае недостаточной сформированности социокультурной компетентности специалиста.

Толерантное отношение к носителям иной культуры, готовность к восприятию других традиций способствуют уважению и пониманию межнациональных и межличностных различий, принятию собеседника таким, каков он есть. Существует множество методов развития социокультурной компетенции и с развитием информационных технологий, с раскрытием национальных границ их количество растет: чтение художественной литературы, публицистики на иностранном

языке, ознакомление с блогами носителей иностранной культуры, просмотр видеоматериалов и др. При любом способе работы с материалом на иностранном языке встает вопрос адекватного перевода как процесса межкультурной и межъязыковой коммуникации.

Переводчик выступает одновременно как носитель национальной культуры, так и как транслятор культуры иноязычной. Перевод выступает в виде творческого процесса, определенного особенностями культуры иностранного языка. При этом переводчик, равно как отправитель и рецептор, – это самостоятельная языковая личность, полноправный участник межкультурной коммуникации, который может быть носителем либо языка оригинала, либо языка перевода. Рассматривая роль переводчика, т.е. получателя текста оригинала, целесообразно учитывать, что он может быть как носителем языка перевода, так и носителем языка оригинала, что в конечном счете окажет влияние на сам перевод [6, с.150]. Для переводчика с иностранного языка на родной язык особую сложность представляет необходимое декодирование информации текста оригинала, т.е. осмысление образов иностранного языка.

Для выявления подобной сложности и для нахождения возможных путей решений нами был проведен анализ переводов мультипликационных фильмов. В исследовании принимали участие студенты гуманитарных направлений подготовки (направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование, направленность (профиль) История и Иностранный (Английский) язык и направленность Обществознание и Иностранный (Английский) язык), направление подготовки 41.03.05 Международные отношения), дополнительно обучающихся в системе непрерывного образования на программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации». В рамках данной статьи остановимся на анализе перевода мультипликационных фильмов.

Так, мультфильм *Rise of the Guardians* (2012) американской кинокомпании Dream Works Pictures в России представлен под названием «Хранители снов» [3].

Обращаясь к англо-русским словарям, к англо-английским, мы видим, что слово *rise* переводится как «возникновение», «поднятие», «восхождение», «восстание» и проч., в то время как слово *a guardian* переводится как «хранитель», «блюститель», «страж». Таким образом, дословный перевод заголовка фильма будет «Подъем хранителей». И если в начале просмотра мультипликационного фильма официальный перевод проката представляется адекватным, то после просмотра этот перевод

выглядит искажающим действительность. Студентами были предложены следующие варианты перевода: «Хранители детства», «Хранители в действии».

Также весьма интересными с точки зрения формирования социокультурной компетенции представляются имена действующих лиц фильма.

Герой мультфильма – Jackson Overland «Jack» Frost – в русском дубляже назван Ледяным Джеком. Jack Frost сам по себе – персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму. В культуре русскоговорящего народа отсутствует подобный образ. Возможно, наиболее близкий по смыслу персонаж – Морозко. Однако, образ английского юноши не соответствует образу русского старца.

Имя Nicholas St. North переведено как Ник Северянин. Персонажа также часто называют Saint Claus по ходу фильма. Здесь персонаж западной культуры теряет привычное уже и в России имя и становится Ником, с отсылкой на Saint Nicolas, образ которого иногда сопоставляется с личностью Николая Чудотворца, никоим образом не связанного с современными Новогодними праздниками. И данный персонаж уже становится непонятен русскому зрителю, так как ответа, почему это не Санта Клаус, а Ник Северянин, в мультфильме нет, несмотря на то, что все действия персонажа, его место обитания, способ передвижения показывает на то, что это именно Санта Клаус – персонаж западно-европейского и американского фольклора, иностранный Дед Мороз. Причем в оригинальной озвучке у Северянина весьма заметный русский акцент, подчеркивается его любовь к матрешкам, он даже одет не в традиционный костюм Санта Клауса, а в теплую шубу. Таким образом, варианты перевода «Санта Клаус» или «Дед Мороз» предпочтительнее существующего.

Следующий персонаж – E. Aster Bunnymund, что звучит как Easter Bunny (Пасхальный Заяц), выявляет помимо культурного различия различие религиозное. Еще пару десятилетий назад персонаж пасхального существа был бы совершенно не ясен русскому зрителю без дополнительных комментариев. Сейчас персонаж понятен, но при переводе не удалось сохранить каламбур, что относится и к следующему хранителю.

Персонаж Toothiana (Tooth) в русской озвучке носит имя «Зубная фея». Несмотря на отсутствие в русскоязычной традиции данного образа, усиливающийся полилог культур принес его в нашу страну. При просмотре не возникает сложности с восприятием персонажа.

По-иному обстоит дело с персонажем The Sandman (Sandy). Имя персонажа переведено как Песочник. Sandyman (Песочный Человек) существует в мифах западно-и северо-европейских стран. Согласно поверию он помогает людям уснуть и благодаря песку, которым осыпает спящего, позволяет увидеть воодушевляющие, приятные сны. При переводе имени персонажа переводчики отталкивались от внешнего образа и от прямого звучания. Однако в русском фольклоре есть аналог «усыпляющего» образа – дрема.

Антагониста в оригинальной версии зовут Pitch Black (the Boogeuman). Опять же персонаж существует в англоязычной мифологии – взрослые «пугают» им детей в случае плохого поведения. В русской озвучке – это Кромешник. Хотя в славянском фольклоре присутствует злодей Бука, некий аналог серенького волчка, который может укунить за бочок.

Анализ перевода имен собственных, используемых в вышеуказанном мультфильме, показывает всю сложность и многоплановость перевода как такового. Несмотря на то, что с вхождением России в международное пространство многие аспекты традиционной культуры иноязычных стран стали нам знакомы, т.е. население России уже обладает неким набором социокультурных знаний, полноценное общение с представителями иноязычной культуры возможно с оговорками. Социокультурные знания выступают как средство общения с международным сообществом и как средство обогащения духовного мира личности на основании вновь приобретенных представлений, знаний о культуре, традициях и обычаях других народов.

Социокультурные знания определяют познания и культурной, и социальной сторон жизни, владение как родным, так и иностранными языками, познания и опыт восприятия различных культур, способность распознавать и проанализировать ситуацию, адекватно оценить ее и ее значение, выбрать верные пути решения проблем и добиться желаемых целей [4].

Сформированная социокультурная компетентность способствует восприятию себя как культурно-языковой личности, владеющей богатством и полнотой знаний родного языка, культуры, а также как личности, которая выступает носителем международной культуры, владеющей языковыми, речевыми и фоновыми знаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методологических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М., 2009. – С. 301.

2. Вербицкий, А.А. Компетентностный подход и теория контекстного обучения: Материалы к четвертому заседанию методологического семинара 16 ноября 2004 г. М., 2004. С. 84.
3. КиноПоиск. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kinopoisk.ru/film/466581/>
4. Николашина, Е. А. Развитие социокультурной компетенции будущих педагогов, обучающихся по профилю «Обществознание и английский язык» // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2018. – № V11. – С. 48–53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://e-koncept.ru/2018/186112.htm>. (дата обращения: 05.05.2020)
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Утвержденный приказом Министерства образования и науки Российской Федерации № 125 от 22.02.2018.
6. Чепель, Н.П. Лингвокультурная составляющая переводческой деятельности. // Язык и коммуникация в контексте культуры. – Рязань, 2015. – С. 147-152.

АННОТАЦИЯ

Николашина Е. А. Формирование социокультурной компетенции у студентов гуманитарного профиля при обучении переводу

В статье проанализировано понятие социокультурной компетенции и ее место в межкультурном взаимодействии. Автор обосновывает актуальность формирования данной компетенции в условиях глобализации с помощью обучения переводу оригинальных источников. Изложены результаты исследования имен собственных и их перевода в мультипликационном фильме. Цель статьи – раскрыть и обосновать необходимость повышения уровня сформированности социокультурной компетенции у студентов гуманитарного профиля подготовки.

Ключевые слова: социокультурная компетенция, межкультурная коммуникация, полилог культур, обучение переводу, адекватность перевода.

SUMMARY

Nikolashina E. A. Forming of socio-cultural competence of humanitarian students by translation training

The paper considers sociocultural competence and its role in intercultural interaction. The author stresses the importance of the

competence being formed by translation training in the period of globalization. The results of the research of the foreign proper names and their translation into Russian are provided. The work is aimed to show and prove the necessity to upgrade the level of the sociocultural competence of humanitarian students.

Key words: sociocultural competence, intercultural interaction, culture polylogue, translation training, translation adequacy.

Е. В. Рочняк
(г. Горловка, ДНР)

УДК 791.43(045)

ПОНЯТИЕ «АНГЛИЦИЗМ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ТИПЫ

Есть предположение, что существует почти столько же определений понятия «англицизм», сколько и лингвистов, которые пытаются представить единое определение. Так что же такое англицизм?

Прежде чем обратиться к специальной литературе для более подробного объяснения, приведем определение из словаря. В онлайн-издании Duden термин «англицизм» определяется следующим образом: «Übertragung einer für [das britische] Englisch charakteristischen sprachlichen Erscheinung auf eine nicht englische Sprache» (перевод языкового явления, характерного для [британского] английского языка, на неанглийский язык) [6].

В словаре Wahrig определение еще более лаконично: «Entlehnung aus dem Englischen in eine andere Sprache» (заимствование с английского на другой язык) [11, с. 149].

Согласно Х. Зиндлеру, англицизм – это: (...) «ein Wort im Deutschen, das aus dem britischen oder amerikanischen Englisch stammt, bzw. eine nicht übliche Wortkomposition, jede Art der Veränderung einer deutschen Wortbedeutung oder Wortverwendung (Lehnbedeutung, Lehnübersetzung, Lehnübertragung, Lehnerschöpfung, Frequenzsteigerung, Wiederbelebung) nach britischem oder amerikanischem Vorbild» (слово на немецком языке, которое происходит из британского или американского варианта английского языка, или необычная композиция слов, любое изменение в немецком значении или использовании слова (заимствование значения, свободный перевод, фрагментная калька, словообразовательная калька, увеличение частоты, восстановление) по британской или американской модели) [13, с. 2].

Иначе говоря, англицизм – это разновидность заимствования: слово, его отдельное значение, выражение и т. п., которые заимствованы из различных вариантов английского языка, или переведены из него, или образованы по его образцу.

Что касается разграничения так называемых «британизмов» и «американизмов», то в лингвистике предпринимались неоднократные попытки классифицировать англицизмы по их происхождению, но это оказалось невозможным, так как происхождение часто не удается безукоризненно установить даже с помощью этимологических словарей. Именно поэтому обозначение «англицизм» должно служить общим термином для обозначения заимствований из различных вариантов английского языка, в том числе используемых на территории Канады, Австралии, Южной Африки и др. [12, с. 79].

С таким подходом, в частности, согласен Б. Карстенсен, который подчеркивает, что многие слова затрудняют различие между американизмами и британизмами и что филологическая точность не будет гарантирована, если кто-то скажет больше, чем «англицизм» [5, с. 18].

Ю. Пфитцнер также отказывается от разграничения между британским и американским вариантом, но говорит о том, что под термином «англицизм» следует понимать не только заимствование из английского, но и комбинацию «английских» и немецких морфем, содержание которых также отражает значение, привычное для английского языка [8, с. 13]. И в этом он частично близок с уже упомянутым выше подходом Х. Зиндлера.

С данным мнением согласен также Д. Шютте, который, однако, акцентирует, что привычное значение для английского языка не обязательно для немецкого. Приведем его определение: «Ein Anglizismus ist ein sprachliches Zeichen, das ganz oder teilweise aus englischen Morphemen besteht, unabhängig davon, ob es mit einer im englischen Sprachgebrauch üblichen Bedeutung verbunden ist oder nicht» (Англицизм – это лингвистический знак, который состоит полностью или частично из английских морфем, независимо от того, связан ли он со значением, привычным в использовании английского языка) [8, с. 38.] Именно данное понимание англицизма мы и будем считать основным.

Англицизмы в немецком языке классифицируются разными лингвистами по-разному.

Так, например, Е. Зебольд разделяет англицизмы на прямые (через прямое влияние английского языка) и опосредованные (через посредничество других языков), например, «*Dispatcher*», пришедшее в немецкий язык из английского через посредничество русского [10, с. 58].

Ю. В. Кобенко разделяет все англицизмы в немецком языке согласно способу деривации «на априорные (заимствованные) и апостериорные (образованные на основе заимствованного морфемного материала языка-донора)» [1, с. 155].

Подобная классификация указана и в работе К. Гётцелера [7], который выделяет внешние, внутренние заимствования и смешанные образования. Речь идет о том, входит ли в немецкий язык материал на иностранном языке (внешние заимствования) или элементы существующего словаря изменяются в своем составе или значении в соответствии с иностранной моделью (внутренние заимствования).

О внешнем заимствовании следует вести речь, если приняты и форма, и содержание английского слова. При этом данная группа не включает в себя собственные имена, названия, родовые имена и так называемые экзотизмы, обозначающие объекты, явления, процессы или людей, которых нет на территории немецкоязычных стран. В качестве примера К. Гётцелер приводит такие слова как «*Bachelor*» и «*Master*».

Внутреннее заимствование по своей сути представляет собой калькирование. При этом главное – передать идею, а не сделать буквальный перевод. Например, англ. *skyscraper* не переводится как *Himmelskratzer*, а более свободно, как *Wolkenkratzer*. Дословный перевод как «*Himmelskratzer*» был бы невозможен, так как немецкое слово *Himmel*, в отличие от английского *sky*, имеет слишком сильную религиозную коннотацию.

Смешанные образования состоят частично из внешних заимствований и частично из внутренних заимствований или элементов местного, третьего языка. В качестве примера приводятся такие слова как *Live-Klaviermusik*, *hobbymäßig*, *weiterrocken u stressig* [7, с. 155-157].

Также К. Гётцелер выделяет так называемые лексические фиктивные заимствования – это слова в немецком языке, составленные из английских морфем, но им придается новое значение. Это, например, *Parksheriff* (человек, который в Австрии следит за парковкой и раздает штрафные талоны за нарушения правил на парковке) [7, с. 148]. Подобные слова не существуют в этой форме или значении в английском языке, но английский на них явно влияет.

А. Л. Мищенко [2] дифференцирует англицизмы на две большие группы: 1) эвидентные (явные) и 2) латентные (невидимые).

Эвидентные англицизмы в свою очередь делятся на:

1) прямые – заимствованные слова, например, нем. *Real Time / Realtime* [ˈriəlˈtaim, engl. ril taim], f, -, ← англ. *real time*;

2) не прямые – слова или отдельные морфемы, которые в немецком языке в сумме с морфемами языка-реципиента или без них образуют слова, не существующие в языке-источнике, например, англ. *to link* → нем. *verlinken*, англ. *thinkpad* → нем. *Thinkpad*, англ. *handy* „*handlich, geschickt*“ → нем. *Handy* „*Mobiltelefon*“.

Латентные англицизмы передаются при помощи различного рода калькирования, а именно:

1) морфологического калькирования:

а) полные кальки, например, англ. *download* → нем. *Herunterladen*;

б) неполные кальки, например, англ. *technology center* → нем. *Technologiepark*;

2) лексического калькирования (искусственные кальки), например, англ. *pixel* → нем. *Bildpunkt*;

3) семантического калькирования (семантические кальки), например, англ. *mouse* → нем. *Maus*.

В. Янг [12, с. 9] выделяет 3 типа англицизмов:

1) условные англицизмы (*konventionalisierte Anglizismen*), которые считаются общеизвестными и уже не воспринимаются как иностранные слова, хотя по своему произношению и/или написанию они отличаются от отечественных слов. К ним относятся, например, *Computer, Manager, Jeans*.

2) англицизмы в процессе унификации (*Anglizismen im Konventionalisierungsprozess*). Они по-прежнему кажутся многим странными и со временем либо становятся обычными словами, либо исчезают из немецкого употребления. В качестве примера приводятся слова *Factory, Gay* и *Underdog*.

3) Третий тип англицизмов состоит из цитатных слов, собственных имен и тому подобного (*Zitatwörtern, Eigennamen und Ähnlichem*). Эти термины используются только в связи с англоговорящими странами, например, *High School* и *US-Army*.

С. Боман [3, с. 19-20] имеет схожую классификацию, но выделяет четыре типа англицизмов:

1. *Konventionaler Typ*. Под этим термином он понимает общеизвестные англицизмы, которые прочно закреплены в повседневном использовании языка, даже если они часто отличаются по орфографии и фонетике от исходного иностранного языка. Пример: *Computer, Keks, cool, new*.

2. *Dem deutschen Phonem-Graphem-System angepasste Anglizismen*. Регулировка производится при помощи соответствующих немецких префиксов и суффиксов. Особенно часто это происходит с глаголами, например, *gestylt, gemanagt, stoppen*.

3. *Anglizistische Kombinationstypen*. Это английские слова, которые объединяются с немецкими словами, используя дефисы для формирования новых комбинаций. Орфография английских слов обычно остается неизменной, например, *open-air-Knopf*, *stützt-soft Effekt*.

4. *Neue Anglizismen-Typen*. Сюда сходят англицизмы, которые были созданы для специальных рекламных кампаний и до сих пор в основном игнорировались на общем языке, например, *geswachte Uhren*, *Five-pocket-Jeans*.

Из всех классификаций англицизмов, которые мы встречали в процессе работы над теоретическими источниками, наиболее полной и охватывающей большинство указанных выше типов заимствований из английского является классификация У. Буссе [4]. Она включает в себя следующие типы:

1. (Прямое) заимствование (с английского): слово сохраняет орфографию, а также, как правило, и произношение, такие же, как на английском языке. Пример: *Job*.

2. Замещение (на английском языке): в этом случае слово английского языка воспроизводится в соответствии с правилами немецкого языка. Английское слово часто переводится буквально, например *Floodlight* как *Flutlicht*.

3. Замена части (гибридные или смешанные образования): слово является композитой и состоит из немецкой и английской частей. Английское слово фактически переведено только частично: нем. «*Nonstopflug*» от англ. «*non-stop flight*».

4. Псевдоанглицизмы: слово состоит из английских компонентов, но не существует на английском языке: «*Dressman*» означает «манекен мужского пола», «мужчина-модель».

Таким образом, рассмотрев различные подходы к определению понятия «англицизм», а также их классификации, мы остановимся на определении Д. Шютте, которое в свободном изложении гласит, что англицизмы – это заимствованные и функционирующие в языке-реципиенте (немецком) всевозможные элементы лексического и нелексического характера (слова, словосочетания, морфемы), происходящие из различных территориальных вариантов английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кобенко, Ю. В. Языковая ситуация в ФРГ: американизация и экзоглосные тенденции / Ю. В. Кобенко. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2014. – 360 с.
2. Міщенко, А. Л. Адаптація англїцизмів до системи сучасної німецької мови (на матеріалі англїцизмів комп'ютерної галузі

- й технологій) : автореф. дис... канд. філол. наук: 10.02.04 / А. Л. Міщенко; Донецьк. нац. ун-т. – Донецьк, 2009. – 20 с.
3. Bohmann, S. Englische Elemente im Gegenwartsdeutsch der Werbebranche. – Marburg: Tectum Verlag, 1996. – 313 S.
4. Busse, U. Typen von Anglizismen: von der heilago geist bis Extremsparing – aufgezeigt anhand ausgewählter lexikographischer Kategorisierungen / U. Busse. // Stickel G. (Hrsg.) Neues und Fremdes im deutschen Wortschatz: Aktueller lexikalischer Wandel. – Berlin: De Gruyter, 2001. – S. 131-155.
5. Carstensen, B. Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945 / B. Carstensen // Beihefte zum Jahrbuch für Amerikastudien, 13. Heft. – Heidelberg: Springer – Verlag, 1965. – 295 S.
6. Duden. Rechtschreibung [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.duden.de/rechtschreibung/Anglizismus> (датаобращения 02.01.2020).
7. Götzler, Ch. Anglizismen in der Pressesprache. Alte und neue Bundesländer im Vergleich / Ch. Götzler. – Bremen: Hempen Verlag, 2008. – 429 S.
8. Pfitzner, J. Der Anglizismus im Deutschen: Ein Beitrag zur Bestimmung seiner stilistischen Funktion in der heutigen Presse / J. Pfitzner. – Stuttgart: Metzler, 1978. – 254 S.
9. Schütte, D. Das schöne Fremde, Anglo-amerikanische Einflüsse auf die Sprache der deutschen Zeitschriftenwerbung. / D. Schütte. // Studien zur Kommunikationswissenschaft. Band. 16. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. – 383 S.
10. Seebold, E. Etymologie. Eine Einführung am Beispiel der deutschen Sprache / E. Seebold. – München: C.H. Beck Verlag, 1994. – 340 S.
11. Wahrig-Burfeind, R. (Hrsg.) Wahrig Deutsches Wörterbuch. – Gütersloh/München: Wissen Media Verlag GmbH., 2006. – 1728 S.
12. Yang, W. Anglizismen im Deutschen. Am Beispiel des Nachrichtenmagazins Der Spiegel / W. Yang. – Tübingen: Niemeyer Verlag, 1990. – 246 S.
13. Zindler, H. Anglizismen in der deutschen Pressenach 1945 / H. Zindler. – Kiel, 1959. – 267 S.

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е. В. Понятие «англицизм» в немецком языке и его типы

Настоящая статья посвящена описанию различных подходов немецких лингвистов к определению понятия «англицизм», необходимость его разграничения от понятий «британизм» и

«американизм». Также приводятся основные классификации англицизмов, существующих в немецком языке.

Ключевые слова: англицизм, британизм, американизм, классификация англицизмов, типы англицизмов.

SUMMARY

Rochnyak E. V. The notion of the term «Anglicism» in German and its types

This article is centred round the description of various approaches to the notion «Anglicism» in the works of German linguists, the necessity to differentiate between the notions of «Briticism» and «Americanism». The author also gives the main classifications of Anglicisms which are used in the German language.

Key words: Anglicism, Briticism, Americanism, classification of Anglicisms, types of Anglicisms.

*Е. Н. Санченко
(г. Луганск, ЛНР)*

УДК [811.111:811.161.1]'255.4:61

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «HOUSE, M.D.» («ДОКТОР ХАУС»): ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Перевод медицинских аудиовизуальных текстов с английского языка на русский стал особенно востребован в последнее время в связи с появлением большого количества фильмов, сериалов и других телепередач на данную тематику. Растущий спрос на иностранную аудиовизуальную продукцию увеличивает потребность в переводческих стратегиях, способных адекватно передать присущие данным текстам особенности.

Актуальность темы нашего исследования обусловлена возрастающей потребностью качественного перевода аудиовизуального текста медицинской направленности, а также необходимостью изучения английской медицинской терминологии.

Главная трудность, с которой сталкиваются при переводе медицинских аудиовизуальных текстов, это специфика терминологической лексики медицинского характера, а также взаимосвязи этих терминов в аудиовизуальном тексте. Значительную роль при преодолении подобных

сложностей перевода играют разнообразные переводческие трансформации.

Существует много точек зрения относительно определения понятия «термин» и их классификации, поскольку они характеризуют разные стороны понятия «термин». Лингвист И. С. Квитко предлагает собирательное содержание понятия «термин»: «Термин – это слово или словесный комплекс, соотносящиеся с понятием определенной организованной области познания (науки, техники), вступающие в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующие вместе с ними в каждом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» [2].

Целью нашего исследования является определение особенностей перевода лексико-семантических групп медицинской терминологии англоязычного аудиовизуального произведения «House, M.D.» («Доктор Хаус») на русский язык.

Материал исследования – третий, четвертый и пятый сезоны англоязычного аудиовизуального произведения «House, M.D.» («Доктор Хаус»), снятого киностудией Fox Broadcasting Company, и его закадровый перевод на русский язык, выполненный студией перевода и озвучивания «Lost Film» в 2007–2009 годах. Данный американский телесериал представляет собой медицинскую драму, каждый эпизод которого насыщен медицинской терминологией.

Теоретический анализ научных трудов, в которых изучаются теоретические и практические проблемы перевода, особенности и способы перевода медицинской терминологической лексики с английского языка на русский (Д. В. Самойлов, Е. М. Солнцев, Н. Раск, М. Г. Цуцьева, Х. Ли-Янке, В. Н. Комиссаров, В. В. Виноградов и другие), позволяет определить понятие «термин» как слово или словосочетание, которое характеризуется моносемантической, применяемостью в пределах специальной сферы, где общение осуществляется между специалистами с помощью профессионализмов. Данная коммуникация требует владения понятийно-категориальным аппаратом в специальной сфере (в нашем случае это – медицина) и знания соответствующей системы медицинских терминов.

Согласно определению, данного одним из вышеуказанных ученых, Е. М. Солнцева, «медицинская терминология – это система понятий, обозначающих состояния и процессы, протекающие в человеческом организме, болезни и их проявления, методы диагностики, профилактики и лечения

заболеваний, медицинское оборудование, лекарственные средства и другие» [3, с. 132].

Достижения медицины способствуют появлению названий новых способов диагностики и лечения, методов инструментального обследования больных, вариантов оперативных доступов, хирургических операций. Медицинская терминология согласно лексико-семантической классификации представлена в морфологических образованиях и процессах, происходящих в организме человека и различные изменения в его развитии; названий болезней и патологических состояний человека, форм их лечения и признаков (симптомы, синдромы), возбудителей и переносчиков болезней; факторов окружающей среды, влияющих на организм человека; показателей их гигиенического нормирования и оценки; методов диагностики и лечения болезней; оперативных доступов и хирургических операций; аппаратов, приборов, инструментов и других технических устройств, оборудования, мебели медицинского назначения; лекарственных средств, объединенных по своим свойствам; отдельных лекарственных средств, лекарственных растений и т.д. [1].

В ходе исследования нами было выявлено, что среди английских медицинских терминов (методом сплошной выборки было отобрано 367 лексических единиц медицинской терминологии) в англоязычном аудиовизуальном произведении «House, M.D.» («Доктор Хаус») функционируют следующие лексико-семантические группы медицинской терминологии: диагнозы и наименования болезней (17 %), например: *cancer, pneumonia, duodenal ulcer, tuberculosis, carcinoma, benign tumor lipoma, bonetumor, osteogenic sarcoma, thyroid cancer, infectious hepatitis*; состояния и симптомы (15 %), например: *overweight, clot, slow heartbeat, healing process, paraplegic, M. S.*; операции и медицинские процедуры (6 %), например: *round, bygrafts, to stay in isolation, removal of gallstones, admission, biopsy, US, aspiration*; органы и части тела (10%), например: *muscles, trachea, tonsils, scalp, liver, spleen, the main arteries, stomach, neck, lungs*; лекарственные препараты и вещества (12 %), например: *oxygen, glucose, ketamine, corticosteroids, stimulants, medication, Vicodin, local anesthetic, hemostat steroids/steroid hormones*; анализы (12 %), например: *blood chemistry analyses, biopsy, Rh-sensitivitytests, Rhtyping, EMG*; должности, специалисты, врачи и персонал (4 %), например: *physiologist, surgeon, toxicologist, obstetrician, technician, intern, emergency staff, board chairman, nurse, neurologist*; оборудование, аппаратура, инструменты (5 %), например: *syringe, forceps, stretcher, X-raytable, otoscope, stethoscope, hemostat, OI mask*;

помещения и отделения (4 %), например: *clinic, hospital's boardroom, hospital's morgue*; документация (3 %), например: *medical certificate, patient's chart, surgical report, autopsy protocol/form, clipboard*; медицинская одежда (3 %), например: *hospital robes, scrubsuit*; термины-эпонимы (9 %), например: *Alzheimer's disease, Albright's syndrome, Wegener's granulomatosis*.

Таким образом, в англоязычном аудиовизуальном произведении «House, M.D.» («Доктор Хаус») наиболее частотно функционируют медицинские термины группы диагноза и наименования болезней (17 %), а наименее – медицинская одежда (3 %) и документация (3 %).

Вопрос о качественном переводе является особенно актуальным для современного кинематографа. Как недавно согласилось множество переводчиков, перевод происходит не между словами, а между культурами. Текст воспринимается как неотъемлемая часть мира, а не как отдельный образец языка. Следовательно, процесс перевода рассматривается как межкультурный перевод, который определяется степенью престижа исходной и целевой культур, а также их взаимными отношениями. В целом, универсального и общедоступного способа перевода аудиовизуальных произведений не существует. Методы зависят от различных факторов, таких как история, традиция перевода фильмов в данной стране, различные факторы, связанные с аудиторией, тип фильма, который будет показан, а также доступные финансовые ресурсы. Первостепенное значение имеют и взаимоотношения между исходной и целевой культурами, поскольку это также окажет глубокое влияние на процесс перевода [5]. Переводчик при работе с текстом аудиовизуального произведения занимается чем-то совершенно отличающимся от семантического перекодирования текста оригинала, ограниченного только рамками языка. Переводчик должен понимать специфику аудиовизуального произведения для того, чтобы не допустить возможных ошибок при переводе данного вида текста.

Результаты анализа закадрового перевода медицинской терминологии англоязычного аудиовизуального произведения «House, M.D.» («Доктор Хаус») на русский язык демонстрирует тот факт, что авторы русскоязычного варианта используют целый комплекс переводческих трансформаций: лексические, лексико-семантические, грамматические и лексико-грамматические.

Установлено, что переводчики оперируют следующими переводческими трансформациями (согласно классификации В. Н. Комиссарова):

– лексическими (58 %), а именно: транслитерацией, транскрибированием, калькированием;

- лексико-семантическими (11 %), а именно: конкретизацией, генерализацией, модуляцией;
- грамматическими (16 %), а именно: грамматической заменой, синтаксическим уподоблением;
- лексико-грамматическими (15 %), а именно: экспликацией, компрессией, антонимическим переводом.

Было выявлено, что чаще всего используются лексические трансформации, т.к. множество медицинских терминов, таких как названия болезней или внутренних процессов организма, заимствованы из латинского или греческого языков. Поскольку они являются интернациональными, их передача с одного языка на другой обычно осуществляется методом лексической трансформации.

Так, например, методом транслитерации был выполнен перевод медицинского термина *Loa loa filariasis* – Филяриозис Лоа Лоа. Медицинский словарь поясняет термин *Loa loa filariasis* как «*a skin and eye disease caused by the nematode worm Loa loa. Humans contract this disease through the bite of a deer fly or mango fly (Chrysops spp), the vectors for Loa loa*» [4]. Авторы русскоязычного варианта используют лексическую переводческую трансформацию – транслитерацию – с последующим изменением порядка слов.

Транслитерацией переведена англоязычная аббревиатура *EKG* (*EKG showed arrhythmia. Probably just a mild heart attack.* – На ЭКГ аритмия. Возможно, легкий сердечный приступ.), которая расшифровывается как *electrocardiogram*. Переводчик выбрал данную лексическую переводческую трансформацию и воссоздал англоязычную аббревиатуру посредством русских букв – ЭКГ (электрокардиограмма) с целью сохранения хронометража адаптированного перевода реплики к оригиналу аудиовизуального произведения и дальнейшего отсутствия временных погрешностей в наложении озвучки на оригинальную звуковую дорожку.

Транскрибирование как лексическая переводческая трансформация успешно было использовано для перевода на русский язык, например, таких названий болезней как *schizophrenia* (*The schizophrenia started when he was a teenager. When he was in college.* – Шизофрения началась в подростковом возрасте, когда он пошел в колледж) и *syphilis* (*How about telling me why I was hallucinating? Syphilis could explain the hallucination.* – Теперь ответьте, почему я галлюцинировал. Сифилис объясняет галлюцинации).

Лексико-семантическими трансформациями переводчики также оперировали в тексте перевода на русский язык. Так, например, зафиксировано применение конкретизации в

следующем фрагменте: *You've sustained a traumatic injury to your brain stem which has cut off your brain's ability to communicate with the rest of your body. You still have movement in your eyes. So we can get you to a rehab where they can teach you how to communicate.* – У вас сильно поврежден ствол мозга, отчего мозг не может больше контролировать тело. Но раз вы можете моргать, мы направим вас в реабилитационный центр, где вас научат общаться. Англоязычный термин *a rehab* используется в разговорной речи; это сокращение от слова *rehabilitation*. В данном примере речь идет о пациенте с травмой головного мозга, из-за которой он не может управлять телом, т.е. ему необходима реабилитация в специализированном месте. Автор русскоязычного варианта применил прием конкретизации, заменив слово исходного языка с более широким значением (*a rehab* – реабилитация) на более узкое – реабилитационный центр, поскольку доктор говорит конкретно о месте, а не о процессе реабилитации в целом.

В определенных случаях оправданным было использование приема модуляции, который является единственным способом для адекватной передачи смысла с исходного языка на язык перевода. Приведем пример: *Hypoplastic left heart syndrome.* – Гипоплазия левых отделов сердца. В данном предложении англоязычный термин *heart* на русский язык передан как отдел сердца. Прием модуляции переводчиком выбран целесообразно, поскольку дословный перевод фразы *left heart* как левое сердце является недопустимым. Переводчик использовал прием модуляции для того, чтобы не исказить изначальный смысл фразы оригинала *left heart*.

Среди грамматических трансформаций в частотности лидирует грамматическая замена. Так, например, фраза *you're delusional* из англоязычного оригинала (*There's only two good reasons not to be terrified in a hospital. You're delusional*) переведена на русский язык с использованием вышеуказанной переводческой трансформации (Не пугаться в больнице можно лишь по двум причинам. Либо вы бредите). Английская лексическая единица *delusional* переводится на русский язык как бредовый и является именем прилагательным. Переводчик заменил англоязычное прилагательное *delusional* русским глаголом бредить, который по содержательной части совпадает и звучит корректно в данном случае, поскольку у пациента наблюдаются галлюцинации вследствие принятия наркотиков.

Наименее частотные способы перевода медицинской терминологии в анализируемом аудиовизуальном произведении – лексико-грамматические.

Антонимическим приемом перевода авторы русскоязычного варианта не злоупотребляли. Так, например, результаты анализа языкового материала в переводческом аспекте фиксируют его использование в следующем примере: *You are not baby doctor, so you have to make your own decisions.* – Ты опытный врач, поэтому ты должен принимать собственные решения. Термин *baby doctor* в данном случае относится к категории медицинского сленга и означает *doctors in training*, т.е. специалист, который проходит обучение. На русском языке перевод фразы *you are not baby doctor* дословно с элементами описательного перевода может звучать как *ты не доктор, который проходит обучение*. Подобный перевод не только звучит неестественно, но и не подходит для дальнейшего озвучивания аудиовизуального произведения, поскольку реплика на языке перевода была бы гораздо длиннее оригинала. Поэтому переводчик применил прием антонимического перевода, сделав акцент на наличии опыта, а не на его отсутствие.

Таким образом, основная задача переводчика при переводе аудиовизуального произведения заключается в создании адекватного перевода, необходимости избежать переводческих потерь средством поиска лексических замен, эквивалентных и адекватных по смыслу соответствий, учитывая при этом хронометраж диалогов, заданный оригинальной дорожкой. К тому же, переводчик должен сохранить речевой портрет героев, максимально точно передать особенности характера и речи персонажей для того, чтобы создать эмоциональный фон адаптированного перевода, что и в оригинале. Следует использовать переводческие трансформации в качестве переводческого решения. Кроме этого, необходимо избегать любых недопониманий или неверного восприятия со стороны зрителя, вызванных разницей культур и недостатком фоновых знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А. С. Проблемы становления и унификации научной терминологии / А. С. Герд // Вопросы языкознания. – 2009. – №1. – С. 83–88.
2. Квитко И. С. Термин в научном документе [Электронный ресурс] / И. С. Квитко. – Львов: Вища школа, 1976. – 128 с. – Режим доступа: <http://padaread.com/?book=30514&pg=1>
3. Солнцев Е. М. Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов // Е. М. Солнцев. – Вестник МГЛУ, 2010. – № 9. – С. 131–141.
4. Medical Dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/>

5. Szarkowska A. The power of film translation [Электронный ресурс] / A. Szarkowska // Translation journal. – 2005. – Vol. 9 – № 2. – Режим доступа: <https://translationjournal.net/journal/32film.htm>

АННОТАЦИЯ

Санченко Е. Н. Лексико-семантические группы медицинской терминологии в англоязычном аудиовизуальном произведении «House, M.D.» («Доктор Хаус»): переводческий аспект

Автор статьи рассматривает особенности перевода медицинской терминологии, которая играет важную роль в современном культурном измерении. Медицинские термины были проанализированы в лексико-семантическом аспекте. Проведен анализ медицинских лексем в русском языке и в английском языке в аспекте перевода.

Ключевые слова: термин, медицинский, перевод, терминология, англоязычная картина мира, русскоязычная картина мира, переводческая трансформация.

SUMMARY

Sanchenko E. N. Lexical and semantic groups of medical terminology in the English audiovisual work “House, M.D.”: translation aspect

The author of the article considers the peculiarities of translation of medical terminology that plays an important role in the contemporary cultural space. Medical terms were analyzed in the lexical and semantic aspect. The translation analysis of medical lexical units in Russian and in English was made.

Key words: term, medical, translation, terminology, English-language picture of the world, the Russian-language picture of the world, a translation transformation.

В. А. Филатова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.111-26

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ДНЕВНИКА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Дневник как жанр представляет интерес не только для литературоведов, историков литературы, культурологов, но и для лингвистов.

Детская литература классифицируется по широкому спектру жанров, среди которых выделяют: книжку с картинками, традиционную литературу, поэзию, современную фантастику, научную литературу, современную реалистическую художественную литературу, биографию и историческую художественную литературу. В «Энциклопедии детской литературы» Питера Ханта (1996 и 2004 годов изданий), одном из наиболее подробных исследований, нет раздела, посвящённого дневнику как жанру детской литературы. Это говорит о том, что дневник в современной детской литературе – явление относительно новое. Однако в современном мире малочитающих детей книги в формате дневника вызывают интерес и пользуются спросом.

Цель нашей статьи – рассмотреть языковые особенности дневника как жанра в современной американской детской литературе.

Дневник принято определять как форму повествования, которая ведётся от первого лица в виде ежедневных записей [4, с. 707]. Современные исследователи дневниковой прозы отмечают, что дневник может обходиться без датировки, в нём могут быть указаны не только временные, но и пространственные (географические) даты или «двойная ориентация во времени», т.е. указывается момент, когда происходило событие и время его фиксации автором [2, с. 12-14].

Несмотря на существование нескольких разновидностей дневника как жанра во взрослой литературе (собственно дневник, дневник писателя, не предназначавшийся для опубликования, и литературное произведение в форме дневника), их роднят следующие признаки: синхронность, дискретность и автокоммуникативность. Выводы и суждения в дневнике могут нести предварительный характер и быть опровергнутыми дальнейшими событиями. Таким образом, повествование в дневнике – это монолог (эмоциональный, как правило), представленный в разных грамматических временах.

Все эти признаки можно найти в циклах книг, написанных в форме дневника, современных американских детских писателей Джеффа Кинни «Дневник Слабака» (“Diary of a Wimpy Kid”), Рейчел Рене Рассел «Дневник Никки» (“Dork Diaries”) и Мариссы Моусс (“Amelia’s Notebook”, на русский язык книга не переведена).

В современном цифровом мире детская книга, как бы это ни печально звучало, вынуждена конкурировать с гаджетами. Своей яркостью, многообразием предоставляемой информации, доступностью электронные устройства вытесняют интерес к бумажным изданиям, и бороться за читательское внимание теперь приходится не только книжным издателям, но и писателям.

Для того чтобы привлечь внимание читателей, в перечисленных сериях книг употреблены шрифты, отличные от обычных книжных шрифтов, и используется неравномерный интерлиньяж (расстояние между строками текста). «Дневники» представляют собой разлинованные в крупную линейку книги с полями. Издания могут быть как в твёрдой, так и в мягкой обложке, которые напоминают настоящий блокнот обычного ученика американской средней школы. Записные книжки Амелии по размеру подобны обычной ученической тетради, нумерация страниц в них отсутствует. Визуальность – фактор, вызывающий внимание и интерес, желание прочесть и познакомиться с автором дневника.

Насколько это типично, привычно, нормально или естественно вести дневник для американского школьника, можно понять из названия книг.

Перевод заголовка книги Д. Кинни передаёт лексическое значение оригинального названия. Просторечное слово «слабак» употребляется для пренебрежительного описания физически слабого или слабовольного, малодушного человека. “Wimpy” в переводе с английского означает «малодушный», «бесхарактерный». Таким образом, “wimpy kid” – это «бесхарактерный, малодушный ребёнок».

В оригинальное название книги Рейчел Рене Рассел (“Dork Diaries”) включена оценочная характеристика автора дневника. В разговорном варианте американского английского языка словом “dork” называют чудаковатого человека, который характеризуется странным поведением или имеет неординарный набор интересов. В переводе («Дневник Никки») акцент сделан на жанр книги, а не на личностные характеристики автора. Чтобы компенсировать смысловую потерю, в аннотациях к книге поясняется, что дневник ведёт девочка Никки, неудачница с большой буквы.

Таким образом, уже в самом названии авторы двух дневников характеризуются как нетипичные подростки. С одной стороны, они будут заниматься «непопулярным» в среде подростков занятием – вести дневник, но с другой – их необычность должна обратить на себя внимание и вызвать интерес читателей.

Книги трёх писателей начинаются с пояснения, что такое дневник и почему его ведут. В первом предложении Грег Хеффли («Дневник слабака») разграничивает понятия «журнал» и «дневник» (*“First of all, I want to get some thing straight: this is JOURNAL, not a diary”* [5, с. 1]), поясняет, что идея вести дневник и записывать туда свои чувства принадлежит его маме (*“The other thing I want to clear up right away is how this was NOT my idea, it was Mom’s”* [5, с. 1]). Вести дневник его побудило две причины. Во-первых, он освобождался от выполнения одной домашней обязанности в субботу [5, с. 2], и, во-вторых, он планировал отдать дневник журналистам, когда вырастет и станет богатым и знаменитым [5, с. 3].

Неудачнице Никки («Дневник Никки») дневник также подарила мама вместо мобильного телефона, ожидаемого ею подарка. В самом начале книги она утверждает, что только абсолютно глупый человек в наши дни может записывать свои чувства и переживания в дневник, т.к. если эти же чувства и переживания разместить в своём блоге, то их прочитают миллионы людей. Это, по её мнению, и есть настоящее общение. (*“Only a TOTAL DORK would be caught writing in a DIARY”, “What I NEED is to be able to “communicate” my “thoughts and feelings” to my friends using my very own cell phone”, “You’re supposed to post this kind of juicy stuff online on your BLOG so MILLIONS can read it!!!!...”* [8]).

Амелия, героиня книг Мариссы Мосс, получила тетрадь от мамы в день переезда из их старого дома, чтобы записывать свои мысли и чувствовать себя лучше. (*“My mum just gave me this notebook. She said it would make me feel better to write down my thoughts”* [7, с. 1]). В отличие от героя Джеффа Кинни, возраст которого не изменяется уже в течение многих лет и вышедших одиннадцати книг, Амелия – девочка, которая взрослеет. Свои первые заметки она сделала в начальной школе (*elementary school*), в последующих книгах она уже достигает возраста средней школы (*middle school*).

Как уже было сказано выше, за читательское внимание вынуждены бороться не только издатели, но и сами авторы. Детская литература по своей сути является очень интересным явлением. Детские книги пишут взрослые, которые, в некотором смысле, обнаружили способ восстать против взросления и

пытаются вспомнить, что значит чувствовать, как ребёнок, говорить, мыслить и писать, как это делают школьники.

Джефф Кинни – программист, разработчик игр для детей, карикатурист и детский писатель. Рейчел Рене Рассел – практикующий юрист и автор серии детских книг. Марисса Мосс – автор и иллюстратор книг для детей.

Перечисленные серии представляют собой текст и комикс (рисунки) вперемешку. В книгах Д. Кинни текст и комиксы дополняют и продолжают друг друга на уровне предложения и на уровне абзаца. Имя главного героя книги Д. Кинни, например, впервые упоминается в комиксе, который можно рассматривать как вторую часть предложения. Свою первую книгу Д. Кинни писал восемь лет. «Главная трудность, – признаётся он, – заключалась в том, чтобы поместить себя в голову ребенка» [1]. Четыре года он пытался вспомнить, что значит – «мыслить как в средней школе» и ещё четыре года «просто писал» [1]. Соавторами книг Р. Рассел можно назвать её дочь Никки Рассел и Лизл Адамс, которые помогают ей делать иллюстрации к книгам [3, с. 302]. В отличие от книг Д. Кинни, в «Дневниках Никки» иллюстрации второстепенны, они подчинены тексту. Несмотря на то, что рисунки образно поддерживают и усиливают текст, общее содержание без них не изменится. Рисунки в книге Мариссы Мосс – это цветные (не чёрно-белые) «зарисовки на память».

Стиль комиксов «Дневника слабака» сложился под влиянием стиля Чарльза Шульца, придумавшего Чарли Брауна и Снупи и Мэтта Грейнинга, автора «Симпсонов» [1]. «Дневник Никки» дополняют рисунки-скетчи и картинки в японском стиле манга. В записной книжке героини Мариссы Мосс кроме цветных рисунков и картинок есть наброски, «каракули» (*doodle*). Как определяет их сама Амелия – «зарисовки на полях» (*doodles in the margins*). Современным русскоязычным подросткам понятны не совсем красиво звучащие слова «дудл», «дудлы», «дидлинг», «дудлер» без перевода. Стиль бессознательного рисования набирает популярность, технике рисования простых фигурок обучают на просторах интернета.

«Дневники» Д. Кинни и Р. Рассел структурно воспроизводят дневник «взрослых», в них помечается день, месяц и дата. Например, первая запись в «Дневнике слабака» датирована вторником, 7-го сентября (*Tuesday, September 7th*), в «Дневнике Никки» – это суббота, 31 августа (*Saturday, August 31*). В записной книжке Амелии даты не выделяются, но сама писательница говорит, что её книга в форме дневника и ей нравится этот формат, так как он позволяет ей исследовать мир глазами ребенка [5].

Кроме необычного шрифта, внутри предложения могут быть выделены слова или слово, которое в таком случае пишется заглавными буквами. Акцент может быть сделан на любую часть речи. Например, внимание может быть обращено на:

- существительное: “*And I have a constitutional right to PRIVACY, which they keep invading*” [9, с. 21];
- глагол: “*I would absolutely DIE if anyone saw his van and found out I only attend this school due to his bug extermination contract!*” [9, с. 29];
- прилагательное: “*But it only took him about three seconds to give me a NEW nickname*” [5, с. 193];
- наречие: “*But the main reason I like going to the dentist is because I am TOTALLY in love with the hygienist who works there, Rachel*” [5, с. 88];
- местоимение: “*The other boys didn’t seem too worried about THEIR grades, judging by what happened after class let out*” [5, с. 99];
- числительное: “*Anyway, I have a feeling we’ll be back next year for Uncle Gary’s FIFTH wedding*” [5, с. 208];
- артикль: “*She is THE most popular girl in the eighth grade*” [9, с. 24].

В «Дневниках Никки» Р. Рассел могут быть выделены несколько слов, которые принадлежат:

- к одной части речи: “*SHE actually accused ME of taking her sandwich!*” [9, с. 16];
- к разным частям речи:
“*Don’t you need a LICENSE to be that UCLY?*” [9, с. 31] / “*Which also proves my theory that there’s ALWAYS at least ONE seriously mentally ill WEIRDO in EVERY middle school across America!*” [9, с. 24].

Для того чтобы подчеркнуть важность информации для автора дневника, большими (заглавными) буквами может быть написано целое предложение или абзац [9, с. 48-49]. Изменение в восприятии событий также может передаваться при помощи шрифта – по мере возрастания эмоций буквы увеличиваются в размере [9, с. 79].

В «Дневнике слабака» Д. Кинни чаще всего выделяются наречия (*totally, exactly, really, especially*). В записной книжке Амелии слова могут быть не только выделены шрифтом, но и подчеркнуты.

Использование одного типа предложений делает письменную речь трудной для понимания, монотонной и скучной. Для того чтобы сделать её оживлённой, вызывающей интерес и привлекающей внимание читающего, необходимо использовать предложения различных структур.

В английском языке четыре типа предложений: простое (simple), сложносочиненное предложение (compound sentence), сложноподчиненное предложение (complex sentence), смешанный тип сложного предложения (complex-compound sentence).

Проиллюстрируем разноструктурные предложения примерами из книг Джеффа Кинни (1) и Рейчел Рене Рассел (2).

Для простого предложения характерно наличие одного подлежащего и одного сказуемого и завершённость высказывания.

- 1) *He just rushed into these relationships too quickly* [5, с. 36].
- 2) *At first I was dazed and confused* [9, с. 119].

Сложносочиненные предложения состоят из двух (или более) независимых друг от друга частей, которые могут быть соединены между собой сочинительными союзами.

- 1) *I put the deodorant on my dresser, but I tossed the book in the trash* [5, с. 51].
- 2) *But I just said it inside my head, so no one else heard it but me* [9, с. 23].

Части сложноподчиненного предложения неравноправны: зависимая часть теряет смысл без главной и не может существовать отдельно. Соединяться между собой части могут при помощи подчинительных союзов. В свою очередь, сложноподчинённые предложения делятся на подвиды, в зависимости от того, какой член предложения они поясняют.

- 1) *I was happy to hear that, because now I can stop checking my bed for pantyhose socks* [5, с. 169].
- 2) *Suddenly I had a very creepy sensation that someone was watching me* [9, с. 113].

Предложения смешанного типа могут состоять из нескольких независимых и нескольких подчинительных частей.

- 1) *Apparently, they’d been trying to call their kids to make sure everything was OK, but the kids weren’t answering, because MR Tanner took everyone’s mobile phones* [5, с. 165].
- 2) *Anyway, Brianna went to the fridge to get a juice box, and I gathered my stuff and was about to head out the door, when suddenly she came charging at me like an angry baby rhinoceros in pigtails* [9, с. 16].

В «Дневниках Никки» Рейчел Рене Рассел употребляются предложения разных типов, но чаще всего информация передаётся при помощи простых распространённых предложений:

- “*We agreed to meet in one hour at a place called the Mad Hatter Tea Shop*” [9, с. 143].
- “*Soon my English teacher came staggering into the class, carrying a massive four-inch-thick book*” [9, с. 37].

Для «Дневников слабака» Джеффа Кинни характерно употребление сложносоставных конструкций:

“Bryce is basically the Jordan Jury of my grade, and he’s got a bunch of cronies who are always going along with everything he says” [5, с. 11].

“The teacher said that you never know who’s going to offer you a cigarette, and that it could even be your best friend” [5, с. 20].

Дневник – это монолог, языковым выражением которого является повествование от первого лица. Записи в дневник могут заноситься сразу после произошедших событий, в них могут фиксировать свои размышления или предположения. Соответственно, в дневнике могут быть задействованы три временных пласта и выражаться при помощи различных грамматических времён:

1) прошедшее время – фиксация, описание, переосмысление событий (*Past Simple, Past Continuous*):

“In English class, I slouched down in my chair and tried to hide behind my textbook” [9, с. 37].

“I was really looking forward to volunteering ...” [9, с. 21].

Для указания на временной промежуток характерно частое употребление слов *“today / tonight / yesterday”*:

“Today I was reading the comics in the newspaper, and I saw an ad that caught my attention” [5, с. 22].

“Tonight Mom called a “house meeting” [5, с. 52].

“Yesterday he actually asked ME to be his lab partner for biology class! ... And today I had a sneaking suspicion Brandon was going to “pop the question” about the Halloween dance” [9, с. 5].

“Today when I got home from school Isabella was in the family room watching a talk show” [5, с. 121].

2) настоящее (*Present Simple* – для описания чувств, эмоций, состояний):

“And, believe me, I’m not jealous or anything” [5, с. 171].

“I think it’s time for me to have a very serious talk with my mom and dad about their parenting skills” [9, с. 19].

Настоящее время, которое используется для характеристики рутинных событий, употребляется в дневниках, как правило, со словами: *“every day”, “always”, “usually”*:

“We meet there every day to walk together to the gym class” [8].

“No matter how bad I’m feeling, they always manage to make me laugh and lift my spirits” [9, с. 54].

“Usually, I have really bad luck when it comes to previous book owners” [5, с. 9].

(*Present Continuous* – запись синхронна происходящим событиям):

“I can’t believe I overslept! AGAIN! Now I’m probably going to be late for school! ... Anyway, now I have less than three minutes to shower, shampoo, brush, dress, pack, eat, gloss, and GO!” [9, с. 1].

“Anyway, I’m in the bathroom, trying desperately to wipe all the stains off my sweater” [9, с. 33].

“Today is the first day of school and right now we’re just waiting around for the teacher to hurry up and finish the cheating chart” [8].

3) будущее (*Future Simple*) для предвосхищения событий, прогнозов:

“Mom won’t let me post photos on the computer anyway, because of “privacy” and all that” [5, с. 16].

“Isabella doesn’t come back until Thursday, so I guess I’ll have to wait until then to take another crack at it” [5, с. 124].

Монолог не предполагает употребление прямой речи. В «Дневниках Никки» речевое общение персонажей передаётся в форме диалога, что идёт в разрез с жанром дневника. Предложения с прямой речью употребляются для передачи слов автора дневника (*“I just glared at her and calmly answered, “I got my sweater from a STORE. You know, where YOU buy stuff, like your HAIR and your TAN”* [9, с. 26]) и других лиц (*“I didn’t take your clock. Miss Penelope did! She thinks you need all the BEAUTY SLEEP you can get! Have you looked in the mirror lately?” Briana said, sticking her tongue out at me”* [9, с. 12]).

Как правило, в дневниках автор пересказывает общий смысл беседы, используя непрямую речь, как это сделано в «Дневниках слабака». Для того чтобы передать разговор, употребляются выражения типа: *“He / She said”* или *“He / She told me”*. Например: *“Mom told him that nowadays employers look up the people they’re thinking of hiring and that the pictures are probably hurting his chances”* [5, с. 16] / *“Mum said Isabella was working today and that if there was an emergency I could go to her”* [5, с. 167] / *“In fact, Dad said that same candy was there when HE was a little kid”* [5, с. 202]. Особенности речевой манеры собеседника, при этом, могут быть подмечены и переданы в комиксе.

Среди языковых характеристик монолога можно назвать употребление фраз для привлечения внимания (*“To be honest with you”* [5, с. 1]), обращений (*“Well, I can tell you that most of the boys in my class were not on board with that decision”* [5, с. 46]), риторических вопросов (*“You know how some people leave notes for themselves when they need to remember something?”* [5, с. 69]).

Таким образом, композиционно дневники, написанные от лица школьников в американской детской литературе, соответствуют жанру дневника. В них присутствует датировка, повествование ведётся от первого лица в разных грамматических

временах, записи синхронны описываемым событиям. Употребление прямой речи хоть и расходится с правилами жанра, но не портит его, так как это, прежде всего, художественные произведения, написанные взрослыми авторами для детей. Основной особенностью можно назвать употребление рисунков, скетчей, комиксов, дудлов, которые сосуществуют с текстом, становятся его частью, дополняют его, продолжают, включают характеристики персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автор «Дневника слабака» Джефф Кинни об экранизациях, видеоиграх и своей любимой группе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://daily.afisha.ru/brain/7117-ob-ekranizaciyah-videoigrah-i-svoey-lyubimoy-gruppe/>
2. Михеев, М. Дневник как эго-текст (Россия, XIX – XX) / Михаил Михеев. – М. : Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
3. Рассел, Р. Р. Дневник Никки. Мне не позавидуешь / Рейчел Рене Рассел [пер. с англ. М. Д. Лахути]. – Москва : Эксмо, 2016. – 304 с.
4. Чудакова, М. О. Дневник / М. О. Чудакова // Краткая литературная энциклопедия : В 9 т. – М. : Сов. энцикл., 1962 – 1978. – Т. 2 : Гаврилюк – Зюльфигар Ширвани, 1964. – Стб. 707 – 708.
5. Kinney, J. Diary of a Wimpy Kid. The Ugly Truth / Jeff Kinney. – Puffin Book, 2010. – 234 p.
6. Moss, Marissa. Author-illustrator [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.marissamoss.com/abouttheauthor.php>
7. Moss, M. Amelia's Notebook / Marissa Moss. – Simon and Schuster, 2011. – 40 p.
8. Russell, R. R. Dork Diaries. Tales from a Not So Fabulous Life [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.scribd.com/read/224253121/Dork-Diaries-1-Tales-from-a-Not-So-Fabulous-Life>
9. Russell, R. R. Dork Diaries. Once upon a Dork / Rachel Renee Russell. – Simon and Schuster, 2014. – 308 p.

АННОТАЦИЯ

Филатова В. А. Языковые особенности жанра дневника в современной американской детской литературе

В статье исследованы композиционные, грамматические, синтаксические и стилистические средства и приемы в циклах книг современных американских детских писателей Джеффа Кинни «Дневник Слабака», Рейчел Рене Рассел «Дневник

Никки» и Мариссы Мосс, написанных в форме дневника. Автор статьи анализирует приёмы, которые используют писатели для привлечения внимания детской читательской аудитории, и доказывает, что в современных книгах иллюстрации становятся частью печатного текста.

Ключевые слова: дневник, жанр, языковые особенности, иллюстрации.

SUMMARY

Filatova V. A. Language features of diary genre in modern American children's literature

The article deals with compositional, grammatical, syntactic and stylistic devices in the series of books written in a diary format by contemporary American children's authors Jeff Kinney "Diary of a Wimpy Kid", Rachel Renee Russell "Dork Diaries" and Marissa Moss "Amelia's Notebook". The author of the article analyzes the techniques that book writers use to attract attention of children's readers, and proves that in modern books illustrations are tied closely to the text.

Key words: diary, genre, language peculiarities, illustrations.

*В. В. Фефелова
(г. Горловка, ДНР),
М. В. Паниж
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1:39:659(045)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ТЕКСТАХ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Этнолингвистика занимается исследованием связей между языковыми и культурными явлениями. Такое понимание этнолингвистики подразумевает разнородные, часто противоречивые, внутренние течения. Согласно определению этнолингвистического словаря славянских древностей, этнолингвистика представляет собой широкую исследовательскую область междисциплинарного характера с довольно неопределёнными границами [7, с. 8]. В этнолингвистике выделяются две основные позиции: представители первой стремятся постигать культуру через язык, сторонники второй ставят перед собой задачу изучать языковые сообщения в культурном контексте. Отсюда следует, что одно

крыло этнолингвистики приближается по своему предмету и целям исследования к этнологии и занимается исследованиями функционирования языка как одной из культурных подсистем, способной поставлять необходимую информацию [6, с. 103]. Другое направление, оставаясь одним из разделов языкознания, ставит перед собой задачу разработать общую теорию языковой коммуникации в рамках конкретной культуры в целом и связана с социо- и психолингвистикой [1, с. 71].

Этнолингвистика как научное направление, соединяющее в себе лингвистику и этнологию, зародилась в начале XX века в США, хотя истоки её подходов усматривают уже в трудах Гердера и В. Гумбольдта, а в России Ф. Буслаева, А. Афанасьева и А. Потебни. Начало этнолингвистики обычно связывается с именем Боаса, совершившего своего рода теоретико-методологический переворот в этнологии [3, с. 101]. Боас признавал общую бессознательную природу языковых процессов, культурных категорий и явлений, но считал, что лингвокультурные элементы иногда подвергаются вторичной рационализации, которая затрудняет изучение процесса их образования. В этом плане лингвистика, рассматривающая культурологические явления, никогда не становившиеся предметом отдельного анализа, обещает значительно больше с точки зрения изучения истории развития языковых категорий. Боас считал, что лингвистические методы должны быть использованы и в этнологии.

Предпосылки этнолингвистических подходов, имевшиеся в трудах Боаса, были теоретически развиты в работах его ученика Сепира. Впрочем, в разные периоды деятельности Сепир занимал различные позиции относительно отношений «язык-культура». В частности, в своем знаменитом трактате «Язык» он выразительно отделяет друг от друга язык и культуру, а последнюю определял еще вполне традиционно-антропологически как социально унаследованную совокупность практик и верований, детерминирующую структуру повседневной жизни человека. Культура для него – это то, что общество делает, и то, о чем оно думает. Язык же, как совокупное искусство мышления является источником сведений о том, «как» общество мыслит. Но причинно-следственной связи между ними Сепир еще не видел [5, с. 65].

Однако, точно ясно, что культура тесно связана с языком, потому что люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, но в значительной степени они находятся и во власти конкретного языка, который стал средством выражения культуры определенного этноса. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу,

без помощи языка и, что язык всего лишь случайное средство решения специфических задач мышления и коммуникации, это иллюзия. В действительности «реальный мир» неосознанно строится на основе языковых привычек той или иной группы. Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством одной и той же социальной действительности. Миры, в которых живут различные общества это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него «ярлыками» [2, с. 62].

Популярным является тезис о том, что человеческое познание мира полностью определено языком: даже «сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем» [9, с. 83]. Из этого следует, что люди говорящие на принципиально различных по грамматическому строю языках, видят мир абсолютно по-разному, поэтому так важно при составлении рекламного туристического проспекта ориентироваться на культуру и язык интернет-пользователя, потому что они взаимосвязаны друг с другом.

Ещё одной версией, с антропологической точки зрения, было утверждение о существовании стольких миров на земле, сколько есть языков. То есть член данного общества не только кодифицирует чувственно воспринимаемую действительность при помощи использования языка и характерного для его культуры поведения, соотношенного с образцами, но он только тогда в состоянии понять действительность, когда она представлена ему посредством этого кода [8, с. 17].

Большинство позднейших этнолингвистов выдвигали тезис о языке как путеводителе в «социальной действительности» [10, с. 117]. Язык понимался ими, вслед за Сепиром, как наиболее красноречивая иллюстрация того, каким образом языковая система знаков (лексических, грамматических) детерминирует способы постижения природного и социального мира, тип человеческого мышления. Исследователи старались найти параллели в оформлении мыслительных процессов, носителей конкретной культуры и определенной системы в рамках используемого ими языка, а затем передавали отражение обнаруженных способов концептуализации мира в культурно значимой деятельности. Итогом должно быть описание обусловленного характером языка «образа» данной культуры или отдельных её сфер. Несопоставимость семантики культурных концептов разных традиций объяснялась различностью соответствующих языковых коммуникантов. Последние определяют, с точки зрения

этнолингвистов, основания семантики (понятия, суждения), которыми, в свою очередь, оформляются внеязыковые сферы культуры. Содержание культурных коммуникаций изначально имплицитно содержится в «шаблонах речи», а образ мира носителей конкретной культуры сводится к языку, диктату которого они бессознательно подчиняются.

В проведенном исследовании анализируются рекламные интернет-тексты, предлагающие туристические поездки по разным странам мира. Семантика рекламных сообщений включает специфические этнокультурные черты, позволяющие почерпнуть информацию об истории, традициях, культурном наследии разных народов.

Этнический туризм часто называют также этнографическим, так как этнография – это «наука о народе», основным предметом которой является изучение народов мира, их духовной и материальной культур, их исторического развития [4, с. 217]. Путешественник, занимающийся этнотуризмом, непосредственно знакомится с этими особенностями и в определенной мере изучает их. Этнический туризм позволяет узнать о традициях и культуре различных этносов. Еще одной особенностью этнического туризма является, возможность больше узнать о своих корнях и традициях.

К культурному наследию народа относятся материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, важные для сохранения и развития самобытности. Культурно-исторические традиции предопределяют смысл существования как отдельного человека так и всех народов мира, их вклада в мировую цивилизацию. Рассмотрим пример:

(1) *Envolez-vous pour un séjour au Portugal inoubliable au rythme du fado et, découvrez les 8 meilleures destinations à visiter ainsi que divers conseils pratiques pour bien préparer votre escapade, grâce à notre guide de voyage.*

Pourquoi aller au Portugal?

Rivalisant de beauté et de dynamisme, les deux grandes villes du Portugal, Lisbonne et Porto dévoilent à leurs visiteurs un paysage urbain tout en contraste, à la fois respectueux du passé et manifestant la volonté de créer l'avenir. Ainsi, dans la capitale, on se laisse autant charmer par les rues anciennes du quartier de l'Alfama, berceau du fado, que par la modernité du parc des Nations. Porto quant à elle séduit à travers la grandeur historique de la Tour des Clercs et la contemporanéité de la Casa da Música. Nous avons sélectionné pour vous les plus beaux hôtels à des prix exclusifs afin que vous puissiez profiter de l'ambiance propre à

chaque ville. Chaque hôtel bénéficie d'un cadre raffiné et d'une situation privilégiée (<https://www.voyage-prive.com/offres/voyage-au-portugal>).

Процитированный текст рекламы мы рассматриваем как этнографический объект, содержащий информацию об истории и традициях Португалии. Предлагается путешествие в историко-культурное наследие этой страны: прогулки по старинным улицам квартала Альфама в Лиссабоне, где зародился национальный танец фадю. Второй по величине и значимости в стране город Порто привлекает величественной старинной башней Деклерк и современным палацем Казадемюзика. В тексте рекламы топонимы и экзотизмы характеризуют культуру Португалии в сочетании её оригинальных и специфических форм. К таким формам относятся материальные и духовные ценности, историко-культурные памятники и традиции (танец фадю).

Если говорить о туристической рекламе, то именно культура, этнос и национальный колорит является основной причиной, из-за которой рекламодатели добавляют фразы и слова на языке рекламируемой страны.

Одной из функций заимствования является создание национального колорита. Эта функция осуществляет именование неповторимых особенностей быта той или иной страны. Не имея аналогов в других культурах, предметы сохраняют своё название, существующее в языке народа, использующего их.

Однако, не только слова могут оставаться на языке рекламируемой страны. Рекламодатели все чаще употребляют словосочетания и целые фразы, при условии, что они будут маленькими и простыми. Объясняется это тем, что если франкоязычный человек не поймет её, да и вряд ли будет переводить, то именно эта фраза позволит ярче ощутить колорит страны и народа, говорящего на этом языке.

Отметим положительное влияние заимствованных фраз в современных рекламных текстах. Оно состоит в том, что использование иностранных фраз часто более выразительное, чем родная лексика. Фразы-заимствования могут передать гораздо больше и при этом дадут краткость рекламному сообщению. Декоративная функция фраз-клише заключается в том, что многие из иноязычных фраз украшают рекламное сообщение, делая его более экспрессивным и интересным, и читатель, видя фразу на языке той страны, которую он хочет посетить, подсознательно почувствует атмосферу данной поездки. Например:

(2) *Lorsque l'on vous parle du Costa Rica, tout se pare de vert soudainement autour de vous. Vous sentez la chaleur vous picoter l'épiderme et des rythmes endiablés aux paroles espagnoles se*

déchaîner dans votre tête. N'est-ce pas? Dans la jungle à la nature luxuriante, des animaux tropicaux y coulent des jours paisibles et se donnent parfois en spectacle pour le plus grand plaisir des voyageurs. Oiseaux multicolores, grenouilles vert flashy et reptiles fascinants: tous contribuent à cette biodiversité incroyable qui fait la renommée du pays.

Ne vous fiez pas à sa petite taille. S'il correspond à environ 1/10ème de la France, le Costa Rica est doté d'une économie prospère et d'une qualité de vie très agréable. Nous ne manquons pas de superlatifs pour le qualifier: il est l'état le plus développé d'Amérique latine, possède le taux d'alphabétisation le plus élevé et l'espérance de vie la plus longue.

Surnommé «la suisse d'Amérique Latine», il a su rester de marbre face aux politiques tumultueuses de ses voisins et a ainsi contribué à la propagation de la paix dans cette région. Un pays fascinant qui cultive encore aujourd'hui une harmonie à toute épreuve. 12 heures de vol suffisent pour vous rendre là où la vie y est plus verte que verte. A votre descente d'avion, les habitants vous crieront en cœur leur expression favorite: «Pura Vida», tout va bien! (<https://www.artrotters.com/destinations/>).

В данном рекламном сообщении мы видим девиз Коста-Рики «Pura Vida» на испанском языке это ответ на вопрос «Как дела?», значит «Все хорошо». Они выбрали этот девиз по той причине, что эта фраза тесно связана с колоритом и природными достопримечательностями страны, Коста-Рика страна двух океанов, более чем 100 вулканов, огромного числа животных и растений, вкуснейшего кофе, всегда хорошей погоды, счастливой жизни, добрых и гостеприимных людей. Само название Коста-Рика с испанского означает «богатый берег». Этот пример хорошо иллюстрирует колорит и гостеприимство народа, заключенные в одну единственную фразу.

Таким образом, этнолингвистические черты является неотъемлемой частью создания туристического рекламного сообщения, потому что они помогают передать социально-культурную специфику определенной страны и определенного этноса. С точки зрения этнолингвистики во франкоязычной туристической рекламе культура отдельно взятого народа выражается через язык. Слова-реалии, топонимы, непереводимые фразы-клише выступают в анализируемых текстах как единицы, представляющие необходимую информацию о культурном коде отдельно взятого этноса.

Анализ туристических проспектов, рекламирующих разные культурные традиции, свидетельствует о том, что языковые знаки отражают «свое» видение окружающей действительности

в отдельно взятом культурном сообществе. Содержание этнокультурных смыслов отображено в шаблонах речи на лексическом, грамматическом и стилистическом уровнях.

В основе рекламного сообщения находится описание национальных характеристик определенного этноса. Путешественник посещает ту или иную страну для того, чтобы познакомиться с культурой, народом и традициями, то есть окунуться в среду другого народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ареальные исследования в языкознании и этнографии. (Язык и этнос). – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1983. – 250 с.
2. Герд, А. С. Введение в этнолингвистику : Учеб. пособие / А. С. Герд. – СПб. : Языковой центр, 1995. – 92 с.
3. Кабакова, Г. И. Французская этнолингвистика: проблематика и методология / Г. И. Кабакова // Вопр. языкознания. – 1993. – № 6. – С. 100–113.
4. Кружалин, В. И. География туризма : учебник / В. И. Кружалин, Н. С. Мироненко, Н. В. Зигерн-Корн, Н. В. Шабалина. – М. : Федеральное агентство по туризму, 2014. – 336 с.
5. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс : Изд. группа «Универс», 1993. – 656 с.
6. Хаймз, Д. Х. Общение как этнолингвистич. проблема (Осн. направления в амер. этнолингвистике) / Д. Х. Хаймз // Вопр. языкознания. – 1965. – № 2. – С. 102–105.
7. Этнолингвистический словарь славянских древностей. – М. : Акад. наук. СССР; Ин-т славяноведения и балканистики, 1984. – 172 с.
8. Hoenigswald, H. A Proposal for the Study of Folk Linguistics / H. Hoenigswald // Sociolinguistics : Proc. of the UCLA socioling. conf., 1964. – Paris, 1966. – P. 16–21.
9. Kroebe, A. L'Anthropology. Race, Language, Culture, Prehistory / A. Kroebe. – New York : Harcourt, Brace, 1948. – 856 p.
10. Miller R. L. The Linguistics Relativity Principle and Humboldtian Ethnolinguistics. The Hague / R. L. Miller. – P. : Mouton, 1968. – 127 с.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В. В., Папиж М. В. Средства выражения этнокультурных особенностей в текстах франкоязычной туристической рекламы

В статье рассматриваются этнолингвистические черты, которые являются неотъемлемой частью рекламного сообщения. Во франкоязычной туристической рекламе, чтобы отобразить

этнокультурные особенности и национальный колорит, текст пестрит словами и фразами на языке рекламируемой страны. Такие иноязычные включения называют неповторимые особенности быта, которые не имеют аналогов в других культурах. Слова-реалии, топонимы, неперебиваемые фразы-клише выступают в качестве языковых единиц, предоставляющих необходимую информацию о культурном коде определённого этноса. Анализ туристических проспектов, рекламирующих разные культурные традиции, свидетельствует о том, что языковые знаки отражают «свое» видение окружающей действительности в отдельно взятом культурном сообществе.

Ключевые слова: туристическая интернет-реклама, языковые / неязыковые средства выражения, массовая коммуникация, полиаспектный анализ рекламных текстов.

SUMMARY

Fefelova V. V., Papizh M. V. Means of expression of ethno-cultural features in the texts of French-speaking tourist advertisement

Ethno-cultural features are an integral part of the texts of French-speaking tourist advertising. To display the national colour, the text is full of words and phrases in the language of the advertised country. Such foreign-language inclusions name unique life features that have no analogues in other cultures. Realistic words, toponyms, untranslatable speech patterns act as language units that provide the necessary information about the cultural code of a particular ethnic group. The analysis of tourist brochures advertising different cultural traditions suggests that language signs reflect «their» vision of the surrounding reality in a single cultural community.

Key words: tourist online advertisement, linguistic / non-linguistic means of expression, mass communication, multidimensional analysis of advertising texts.

УДК 81'25

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Перевод имён собственных вызывает особый интерес языковедов и переводчиков. Их передача на русский язык является сложной и многогранной проблемой. С ней связаны различные недоразумения и ошибки. Проблема заключается в том, что желание сохранить за объектом уникальное имя предполагает целый ряд задач. Но эти задачи сложно реализовать в полной мере из-за определённых ограничений.

Имена собственные образуют текстовую ткань произведения, прочно связанную с сюжетом повествования, а также помогают при создании определённого образа.

Изучением имён собственных занимается особый раздел языкознания и лингвистики – ономастика. Имена собственные употребляются в самых различных функциональных стилях, отсюда и наличие широкого спектра определений понятия «имя собственное».

Актуальность данного исследования заключается в важности адекватного перевода антропонимов в художественной литературе для правильного восприятия читателем и погружения в мир, созданный автором. Кроме реальных имен собственных, словарные эквиваленты которых имеются в языке перевода, существуют также имена вымышленные, при работе с которыми переводчику необходимо самостоятельно принимать решения о выборе адекватного способа перевода.

Объектом исследования является система реальных и вымышленных имен собственных английского языка в художественной литературе 19-20 века.

Предметом исследования являются лингвистические особенности и способы передачи значений имен собственных в коротких рассказах английских и американских авторов (на материале коротких рассказах О. Генри и Уильяма Сомерсета Моэма).

Целью исследования является анализ лингвистических особенностей и определение способов перевода антропонимов.

Основной проблемой перевода антропонимов в художественной литературе является недостаточно глубокое

изучение этимологии вымышленных антропонимов и отсутствие их классификации на основании данного признака, что усложняет работу переводчиков.

Имена собственные играют особую роль в художественных произведениях. Антропонимы представляют собой неотъемлемые элементы произведения, слагаемые стиля писателя. Также имена собственные являются одним из средств, которые создают художественный образ. Они могут обладать заметной смысловой нагрузкой и скрытым ассоциативным фоном, иметь своеобразный звуковой облик. Затрагивая функционально-смысловое соответствие, отметим, что в идеале оценочная характеристика содержания внутренней формы антропонимов должна соответствовать смыслу внутренней формы наименования при переводе.

Зачастую невозможно подобрать стандартное универсальное решение проблемы передачи вымышленных антропонимов, так как их воссоздание «всегда связано с творческим поиском, выдумкой и изобретательностью переводчиков, которые могут найти десятки новых оригинальных решений» [4, с. 145]. В случае, когда не удалось найти адекватное решение, А.А. Реформатский предлагает использование метода транскрибирования «говорящего наименования» и предоставление примечания переводчика, как это можно встретить в случае перевода каламбуров и игры слов. В то время как А. Агро считает, что «подобные сноски – это капитуляция, они свидетельствуют о неспособности справиться с задачей» [1, с. 298].

Основным способом перевода имен собственных является переводческая трансформация. Ее можно разделить на лексическую, грамматическую и смешанную. Многими исследователями-лингвистами выделяется собственная классификация переводческих приемов. Однако хорошо известные, общепринятые трансформации, такие как транскрипция, транслитерация, транспозиция, калькирование, комплексная трансформация [2, 3].

Для проведения анализа были выбраны англоязычные короткие рассказы известного американского автора О. Генри и английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма, так как в коротких рассказах наблюдается частотность и разнообразие употреблений имен собственных.

Имена собственные можно разделить на реально существующие и вымышленные. Первая группа уже имеет эквиваленты в языке перевода.

Значительный интерес с точки зрения этимологии и раскрытия смысловой составляющей в художественном произведении

представляют вымышленные, семантически «нагруженные» имена собственные:

Albert Edward Foreman – Алберт Эдвард Форман. (“The verger”, W. Somerset Maugham). Этимология имени собственного указывает присутствие не только лидерских качеств у главного героя, способность привлекать не только прихожан, но и умение предвидеть, вести дела. (Fore – передний).

Bateman Hunter – Бэйтман Хантер. (“The Fall of Edward Barnard”, W. Somerset Maugham). Фамилия Хантер в переводе означает «охотник». ‘Bate’ – гнев, ярость.

Colonel Goodhart – полковник Гудхарт. (“Gigolo and the Gigolette”, W. Somerset Maugham) Можно перевести как полковник Душка, Добросердечный (good+ –heart).

George Hobhouse – Джордж Хобхаус. (“Louise”, W. Somerset Maugham). В контексте произведения имя принадлежит персонажу, который обещал заботиться о главной героине и о их доме, стать как фундаментом, так и стенами благополучной семейной жизни (‘hob’ – плита, ‘house’ – дом).

Mrs Skinner – Миссис Скиннер. (“Before the Party”, W. Somerset Maugham). Фамилия является характеристикой внешности персонажа, «тощая пожилая дама».

Anthony Rockwall (“Mammon and the Archer” О. Генри). – Энтони Рокволл. В контексте произведения фамилия принадлежит успешному бизнесмену, с сильной волей и верой в могущество денег. Если разделить фамилию на составные части ‘rock’ – камень и ‘wall’ – стена, получаем описание характера персонажа.

Baldy Woods – Бэлди Вудз. (“Hearts and Crosses”, О. Henry). В контексте произведения имя принадлежит глуповатому персонажу: имя – «балда», фамилия – «дерево», что в совокупности означает «тупой, как дерево».

Soapy – Сопи. (“The Cop and the Anthem”, О. Henry) В дословном переводе означает «мыльный», что является частичной характеристикой персонажа – «меланхоличный, мечтательный». Однако не стоит забывать о переводе слова ‘soapy’ как умильный, притворный в обращении. Главному герою пришлось немало притворяться и изощряться.

По структуре английские антропонимы делятся на простые и составные. Простые состоят из одного элемента; составные – из двух или трех. В художественном тексте автор обыгрывает имя, используя как имена простые, так и сложные.

Однако стоит заметить, что переводчики избегают калькирования всего имени собственного или его части, а прибегают к транскрипции и транслитерации, за счет чего

невозможно передать весь смысл оригинального «говорящего имени» читателям. Это можно пояснить попыткой избежать нелепости имени при переводе, т.к. зачастую антропонимы многокомпонентные по своей структуре (*Bateman Hunter, Baldy Woods*), либо содержат две основы (*Fore+man, Good+hart*).

Авторы художественных текстов при использовании имен прецедентных для придания имени колорита используют некую трансформацию или производную форму от реально существующих европейских имён. Деривация антропонимов является одним из способов создания уникальных имен и фамилий, которые становятся «именами говорящими»: *Mait+land, Rock+wall, Max+well, Bate+man Hunter*.

Анализ способов передачи значений антропонимов показал, что транскрибирование имен собственных – наиболее используемая формальная лексическая трансформация (*Braque* – Брак, *La Fontaine* – Лафонтен, *Mackintosh* – Макинтош, *Smith* – Смит). Довольно часто переводчики прибегают к транслитерации (*Chaplin* – Чаплин, *Edward Barnard* – Эдвард Барнард, *Clara* – Клара, *Della* – Делла, *Jim* – Джим).

Комплексная трансформация, где составные части одного имени собственного переведены с использованием различных способов перевода, используется зачастую в сложных именах: *Max Kelada* – Макс Келада (при переводе имени использовано транскрибирование, а при переводе фамилии – транслитерация), *Neil MacAdam* – Нил МакАдам (при переводе имени – транслитерация, а при переводе фамилии транскрибирование).

Транспозиция (этимологическое соответствие) заключается в том, что в разных языках антропонимы, различающиеся по форме, имеют общее лингвистическое происхождение, а значит имеют общепринятые соответствия: *Peter* – Пётр, *Brutus* – Брут, *Caesar* – Цезарь.

В качестве примера частичного калькирования приведем антропоним *Jack Frost* из рассказа О. Генри “The Cop and the Anthem”: *Jack Frost* – Дед Мороз (*A dead leaf fell in Soapy's lap. That was Jack Frost's card* – Желтый лист упал на колени Сони. То была визитная карточка Деда Мороза).

Перевод имён собственных является достаточно непростой задачей. Переводчикам нужно уделять внимание абсолютно всем аспектам: этимологическим, культурным, социальным при выборе необходимого способа перевода имён собственных, чтобы передать русскому читателю тот смысл, который был заложен в них автором в оригинале.

Перевод имен собственных с английского языка на русский предполагает не только словарные и энциклопедические

знания, но и зачастую, изучение этимологии и семантического значения наименований. Анализ способов передачи значений антропонимов и топонимов показал, что транскрибирование и транслитерация наиболее частотны.

В статье рассмотрены следующие способы передачи значений антропонимов: транскрипция, транслитерация, комплексная трансформация (или смешанный перевод), транспозиция.

Таким образом, анализ показал, что специалисты предпочитают использовать транскрипцию и транслитерацию при передаче значений имен собственных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арго, А. Факты и выводы // Мастерство перевода / А. Арго. – М.: 1959. – 298 с.
2. Казакова, Т. А. Практические основы перевода: Изучаем иностранные языки / Т. А. Казакова. – СПб.: «Издательство Союз», 2001. – 320 с.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение : курс лекций / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 1999. – 192 с.
4. Суперанская, А. В. Имя через века и страны [Текст] / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1967 – 192 с.

АННОТАЦИЯ

Фомина С. Б. Функционирование имен собственных в англоязычных художественных текстах и способы передачи значений на русский язык

Статья посвящена проблеме функционирования имен собственных в коротких рассказах О. Генри и Уильяма Сомерсета Моэма. Художественная модель имени собственного представлена как составляющая художественной картины мира.

Рассмотрена проблема адекватной передачи антропонимов как универсальной функционально-семантической категории. Проанализированы способы передачи значений антропонимов с английского языка на русский.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, переводческие трансформации, способы передачи значений.

SUMMARY

Fomina S. B. Functioning of proper names in English-language literature and techniques of transmitting the meaning into Russian

The article is devoted to the problem of proper names functioning in short stories written by O. Henry and William Somerset Maugham. The artistic model of the proper name is presented as a component of

the artistic mapping of the world. The problem of adequate translation of anthroponyms as a universal functional and semantic category is observed. Translation strategies from English into Russian are analyzed.

Key words: proper name, anthroponym, translation techniques, ways of conveying meanings.

Л. А. Штакина
(г. Горловка, ДНР)

УДК 811.111:81'37:81'342.9(045)

СЕМАНТИКО-ВРЕМЕННАЯ РИТМИЗАЦИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА

Современные лингвистические исследования ориентированы на изучение особенностей функционирования языковой системы в различных регистрах коммуникации. Одной из актуальных проблем в этом направлении является ритмизация авторского замысла в контексте художественного дискурса. Ритм художественного произведения – одна из наиболее интересных и, вместе с тем, наименее разработанных проблем современной лингвистики. Несомненным является тот факт, что ритм – это важный фактор, который разъясняет специфику художественной речи и является неотъемлемым условием художественной целостности. По мнению профессора Гиршмана М.М., ритм в художественном дискурсе пронизывает все уровни произведения и находит свое материальное воплощение в каждом из них с помощью различных языковых средств [1].

Сложная, многоаспектная семиотическая модель художественной коммуникации, включающая автора, читателя и художественное произведение в качестве основных составляющих, становится в последние десятилетия объектом пристального внимания исследователей. Использование различных теоретических подходов к изучению художественного творения способствует его всестороннему познанию, что, несомненно, обогащает наши представления о дискурсе как особом лингвистическом феномене.

Существенную роль в актуализации иррационального подтекстового содержания играет ритм – регулярное повторение сходных и соизмеримых языковых единиц, выполняющих структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функции [1, с. 416].

Средства ритмизации художественного дискурса могут быть различными. Они имеют свободный, нерегулярный характер и никогда не превращаются в единообразную, стандартную метрическую схему. Ритмический рисунок художественной прозы произволен. Он отражает механизм порождения оригинального высказывания из стандартных строевых элементов индивидуального кода воплощения авторской идеи. Выход за рамки обыденности, ординарности в использовании языковых средств – это не признак обычной коммуникации, когда идет обмен информацией. Это свидетельство прагматической направленности дискурса, возможности выявления глубинных свойств языковой личности автора, обусловленных его мировидением.

Объектом нашего исследования является озвученная англоязычная версия романа Дж. Р. Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно». В рамках этой публикации представлены первичные результаты наших наблюдений, касающиеся семантико-временной ритмизации художественного замысла.

Семантический ритм, как один из пластов ритмизации авторского замысла, непосредственно коррелирует с планом содержания художественного произведения, что позволяет читателю каждый раз активизировать в своем сознании смысловую связность. В свою очередь, чередование лексических единиц может отражать изменение физического или психологического состояния героев и вместе с этим символизировать ритм вербализации сюжета.

Система образов, являющаяся основной составляющей художественного дискурса, маркируется, в частности, на лексико-семантическом уровне. Так, образы героев литературного произведения могут быть отмечены особыми лексическими средствами выразительности, которые с той или иной периодичностью появляются для характеристики персонажа. В рассматриваемой нами повести, к примеру, для создания персонажа Бильбо Бэггинса употребляется исключительно определение *poor*, а образ Торина маркируется как *great, mighty, haughty*. Кроме того, создавая полноценные образы, автор использует наименования оружия как средство выразительности. Например, для образа Торина используется лексическая единица *sword*, в то время как для персонажей гномов – единицы *dagger, hammer, spear*.

Затрагивая проблему анализа лексико-семантического уровня произведения, невозможно не упомянуть один из главных параметров лексико-семантической структуры языка, а именно, сему. Рассматривая язык как уровневую иерархию,

в которой каждый вышележащий уровень представляет собой сферу функционального выхода единиц нижележащего уровня, мы можем рассматривать сему как минимальный компонент семантического ритма, поскольку повтор сем в соседних морфемах есть сходство отношений, повторяющихся через равные промежутки пространственно-временного континуума. Являясь минимальным строительным элементом смысла, сема проявляется на всех уровнях языка и принимает участие в процессе номинации, входит в состав более крупных блоков. Сема, как предельно малая односторонняя единица языка, имеющая значение, но при этом не имеющая формы, не ощущается в речи, однако входит обязательным смысловым компонентом в другие языковые единицы: морфему и лексико-семантический вариант слова, представляющий слово в его конкретном значении в отдельном конкретном тексте. Как утверждает в своих исследованиях профессор Гумовская Г.Н., сема имеет следующие свойства: элементарность, одноплановость, универсальность, объективность. Семантический ритм представляет собой периодическое повторение морфем, семный состав которых представлен лишь признаковыми семами, характерен для передачи объективной, содержательно-функциональной информации [2, с. 52].

В нашем понимании, ритм подчинен смыслу, поэтому фрагменты одного дискурса могут быть организованы по разным ритмическим моделям, которые соответствуют характеру изменяющегося смысла. При этом, ритмические единицы, сохраняя общую структурную схожесть, имеют индивидуальные качества. Исходя из этого, можно выделить две ритмические модели организации высказывания: ассимилятивный ритм (такой ритм, при котором ритмические единицы организованы в соответствии с нормой) и диссимилятивный ритм (ритм, при котором отклонение от нормативного способа организации ритмических единиц вызывает его функциональный сбой).

В первом случае семы отражают предметно логические признаки понятий. Такая модель ритма характерна для фрагментов дискурса, содержащих объективную информацию, то есть сообщение о событиях в окружающем мире, действительном или воображаемом. Эта информация выражена вербально, она эксплицитна по своей природе и рассматривается как бытийная информация. К примеру, в отрывке из романа «Хоббит, или Туда и обратно», можно наблюдать следующий случай ассимилятивного ритма:

Then he felt for his pouch, and there was some tobacco in it, and that was something more [4, с. 27].

В приведенном примере семантически значимые единицы – морфемы – сцепляются друг с другом за счет общих сем: *then, pocket, in it, there was*.

Then it went mad and leaped and danced and flung out its legs in horrible jerks, until he killed it with another stroke; and then he fell down and remembered nothing more for a long while [4, с. 60].

В этом примере общими семами выступают *it-mad, leaped-dance-flung, jerks, kill-stroke, fell-remember-nothing-long-while*.

При соединении морфем обоих видов, образуются новые лексические единства, обозначающие изменение объема понятия (его величину, силу, длительность, протяженность, различие, сходство):

But it was too late, the excited dwarves had wasted their last arrows, and now the bows that Beorn had given them were absolutely useless [4, с. 57].

They were lost in a completely lightless dark and they could not even find one another, not for a long time at any rate [4, с. 59].

He knew that something unexpected might happen, and he hardly dared to hope that they would pass without fearful adventure over those great tall mountains [4, с. 22].

Приведенные примеры указывают на степень выраженности признака: полноту его представления (*completely, absolutely*) или недостаточность (*hardly*).

Согласно Г.Н. Гумовской, вкрапление инородных морфем количественного типа в канву повествования приводит к изменению характера ритма произведения. Это изменение определяется как модуляция [2, с. 123]. Приведем некоторые примеры, характеризующие усилительную модуляцию семантического ритма, которая была вызвана путём добавления усилительных сем. Отметим, что усилительная сема может сама составлять значение слова и содержаться как в корневой, так и в аффиксальной морфеме:

Extraordinary, overshadow, overgrown, undercut, undersized, undervalue.

В составе слов указанные морфемы выделяются главным ударением [ɪk'strɔːdnri] или второстепенным [ˌəʊvə'ʃædɒ], [ˌəʊvə'grəʊn], [ˌʌndə'kʌt], [ˌʌndə'saɪzd], [ˌʌndə'væljuː].

В пределах синтагмы выделенные морфемы являются единицами сегментного ассимилятивного ритма с семантико-усилительной модуляцией:

Tales and adventures sprouted up all over the place wherever he went, in the most extraordinary fashion [4, с. 2].

That turned the conversation, and they all began discussing dragon-slayings historical, dubious, and mythical, and the various sorts of stabs and jabs and undercut [4, с. 88].

Сема интенсивности может составлять значение не только аффиксальной морфемы, но и входить компонентом в состав семемы корневой морфемы. Аффиксальная морфема как мельчайшая единица языка, обладающая значением, также имеет определенное содержание, которое конкретизируется в словах или их сочетаниях. Содержание, которое заложено в аффиксальных морфемах, является значительно более того общего и абстрактного характера, чем в корневых морфемах. Формальная незаконченность, специфическая для морфем, отражается на её потенциальной возможности передавать информацию. Среди аффиксальных морфем наибольший интерес представляют словообразовательные морфемы, которые, помимо обладания большей, чем словоизменительной выразительностью, являются ещё и единственным видом аффиксальных морфем, способных влиять на характер семантического ритма. Содержащие подобные морфемы лексические единицы являются имплицитными интенсификаторами, поскольку интенсивность признака выражена в них синтетически:

*The most **dreadful** of all Bilbo's experiences, and the one which at the time he **hated** most* [4, с. 108]

*It would have made only a **tiny** pocket-knife for a troll, but it was as good as a short sword for the hobbit* [4, с. 17].

Кроме того, достаточно частотным явлением становится семантико-усилительная модуляция ритма, которую создают морфемы, принадлежащие к разным словам, одна из которых своим значением усиливает признак, содержащийся в другой. Это явление представляет собой расчленённую номинацию, в которой сема интенсивности сама составляет значение слова и выполняет исключительно квалификативную функцию. Лексические единицы такого типа называются эксплицитными усилителями или экземплификаторами. В их состав входят преимущественно прилагательные и наречия:

*All this went on for what seemed to the hobbit ages upon ages; and he was always hungry, for they were **extremely careful** with their provisions* [4, с. 55].

*Some were barrels **really empty**, some were tubs neatly packed with a dwarf each* [4, с. 71].

Интенсификаторы этого типа присоединяются к прилагательным или глаголам, обозначающим признак или действие и включающим оценочную сему, отражающую соответствие обозначенного понятия некоторой общепринятой норме, поскольку только оценочная семантика может рассматриваться в ракурсе интенсификации.

Ритмическая организация дискурса может быть представлена как в плане выражения, так и в плане содержания. В первом случае ритмическая система появляется в виде просодической воспроизводимости ряда расположенных в линейной последовательности единиц как фонетического (сегментного и суперсегментного), так и других языковых уровней. Во втором случае ритмическая структура определяется внутренними связями литературного произведения. Но на уровне только одного вида понять содержательность и выразительность ритма невозможно. Ритм выразителен в целом, в сочетании и соотношении всех его видов, он сопоставляет явления подобные и противоположные, относящиеся к области логического и эмоционального, материального и духовного. Ритм становится одним из композиционных средств, с помощью которого осуществляются эмоционально-смысловые сопоставления и повышается семантическая ёмкость художественного произведения.

Сложное переплетение объективных и субъективных моментов в каждом речевом акте предопределяет многоплановость содержательной структуры пропозиции, актуализатором которой является высказывание с базовыми значениями номинативного и предикативного аспектов, отражающих сложнейшую гамму дополнительных оттенков, определяемых конкретными контекстуальными условиями. При этом не последним фактором в данной ситуации оказываются социальные и личностные характеристики как отправителя информации, так и её получателя. Значительная доля указанных дополнительных значений является скрытой, той, что имплицитруется контекстом. Именно она и составляет невидимый и неслышимый подтекст.

Ритм как способ структурной организации материи находит свое проявление в синтаксисе, ассоциируясь с движением и основываясь на повторях аналогичных синтаксических элементов и отношений, на закономерностях их следования. Правомерность изучения способов организации синтаксических построений как элементов художественного произведения подчинена общей задаче творческого, образного отражения действительности, потому что ритм представляет собой устойчивую основу, которая и делает разнообразие ритмически определенным.

Принятое в филологии утверждение о том, что в художественном произведении наблюдается иерархия ритмов различных уровней, вхождение одного ритмического ряда в другой, позволяет утверждать, что синтаксический уровень

аккумулирует в себе приращение смыслов, полученных на нижележащих уровнях, и в плане языковых средств является вершиной ритмической иерархии, которая опирается на композицию с её не только языковыми, но и логическими построениями.

Любая структурно-смысловая единица может стать ритмической, если её повторение будет сходным и соизмеримым. При этом сходство речевых единиц определяется, в основном, акцентно-мелодическим компонентом, а их соизмеримость – временным компонентом. Сходство мелодических контуров и их временная соизмеримость определяются реципиентом, поскольку мозг человека воспринимает не абсолютное, а относительное изменение сигналов. В случае рассмотрения ритма как периодичности возврата некоторого явления (в данном конкретном случае – сходных и соизмеримых единиц), мы можем утверждать, что эффект ритмичности дискурса создается за счёт явления повтора на синтаксическом уровне, при этом ритм выполняет организующую функцию.

Следует отметить, что синтаксис дискурса строится на основе двух типов отношений: противопоставлении соседствующих, неэквивалентных элементов, и на противопоставлении повторяющихся эквивалентных элементов. С этих позиций субъект и предикат как базовый комплекс пропозиции противопоставлены по их функциональному статусу. Они образуют ядро пропозиции и регулярно повторяются в каждом смысловом отрезке дискурса. Это и выделяет пропозицию как ритмическую единицу синтаксиса. Считаем важным также отметить, что пропозиция как единица синтаксического ритма маркируется на просодическом уровне. Так, паузация отражает временной ритм, маркируя границы между смысловыми квантами с определенным акцентным рельефом.

Наблюдение за функционированием пропозиции в качестве ритмической единицы синтаксиса приводит к выделению синтаксического ритма в двух его разновидностях: ритма ассимилятивного, который характеризуется регулярным повтором пропозиции, содержащей ядро со строго фиксированным расположением составляющих его элементов в последовательности «субъект–предикат» в начальном положении пропозиции, и ритма диссимилятивного, который осуществляется как движением пропозиции с нарушением периодичности, именно «предикат–субъект», а также при избыточности или недостаточности составляющих элементов как ядра, так и самой пропозиции.

Ассимилятивным синтаксическим ритмом характеризуются неэмфатические (нейтральные) фрагменты высказывания, актуализаторы одной или нескольких пропозиций, или отрезки дискурса, в которых заключена фактуальная информация. Так или иначе – ритм всегда связан со смыслом:

He thought of himself frying bacon and eggs in his own kitchen at home – for he could feel inside that it was high time for some meal or other; but that only made him miserabler [4, с. 27].

При диссимилятивном синтаксическом ритме наблюдается функциональный сбой, имеющий семантическую специфику в виде приращения смысла. Диссимилятивным синтаксическим ритмом характеризуются те участки вербального контекста, которые содержат эмфатические актуализаторы пропозиции, выражающие авторскую позицию и передающие эстетическую информацию:

For goblins eat horses and ponies and donkeys (and other much more dreadful things), and they are always hungry [4, с. 24].

Эстетические намерения автора диктуют конкретный способ синтаксической организации высказывания. Различные способы построения пропозиции, а также упорядоченность их движения внутри диктемы отражается разными типами синтаксического ритма. Синтаксический ассимилятивный ритм маркирует те отрезки дискурса, которые передают фактуальную информацию и являются стилистически нейтральными. Построение пропозиции как синтаксических ритмических единиц осуществляется в соответствии с грамматической валентностью и языковой нормой. Синтаксический ритм с функциональным сбоем передает активизацию семантики высказывания в диктемах, содержащих эмфатические конструкции или преобразования. Активизация семантики высказывания осуществляется определенными способами построения синтаксических единиц, к числу которых относятся инверсия, избыточность или недостаточность компонентов пропозиции.

В нашем понимании, ритм обеспечивает стабильный режим функционирования дискурса как суперсистемы, в основе которой лежит многоуровневая ритмическая стратификация.

Общие структурные принципы художественного дискурса (целостность и мерность) характеризуются такими понятиями как пропорция, гармония, симметрия и ритм. Ритм как важный эстетический фактор непосредственно выявляет специфику художественной речи в целом и является неотъемлемым условием любой художественной целостности.

Ритм так же рассматривается в неразрывной связи с процессом восприятия. Согласно этой точке зрения, ритм

чистой упорядоченности является нейтральным. Поскольку однотипностью своих элементов такой ритм «усыпляет» наше восприятие, оно имеет возможность быстро адаптироваться к ритмическому монотону, что непосредственно коррелирует со смыслом авторского изложения. В нашем понимании, ритм прозы становится носителем высоких, перцептивно значимых ритмических реалий.

Современный этап развития лингвистической науки доказал существенное влияние средств супraseгментного уровня языка на корректное просодическое оформление связной речи. При этом особое внимание уделяется изучению просодических техник маркирования жанровых характеристик дискурса и его компонентов, что позволяет выяснить системные связи между семантическими, прагматическими и стилистическими дескрипторами. Поэтому вопрос просодической связности озвученного дискурса является составляющей частью этой проблемы.

Сложность этой проблемы заключается в том, что её решение требует применения системного подхода, на почве которого возможно выявление сложных взаимосвязей между логическим и эмоциональным началами сознания говорящего, которые обеспечивают реализацию связности озвученного дискурса.

Наши первичные наблюдения, касающиеся ритмизации нарративных и дискриптивных блоков упомянутого художественного произведения, дают возможность утверждать, что синтаксические образования кумулятивного типа являются специфическими топикальными циклами смыслового развёртывания, которым присущ определенный ритм объединения базовых предикативных шагов (предложений) в ходе вербализации ментальных моделей творческого замысла.

Фонетический ритм – это иерархически упорядоченный комплекс, который отражает специфические особенности перцептивной и акустической структурированности вербального контекста в разных жанрах языкового творчества.

Целью аудитивного анализа авторской составляющей обозначенного художественного дискурса было определение перцептивных характеристик просодической актуализации нарративных блоков, которые отражают суперсинтаксическую специфику литературного произведения.

Обращение к информационно-смысловой структуре художественного дискурса с учетом семантико-временного квантирования вербального контекста способствует определению жанровой специфики и создает условия для изучения механизма делимитации озвученного художественного дискурса.

Исследование временной организации дискурса прогнозирует выявление приоритетных признаков паузации как составляющей темпоральной подсистемы просодии. По нашему мнению, паузация коррелирует с семантическим развёртыванием информационно-смыслового поля и отражает риторически адекватную репрезентацию фактового содержания.

Наши наблюдения наводят на мысль о том, что построение дискурса определенной жанровой специфики происходит по направлению от семантических структур к структурам просодического комплекса, что даёт возможность констатировать доминирующую роль семантики, которая обуславливает жанровый инвариант временной партитуры смыслового квантирования.

По нашему мнению, паузацию дискурса следует рассматривать как трёхуровневую иерархию, которая синхронизирует интрафразовый и межфразовый фонационный перерыв в пределах суперпропозиции как топикального цикла и между топикальными циклами в озвученной модели художественного дискурса.

В ходе аудитивного анализа предусматривалось установление специфики паузации вербального контекста и выделение фонофраз и фоносинтагм с учетом длительности физической паузы, сигнализирующей фонационный перерыв в пределах суперпропозиции. Длительность пауз на перцептивном уровне определяется как сверхкороткая (*brief* – *b*), короткая (*unit* – *u*), средняя (*double* – *d*) согласно классификации профессора Дубовского Ю.А. [3].

Корпус экспериментально-фонетического исследования составляет озвученная версия вышеуказанного художественного произведения. Перцептивные характеристики проанализированных суперпропозиций были сопоставлены с оцифрованными характеристиками на акустическом уровне с помощью компьютерной программы *Wavesurfer 1.8.3*.

Как было отмечено ранее, ритм, будучи сквозным явлением, проявляется на всех уровнях дискурса. Паузальные характеристики рассмотренных ранее образцов дискурса были проанализированы с учетом ассимилятивного и диссимилятивного ритмов.

Например (ассимилятивный ритм):

*Then he felt for his pouch **u** and there was some tobacco in it **u** and that was something **b** more* [4, с. 27].

*Then it went mad and leaped **b** and danced **b** and flung out its legs in horrible jerks **u** until he killed it with another stroke **d** and then he fell down and remembered nothing more for a long while* [4, с. 60].

Следующий пример вербального контекста иллюстрирует диссимилятивный ритм:

He could not think what to do d nor could he think what had happened d or why had he been left behind d or why u if he had been left behind u the goblins had not caught him d or even why his head was so sore [4, с. 27].

He did not u of course u expect that anyone would remember that it was he b who discovered all by himself the dragon's weak spot d and that was just as well u for no one ever did [4, с. 83].

Таблица 1

Тип ритма	Типы физических пауз		
	<i>Brief</i>	<i>Unit</i>	<i>Double</i>
Ассимилятивный	42.8%	42.8%	14.2%
Диссимилятивный	9.2%	45.4%	45.4%

Из полученных данных (таблица 1) можно сделать вывод о паузальных особенностях различных ритмических типов. Так, сцепление морфем друг с другом за счет общих сем в ассимилятивном ритме на уровне паузации подчёркивает значительное превосходство пауз *brief* и *unit* над *double*. Ассимилятивный ритм маркирует фактуальную информацию, он неэмфатичен по своей природе, что и отражается в озвученной версии дискурса. В то же время диссимилятивный ритм отражает паузальный дисбаланс, эмфазу, о чем свидетельствуют статистические данные. Таким образом, временная динамика пропозем отражает авторскую позицию и передает эстетическую информацию.

Считаем важным отметить, что специфика паузации звучащего дискурса напрямую зависит от компонентов композиции литературного произведения (повествование, описание, рассуждение). Отметим также, что для исследуемого автора наиболее характерными являются 'повествование' и 'описание'.

Следующий пример является иллюстрацией паузальных характеристик кумулятивного блока 'описание':

Bilbo almost stopped breathing u and went stiff himself d He was desperate d He must get away b out of this horrible darkness b while he had any strength left d He must fight d He must stab the foul thing b put its eyes out u kill it d It meant to kill him d No u not a fair fight d He was invisible now d Gollum had no sword d Gollum had not actually threatened to kill him u or tried to yet d And he was miserable u alone u lost d A sudden understanding u a pity mixed with horror b welled up in Bilbo's heart u a glimpse of endless unmarked days without light b or hope of betterment u hard stone u cold fish u sneaking and whispering d All these thoughts passed in a flash of a second d He trembled d And then b quite suddenly in

another flash u as if lifted by a new strength and resolve u he leaped [4, с. 34].

Обратим внимание на паузальные особенности кумулятивного блока 'повествование':

It was not long before they grew to hate the forest b as heartily as they had hated the tunnels of the goblins u and it seemed to offer even less hope of any ending d But they had b to go on and on d long after they were sick for a sight of the sun b and of the sky b and longed for the feel of wind on their faces d There was no movement of air down under the forest-roof u and it was everlastingly still u and dark u and stuffy d Even the dwarves felt it b who were used to tunneling b and lived at times for long whiles without the light of the sun d but the hobbit b who liked holes to make a house in but not to spend summer days in u felt he was being slowly suffocated d The nights were the worst d It then became pitch b dark u not what you call pitch-dark u but really pitch u so black that you really could see nothing d Bilbo tried flapping his hand in front of his nose b but he could not see it at all d Well u perhaps it is not true to say that they could see nothing u they could see eyes. [4, с. 55].

Результаты наших наблюдений можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 2

Компоненты композиции	Типы физических пауз		
	<i>Brief</i>	<i>Unit</i>	<i>Double</i>
Описание	18.1%	42.9%	39.6%
Повествование	35.7%	28.5%	32.1%

Результаты наших наблюдений свидетельствуют о том, что компоненты композиции отличаются спецификой «временной сетки» смыслового развёртывания, что отражает их рецептивные модели.

Полагаем, что особенность смыслового квантирования, заключается в длительности и дистрибуции интрафразовых и межфразовых физических пауз, которые сигнализируют фонационный перерыв звукового сигнала и делимитацию вербального контекста. На основе статистических данных таблицы 2 можно сделать вывод, что каждый компонент композиции имеет специфический алгоритм смысловой связи, который отображает информационно-смысловую нагрузку нарративного блока как топикального цикла. Так, следует отметить, что оба представленных блока имеют усложнённый временной алгоритм, который маркируется 2-компонентными и 3-компонентными паузальными группировками – количественные показатели

дистрибуции – 18.1%:42.9%:39.6% и 35.7%:28.5%:32.1% соответственно. В понимании, паузация как темпоральная подсистема просодии является одним из маркеров авторского замысла и сигнализирует особенности семантико-временного ритма вербализации авторской художественной концепции.

Таким образом, маркированные синтаксические единицы дискурса символизируют экспрессивность, логическое, эмоциональное усиление, повышают динамичность описания, не затрудняя при этом восприятие информации, выполняя функцию характеристики.

Сочетание различных средств актуализации художественного замысла и преобладание синтаксических средств, основанных на необычном функционировании элементов языковой системы в дискурсе, служит целям ритмизации художественного произведения и позволяет автору установить эмоциональный контакт с читателем благодаря экспрессивности дискурса.

Всё выше изложенное даёт основание утверждать, что лексический, семантический, синтаксический и просодический ритм как пласты многоуровневой ритмической стратификации художественной прозы, являются базисом целостности литературного произведения.

Дальнейшее исследование ритмической стратификации художественного дискурса предполагает анализ специфики межуровневой интеграции ритмических пластов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гиришман, М. М. Ритм художественной прозы. Монография / М. М. Гиришман. – М.: Советский писатель, 1982. – 367 с.
2. Гумовская, Г. Н. Ритм как фактор выразительности художественного текста / Г. Н. Гумовская. – М.: Прометей, 1998. – 134 с.
3. Дубовский, Ю. А. Вопросы просодии устного текста и его составляющих / Ю. А. Дубовский. – Минск: Высшая школа, 1978. – 140 с.
4. Tolkien, J.R.R. The Hobbit / unabridged by R. Inglis. London: George Allen & Unwin, 2012. 116 p. URL: <https://archive.org/details/TheHobbitAudiobook> (дата обращения 12. 04.19).

АННОТАЦИЯ

Штакина Л. А. Семантико-временная ритмизация авторского замысла

В статье рассматриваются особенности категории ритма в художественном дискурсе. Исследование ритмизации авторского замысла проводится с учётом лексико-семантического,

синтаксического и просодического уровней. Особенности ритмизации озвученного литературного произведения устанавливаются на основе рекомбинации лексических повторов нарративных и дескриптивных моделей авторского конституента дискурсивного комплекса. Определена специфика паузальных характеристик делимитации вербального контекста.

Ключевые слова: дискурс, ритм, замысел, паузация, делимитация, контекст, вербализация.

SUMMARY

Shtakina L. A. Semantic and temporal rhythmicity of the author's artistic conception

The article highlights the category of rhythm specifics in a literary discourse. The focus of this research is primarily on the lexical-semantic, syntactic and prosodic levels. Peculiarities of the discourse rhythmicity are singled out through the reconstruction of lexical reiteration patterns within the framework of the narrative and descriptive discourse constituents. The data obtained prove the pausation delimiting significance of the verbal context exposing the artistic conception dynamics.

Key words: discourse, rhythm, conception, pausation, delimitation, context, verbalization.

*А. М. Авксентьева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81-23

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Важным аспектом изучения современного медиатекста как основной единицы медиадискурса является его рассмотрение как открытого феномена по отношению к обществу, культуре и другим текстам. Такой подход предполагает анализ явления интертекстуальности и форм его проявления.

Интертекстуальные элементы активно функционируют в текстах современных СМИ. Одним из наиболее распространенных приемов проявления интертекстуальных отношений в медиатекстах является цитирование. Масс-медиа черпают информацию из современной жизни, цитируя речи политиков и общественных деятелей, произнесенные накануне, отсылают к мнениям экспертов и профессионалов.

Сама окружающая реальность является объектом цитации, главное предназначение которой – повышать объективность, достоверность, верифицируемость текста. Кроме этого, цитаты обладают лингвокультурологической ценностью и формируют эмоционально-экспрессивную оценку.

Цитата представляет собой «дословную выдержку из какого-либо текста». Отметим, что в настоящее время цитаты широко используются в заголовочных комплексах медиатекстов. Это объясняется тем, что заголовочный комплекс и его компоненты являются первым «знаком текста», с которым знакомится читатель, поскольку именно он активизирует восприятие читателя и направляет его внимание на то, что будет излагаться далее.

Особенностью использования цитат в составе заголовков и заголовочных комплексов современных масс-медиа является их структурная трансформация. Если мы обратимся к интернет-версиям газет «The Guardian», то увидим, наличие заголовков, в которых в которых содержится как имя автора цитаты, так и его высказывание. При этом, как правило, кавычки опускаются, а прямая речь графически не выделяется из контекста. В интернет-версии «Российской газеты» мы также встречаем цитаты с указанием авторства без использования кавычек, однако в оформлении всегда присутствует двоеточие. Указание автора высказывания в заголовках усиливает эффект достоверности, объективности и точности изложения события или факта, являющегося непосредственным атрибутом информационно-новостных ресурсов.

Кроме этого, в ходе анализа были выявлены заголовки, целиком представляющие собой цитату, выделенную кавычками без указания авторства. Данный способ оформления цитат в заголовке направлен на передачу достоверной информации с помощью цитаты.

Еще одним видом структурной трансформации цитат в составе заголовков является наличие отдельных сочетаний, эпитетов, метких выражений, выделяемых в тексте заголовка кавычками без ссылки на авторство. Этот прием позволяет создать эффект образности, эмоциональности и оценочности, что способствует реализации воздействующей функции, привлекает внимание читателя к тексту публикации.

Использование аллюзий в заголовках и заголовочных комплексах рассчитано на возникновение у читателей ассоциативных подтекстов. При этом аллюзия не называет конкретный факт или лицо, а лишь намекает на дополнительную информацию, которую в себе содержит. Она призвана привлечь

внимание, акцентировать, сделать сопутствующий текст более ярким. Использование аллюзии сопровождается определенным авторским замыслом. Так, автор может стремиться к созданию комического эффекта. Кроме этого, аллюзия нередко помогает более лаконично и эффективно передать поднимаемую автором тему. В таком случае в качестве аллюзий могут выступать фразеологические единицы и их трансформации. В современном медиaprостранстве также распространены религиозные и мифологические аллюзии. Они используются, чтобы подчеркнуть масштаб той или иной ситуации или личности, усилить эффект высказывания. Еще одним видом аллюзий, используемых в медиатекстах, являются литературные аллюзии. Чаще всего авторы ссылаются на какие-либо общеизвестные или значимые произведения и их персонажей. В роли источников аллюзий выступают не только тексты, известные большому количеству людей, как, например, произведения фольклора, классической литературы, мифы, но и исторические события.

В составе заголовков и заголовочных комплексов современных масс-медиа часто употребляются реминисценции. Они представляют собой включение в текст заимствованных элементов, которые узнаются и интерпретируются читателем. Реализуясь в новом тексте, они несут в себе добавочную, оценочную информацию. Спозиции структурного оформления реминисценции могут быть трансформированными и нетрансформированными. Трансформация происходит в результате определенных изменений в их структуре и может быть представлена в виде замещения, усечения или добавления компонента.

С позиции связи заголовков и заголовочных компонентов масс-медиа с прецедентными текстами реминисценции могут быть основаны на произведениях устного народного творчества, художественной литературы, а также текстах песен, кинематографии и телеискусства.

Таким образом, интертекстуальность, являясь специфическим свойством заголовков и заголовочных комплексов современных масс-медийных интернет-ресурсов, проявляется через присутствие «чужих» текстов в виде цитирования, аллюзий и реминисценций. Эти интертекстуальные элементы могут подвергаться структурным изменениям и использоваться для информирования, повышения объективности и достоверности публикаций, привлечения внимания, формирования эмоционально-экспрессивной оценки. Перспективой нашего исследования является рассмотрение заголовочного комплекса современных масс-медийных интернет-изданий с позиции гипертекстуальности.

АННОТАЦИЯ

Авксентьева А. М. Интертекстуальность в заголовочных комплексах современных масс-медийных интернет-ресурсов

В статье предпринята попытка анализа интертекстуальных включений в составе заголовочных комплексов современных масс-медийных ресурсов. На материале интернет-версий современных информационно-новостных изданий рассматриваются примеры использования аллюзий, цитат и реминисценций в составе заголовочных комплексов.

Ключевые слова: медиадискурс, интертекстуальность, реминисценция, аллюзия, цитата.

SUMMARY

Avksenteva A. M. Intertextuality in the headline complexes of the modern internet media

The article presents an attempt to analyze the problem of intertextuality in the headline complexes of the modern media. It regards reminiscences, allusions and quoting used in the headlines of the internet versions of the modern information newspapers.

Key words: media discourse, intertextuality, reminiscence, allusion, quoting.

*О. И. Баранова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'42

ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ В УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В структуре учебной коммуникации взаимодействуют тексты различной семиотической природы: вербальные, невербальные и смешанные. Основная их задача – повысить эффективность восприятия учебной информации, которая, по мнению психологов и педагогов, лучше всего воспринимается в графическом виде: «Любой раздражитель, изменяющий силу своего воздействия (свет, звук, окраска и т.п.), привлекает к себе внимание. Это может быть картинка, фотография, схема, логотип – любое неординарное графическое изображение. Вокруг такого центра должна строиться подача всей остальной информации. Таким образом, текста должно быть как можно меньше, а большую часть информации следует представить в графическом виде» [3, с. 7].

Поэтому для построения текстов в учебной коммуникации важен принцип полисенсорного обучения в опоре на ведущую

модальность в восприятии школьника / студента. Этот принцип предполагает такую организацию учебного текста, которая опирается на особенности восприятия лингвистических правил.

Цель статьи – рассмотрение различных видов поликодовых текстов, используемых в учебно-педагогической коммуникации.

Постановка проблемы. Для дискурсов, организованных комбинацией естественного языка элементами других знаковых систем, еще не выработалось общепринятое терминологическое обозначение.

Р.О. Якобсон («Язык в отношении к другим системам коммуникации») противопоставляет гомогенные и синкретические сообщения. Последние основываются на комбинации разных знаковых систем.

Термин «креолизованные тексты» (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Е.Е. Анисимова и др.) относится к текстам, в структурировании которых задействованы коды различных семиотических систем. Их фактура состоит из двух гетерогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, нежели естественный язык). В этом смысле термины «креолизованный текст» и «поликодовый текст» выступают как синонимы.

Применительно к письменной коммуникации креолизованными являются тексты, сочетающие вербальные и иконические знаки.

Синтез вербальных и изобразительно-графических знаковых систем в работах А.А. Бернацкой, А.В. Михеева и Л.М. Большаковой обозначен терминами «изовербальный комплекс», «изоверб» и «лингвизуальный комплекс».

В работах Г.В. Ейгера и Л.В. Юхта термин «поликодовый текст» используется как родовое понятие для негомогенных, синкретических сообщений / текстов, образуемых комбинацией элементов различных знаковых систем (изображение, музыка и т.п.) при условии их взаимной синсемантии.

Поликодовым мы называем дискурс, основанный на комбинации текстов с различными знаковыми системами: вербальными и невербальными. Поскольку невербальный компонент коммуникации постоянно участвует в организации учебно-педагогического общения, мы квалифицируем поликодовость как категориальный признак учебно-педагогического дискурса (УПД), «коммуникативную универсалию» (И.Н. Горелов). Она реализуется через совокупность вербальных и невербальных средств – знаков различных семиотических систем, участвующих в организации дискурса.

Креолизованные тексты выполняют в УПД ряд функций:

- аттрактивную – привлекать внимание адресата, участвовать в организации визуального и/или аудиального восприятия текста;
- информативную – передавать определенную информацию; участвовать в формировании содержания текста;
- функцию иллюстрации вербального компонента;
- волюнтаривную – управлять познавательной деятельностью учащегося;
- метакоммуникативную – графические средства составляют часть коммуникации, тематически или функционально направленную на саму себя;
- экспрессивную – воздействовать на эмоции адресата;
- эстетическую – воздействовать на эстетические чувства адресата;
- фатическую и контактную функцию – обычно в мультимедийных текстах – создавать ситуацию живого общения;
- техническую – организовывать визуальное восприятие текста, например, зрительное определение рамок высказывания, и пр.

Как правило, на учебных занятиях поликодовые (креолизованные) тексты используются в роли средств зрительной, слуховой или зрительно-слуховой наглядности (наглядность + комментарий дидактического пособия или учителя/учащегося). Они позволяют учащемуся опираться при восприятии и понимании учебного материала не только на конкретные предметы и их изображения, но и на модели, т. е. условный образ (изображение, таблица-схема, описание и т.п.) какого-либо объекта (или системы объектов). Учебные модели воспроизводят лишь отдельные, наиболее существенные стороны явления или процесса, однако эти стороны должны быть изоморфны референту. Модели выступают как «сплав наглядности и понятия, конкретного и абстрактного» (В.В. Давыдов).

Все креолизованные тексты в УПД можно разделить на две группы: языковые и речевые. Первая группа средств призвана облегчить понимание изучаемых правил, определений, понятий, норм языка (таблицы и схемы по лексике, морфологии, синтаксису и пр.). Схематическое изображение языкового материала позволяет воспроизводить существенные стороны изучаемых правил, дефиниций, понятий. Главная задача речевой наглядности – «облегчить запоминание конкретного языкового материала, употребление которого вызывает наибольшие трудности при усвоении норм русского литературного языка» [4, с. 17].

С точки зрения воздействия на разные органы чувств КТ делятся на три группы: визуальные, аудиальные и аудио-визуальные. К

первым относятся печатные тексты: текст учебника, таблицы, карточки (демонстрационные карточки и раздаточный материал), схемы, картины (рисунки), экранные средства: диафильмы, диапозитивы, транспаранты. Ко вторым – аудиозаписи. Звуковые пособия используются в УПД для воспитания культуры устной речи (навыков правильного произношения, выразительного чтения текста) и для развития связной речи учащихся. К третьим – учебные видеофильмы, мультимедийные программы.

Поликодовый текст за счет использования графических и вербальных компонентов представления смысловой доминанты делает сообщение концентрированным, информативным. Изобразительная и вербальная составляющая взаимодействуют в нем, порождая особые текстовые единицы, влияющие на механизмы обработки содержащейся в тексте информации.

Набор основных компонентов, выполняющих смыслоформирующую функцию через графическое выделение смысловой доминанты, следующий:

- графическая структура КТ, под которой подразумеваются различные планы и углы зрения,
- цветовое оформление текста,
- дополнительные линии, штрихи и другие конвенциональные элементы рисунка, сближающиеся своей дискретностью с письменным знаком,
- композиция речевого компонента,
- идеограмматизированные графемы и знаки препинания, которые через «семантизацию» графической оболочки объединяют в себе признаки вербального и изобразительного произведений, получая определенные преимущества перед алфавитным письмом в воздействии на процессы смыслопорождения.

В учебной коммуникации наблюдаются три степени креолизации (комбинирования средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности): сильную – со взаимной синсемантией участвующих систем; умеренную – при явном доминировании одной системы и вспомогательной роли другой; слабую – когда речь идет о традиционных параязыковых средствах коммуникации (фонационных, кинетических, графических) [2, с. 6].

Сильная креолизация отмечается в определенных разделах учебника и в изобразительном раздаточном материале, в некоторых речевых демонстрационных таблицах. Предметный или ситуативный рисунок служит для комментирования лексического значения слов и фразеологизмов, облегчает самостоятельное употребление новых для учащегося языковых

единиц в контексте, предупреждает речевые ошибки, стимулирует порождение нового текста на базе поликодового. При этом рисунок выполняет две основные функции: комментирует значение слов или фразеологизмов, стимулирует употребление определенной лексики.

Умеренная креолизация наблюдается в учебных пособиях, таблицах, диафильмах и пр., где при сочетании изображения и вербального сообщения преобладает либо словесная составляющая, либо графическая. В первом случае вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, между обоими компонентами складываются автосемантические отношения; изобразительный компонент сопровождает вербальную часть и является факультативным элементом в организации учебного текста – креолизации. Во втором случае изображение существует автономно, а сопровождающая его надпись / подпись является факультативным элементом в организации текста и обычно представляет собой задание составить предложение или текст на основе рисунка.

Слабая креолизация характерна для большинства языковых таблиц, транспарантов (кодоскопа), демонстрационных (сменных) карточек и схем, основное назначение которых – раскрыть определенную закономерность, дать своеобразную модель правила, понятия. Иконические знаки здесь представлены слабо, а основными средствами смыслообразования являются шрифтовое и цветовое варьирование, типографские знаки и т.п.

Слабая креолизация наблюдается в случае использования просодических, кинетических и других невербальных средств коммуникации. Они могут существовать автономно, замещать вербальную информацию, могут дублировать ее, но значительно чаще возникает эффект дополнения смысла сообщения, усиления воздействия: мимика и жесты говорящего, тональность и мелодика речи усиливают ее выразительность, логическое ударение и некоторые жесты помогают структурировать учебный материал. Невербальные средства коммуникации различаются субстанцией, способами манифестации, сочетаемостью с вербальными компонентами текста, что определяет закрепление за невербальным средством в УПД определенной функции.

В разных типах поликодового учебного текста видна разная сочетаемость вербальных и невербальных компонентов. Если для учебника, объяснения учителя или развернутого ответа учащегося (с опорой на таблицу) характерна компоновка «основной вербальный текст + изображение», то в других обучающих средствах наглядности возможны такие модели:

изображение + надпись / подпись; изображение без подписи / надписи; серия изображений + сопровождающие их подписи (диафильм, серия диапозитивов) и др.

Поликодовые тексты в УПД подчиняются коммуникативно-прагматическим нормам, регулирующим «внешнее» оформление текста. Коммуникативно-прагматическая норма типа текста объединяет «языковые и неязыковые правила построения текстов в определенной типовой ситуации с определенной интенцией для достижения оптимального прагматического воздействия на адресата. Контуры коммуникативно-прагматических норм нередко едва ощутимы, вместе с тем они являются достаточно устойчивыми ориентирами для производства и восприятия паралингвистически активных текстов, так как в них отражаются и закрепляются речевые и визуальные стереотипы передачи информации в типовых условиях общения, признанные обществом как коммуникативно необходимые» [1, с. 13]. В состав коммуникативно-прагматических норм входит графическая норма (И.Э. Клюканов) как пример исторически сложившейся практики зрительного воплощения того или иного типа текста.

Разновидностью поликодовых текстов мы считаем мультимедийные учебные материалы. Правда, само понятие «мультимедиа» пока не имеет однозначных интерпретаций. Одни авторы определяют мультимедиа как включение или привлечение нескольких типов средств передачи данных. Под типами средств понимаются вербальный текст, графика, звук, анимация, реально движущееся видео (Л.М. Горская). Другие (С. Clanton, F. Janella, E. Jung, R. Kristof) определяют мультимедиа как комплексный объект, включающий в себя средства технического и программного обеспечения и интерфейс, где эти средства взаимодействуют друг с другом и с пользователем этой технологии. Третьи (J. Blinn, B. Furht) считают, что мультимедиа – это комбинация компьютерных и видеотехнологий. Нам близка вторая точка зрения.

Мультимедийные обучающие программы имеют такие возможности:

- наглядность и яркость графики;
- удобная навигация по страницам руководства;
- текстовые пояснения к каждому шагу изучения конкретного приложения;
- звуковое сопровождение;
- видеоуроки;
- тестовая проверка усвоенного материала.

Выводы. Таким образом, здесь предоставляются как традиционные услуги (справочные данные, база знаний, контрольный опрос, демонстрация процессов, вывод), так и новые, активизирующие учебную деятельность учащегося, например выбор и модификация метода решения познавательной задачи.

В то же время наблюдается конфликт между текстологически (линейно) ориентированным преподавателем и студентом, воспитанным в условиях активного развития форм фрагментарного образного представления знаний. Два типа менталитета – логико-структурный и иконический – находятся в противостоянии. Особенности клипового сознания накладывают свой отпечаток на способы формирования картины мира учащегося и особенности его мышления. Современный школьник/студент является «продуктом» экранной культуры, преподаватель же в большинстве случаев сформирован приоритетами эпохи логической структуризации знания. Зоны конфликта в системах информационного обмена – образ/текст, динамика/статика, информация/презентация, полнота/избыточность и пр. Поэтому педагоги стремятся описать «предмет знания», прибегая не только к логически выверенным формулировкам, но и к помощи определенных образных средств, в результате чего учебный материал приобретает дополнительную устойчивость в восприятии обоих участников учебной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е. Е. Креолизованные тексты – тексты XXI века? // Взаимодействие вербального и паралингвистического в тексте: Уч. пособие. – Воронеж, 1999.
2. Бернацкая, А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние. – Текст: электронный // Из материалов лаборатории лингвоэкологии и речевой культуры. : сайт. URL: http://library.krasu.ru/ft/ft/_articles/0070277.pdf (дата обращения: 23.04.2020).
3. Бондаренко, А. Н. Мультимедийные технологии в презентации и образовательном процессе: Курс лекций. – Новосибирск, 2003.
4. Зельманова, Л. М. Наглядность в преподавании русского языка: Пособие для учителя // Из материалов лаборатории лингвоэкологии и речевой культуры – М., 1984.
5. Сонин, А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дисс. ... док.филол. наук. – М., 2006.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Поликодовые тексты в учебной коммуникации

В статье рассматриваются различные виды поликодовых текстов, используемых в учебно-педагогической коммуникации. Показаны способы взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в структуре учебного текста. Названы функции поликодовых текстов.

Ключевые слова: поликодовый текст, учебный дискурс.

SUMMARY

Baranova O. I. Polycoded texts in educational communication

The article deals with different types of polycoded texts, used in educational discourse. The means of verbal and non-verbal interaction in the structure of educational text are shown. The functions of polycoded texts in educational discourse are mentioned.

Key words: polycoded text, educational discourse.

*М. А. Досычева
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 372.881.1

ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ

В современном мире знание иностранных языков дает огромное преимущество, как с точки зрения успешности в ряде профессий, так и для досуга, например, путешествий. Однако доминирование английского языка вовсе не делает остальные языки неактуальными для изучения.

Одним, из наиболее востребованных языков, изучаемых в качестве второго, является французский. На сегодняшний день существует множество способов выучить иностранный язык, начиная с групповых курсов и заканчивая онлайн занятиями. Последние приобретают все большей популярности, как среди взрослых, так и детей. На сегодняшний день в свободном доступе существует огромное количество материала, позволяющего и/или помогающего изучать различные языки, не выходя из дома.

Дистанционное обучение – взаимодействие педагога и обучающихся между собой на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание,

методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемое специфичными средствами Интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность [8, с. 79].

Дистанционное обучение – это, прежде всего, самостоятельная форма обучения, предполагающая подачу материала учителем как ознакомительную, а освоение этого материала зависит исключительно от обучающегося. Но не следует путать дистанционное обучение с самообразованием, где дополнительные знания ученика зависят исключительно от него. В то время как цель дистанционного обучения – предоставление равных образовательных возможностей в любых районах страны и за ее рубежом и создание условий для непрерывного образования.

Главными **отличительными чертами дистанционного образования** являются следующие:

- гибкость (обучающиеся занимаются в подходящее для них время, в удобном месте и ритме);
- модульность (позволяет из определенного спектра независимых научных дисциплин составлять индивидуальный план, отвечающий образовательным нуждам обучающихся);
- параллельность (дистанционное образование может проходить без отрыва от работы);
- дальность действия (обучающийся может находиться сколь угодно далеко от места обучения, но качество обучения – при условии хорошей связи – от этого не страдает);
- территориальный охват (сеть услуг дистанционного обучения может покрывать огромные территории, а значит, число обучающихся критическим не является);
- рентабельность (дистанционное образование экономически выгоднее традиционного: экономия на содержании учебных и вспомогательных помещений, транспортных расходах; при дистанционном доступе к электронным библиотекам экономятся ресурсы на обеспечения обучающихся учебными пособиями и т. д.).

В связи с существующей тенденцией в изучении английского языка во всех школах, и отсутствии второго иностранного (в частности французского) в большинстве школ, обучающийся может позволить себе только дополнительное изучение французского языка.

Традиционно понятие «дополнительное» идет по семантике слова. Так, в Словаре русского языка С. И. Ожегова понятие «дополнительный» определяется как дополнение к чему-нибудь, «дополнить» – значит сделать более полным, прибавив к чему-

нибудь, восполнить недостающее в чем-либо. Дополнительное образование по праву относится к сферам наибольшего благоприятствования для развития каждого ребенка, оно действительно «свое», личностное – по выбору, по характеру, «по душе» [9, с. 208]. Личность формируется в постоянной деятельности, преодолении себя, в переживаниях горя и радости, в сопричастности к общению, большому настоящему делу.

Дополнительное образование, в отличие от обязательного школьного, имеет ряд особенностей:

- создание условий для свободного выбора каждым ребенком образовательной области (направления и вида деятельности), профиля программы и времени ее освоения, педагога;
- многообразие видов деятельности, удовлетворяющей самые разные интересы, склонности и потребности ребенка;
- личностно-деятельностный характер образовательного процесса, способствующий развитию мотивации личности к познанию и творчеству, самореализации и самоопределению;
- личностно-ориентированный подход к ребенку, создание «ситуации успеха» для каждого. В центре дополнительного образовательного процесса находится конкретный ребенок, саморазвитие его личности и индивидуальности. Для этого педагог дополнительного образования стремится получить детальную информацию об индивидуальных особенностях, потребностях, интересах, склонностях каждого ребенка, его уровне интеллектуальной, эмоционально-ценностной, трудовой и физической подготовки; психофизиологических качествах личности, а также о микросреде сверстников, где вращается ребенок, его семья и т. д.;
- создание условий для самореализации, самопознания, самоопределения личности;
- признание за ребенком права на пробы и ошибки в выборе, права на пересмотр возможностей в самоопределении;
- применение таких средств определения результативности продвижения ребенка в границах избранной им дополнительной образовательной программы (вида деятельности, области знаний), которые помогли бы ему увидеть ступени собственного развития и стимулировали бы это развитие, не ущемляя достоинства личности ребенка [6, с. 79].

Таким образом, дополнительное образование дает больше возможностей для самореализации, самоутверждения так как предоставляет большую свободу выбора, соответствующего интересам обучающихся. Дистанционное дополнительное образование одним из преимуществ имеет гибкость графика

занятий. Обучающийся может самостоятельно выбирать время и место проведения занятия, более того, он имеет в своем распоряжении все возможные дополнительные образовательные ресурсы, позволяющие более качественно усвоить новый материал.

Одним из направлений дополнительного образования является изучение французского языка как второго иностранного для изучающих английский язык. В начале своей работы в качестве руководителя кружка французского языка я столкнулась с такой ситуацией, что желания детей изучать или не изучать иностранный язык не всегда совпадают с требованиями школьной программы. Как показала практика, в школах с изучением второго иностранного языка у детей пропадает желание продолжать заниматься языком. И наоборот, не имея возможности учить французский язык в школе, дети обращаются в учреждения дополнительного образования. Этот факт доказывает, что у детей школьного возраста есть желание к познанию чего-то нового, в данном случае к изучению французского языка и культуры.

Как показали многочисленные научные исследования, проблемы мультилингвального обучения крайне сложны. Овладение вторым иностранным языком происходит в условиях формирования субординативного трилингвизма, т.е. один язык (родной) изучается в естественных условиях, а два иностранных – в искусственных. Подобное мультилингвальное обучение определяет как особенности овладения вторым иностранным языком, так и технологию обучения последнему [3, с. 199].

Преподавание второго иностранного языка во многом отличается от изучения и преподавания первого. Учёные-лингвисты, психологи, а также преподаватели-практики накопили значительный опыт в выявлении того, что благоприятствует его усвоению, а что тормозит его правильное изучение. Один из факторов – опыт изучения предыдущего иностранного языка, приёмы работы, умение переключаться с одной языковой системы на другую. При этом неизбежны как перенос (положительное влияние) навыков изучения языков, так и интерференция (отрицательное влияние) [4, с. 21].

Основное назначение иностранного языка состоит в формировании коммуникативной компетенции, т.е. способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка.

Иностранный язык как учебный предмет характеризуется:

- межпредметностью (содержанием речи на иностранном языке могут быть сведения из разных областей знания, например, литературы, искусства, истории, географии, математики и др.);

- многоуровневостью (с одной стороны необходимо овладение различными языковыми средствами, соотносящимися с аспектами языка: лексическим, грамматическим, фонетическим, с другой – умениями в четырех видах речевой деятельности);

- полифункциональностью (может выступать как цель обучения и как средство приобретения сведений в самых различных областях знания).

Важнейшими психолингвистическими закономерностями овладения вторым иностранным языком являются: широкое действие психологического переноса; возможность сделать обучение более интенсивным; готовность учащихся к большей самостоятельности в обучении; их высокая активность [10, с. 42]. Дистанционное дополнительное образование как раз охватывает все эти закономерности, но остановимся на двух, на мой взгляд, самых важных из них. Обучающийся в праве самостоятельно утверждать график и интенсивность своих занятий, что дает ему возможность охватывать то количество нового материала, которое ему под силу. Также на него ложится груз ответственности за пропущенное или невыполненное задание, что имеет свойство дисциплинировать и осознавать необходимость регулярной работы над языком. Эта закономерность неразрывно связана с готовностью к самостоятельному изучению отдельных аспектов языка, ведь то, насколько быстро и качественно обучающийся овладеет новым материалом зависит только от него.

Особенностью методики обучения второму иностранному языку является не предотвращение интерференции, а необходимость обеспечить положительный перенос, для чего существуют все необходимые предпосылки. Изучающий второй иностранный язык осуществляет перенос на многих уровнях, оптимизируя, таким образом, свою учёбу. На начальном этапе обучения второму иностранному языку учащиеся владеют общими учебными умениями. К таким умениям относятся наблюдение, сравнение, следование алгоритмам деятельности, умения поиска информации и т.д.

Стимулирование переноса позволяет значительно оптимизировать учебный процесс, ускорить его, сделать более приятным для учащихся.

При изучении французского языка в качестве второго, можно говорить об использовании положительного переноса из английского языка. Несмотря на то, что французский язык относится к романской группе, а английский – к германской, между ними наблюдается множество сходных явлений, что обусловлено историческими причинами. Наибольший перенос из английского языка во французский отмечается в области лексики,

так как большинство слов английского языка заимствованы из латинского и французского языков. С другой стороны, значительное количество англицизмов проникло за последние годы во французский язык, особенно в области специальной терминологии, названия бытовых предметов.

Большое количество слов общего корня, интернационализмов облегчает запоминание, способствует догадке о значении незнакомых слов, имеющих сходство с соответствующими английскими словами, пополняя потенциальный лексический запас учащихся [10, с. 105]:

économie-economy-экономика;

demande-demand-спрос;

volume-volume-объём.

Кроме большого пласта общей лексики, наблюдается также употребление французских и английских слов с одинаковым значением в сходных ситуациях. Например, в словосочетаниях *par cœur* и *by heart* (наизусть) употребляется существительное «сердце». Зная употребление английских глаголов *to speak* и *to say*, легко понять употребление глаголов *parler* и *dire*.

«I speak French»/«Je parle Français». «I say «Hello»/«Je dit «Salut». Глаголы *to leave* и *quitter* имеют в обоих языках как значение «оставлять, покидать», так и «уезжать из...». *Je quitte Paris, Nous quittons nos amis, I leave Paris, I leave my friends*.

Большое сходство наблюдается в случае употребления предлогов *de* и *of*, *dans* и *in*, *à* и *to*.

Помимо сходства в лексическом составе, можно проследить примеры сходства в морфологии.

В английском и французском языках для определения имени существительного употребляется артикль. Но так как во французском языке система артиклей гораздо более сложная, чем в английском, сходство наблюдается только в случаях употребления неопределенного и определенного артиклей, а также в случае их неупотребления.

She has a sister/Elle a une soeur.

She is a good actress/ Elle est une bonne actrice.

Close the door/ Fermez la porte.

Английские притяжательные местоимения и французские притяжательные прилагательные употребляются в одном лице и числе с обладателем предмета:

It's my house/C'est ma maison.

It's their flat/C'est leur appartement.

Во французском, как и в английском языке, после глаголов чувственного восприятия употребляются инфинитивные конструкции:

I never saw him cry/Je ne l'ai jamais vu pleurer.

Сравнительная степень французских прилагательных образуется также, как сравнительная степень в сложных и многосложных английских прилагательных – при помощи наречий *more* – *plus* (более), *less* – *moins* (менее): *more beautiful/ plus beau, less interesting/moins intéressant*. Для образования превосходной степени сравнения используются определенные артикли: *the/le, la, les: the most beautiful/le plus beau*.

Пассивный залог в английском и французском языках образуется однотипно: *To be + past participle/être + participe passé*.

The letter was written/la lettre fut écrite.

В области синтаксиса также наблюдается множество сходных явлений.

Английский и французский языки имеют ярко выраженные признаки аналитического строя. Основными средствами выражения грамматических отношений являются служебные слова (предлоги, вспомогательные глаголы) и порядок слов. Фиксированный порядок слов – одно из основных средств выражения синтаксических связей в структуре предложения. В синтаксической системе обоих языков присутствуют личные, безличные, неопределенно-личные предложения, широко употребляются обороты со значением: «имеется, находится, существует» *there is/are il y a*.

It's three o'clock/Il est trois heures.

They say he is ill/On dit qu'il est malade.

There is a book on the table/Il y a un livre sur la table.

Однако даже в общих категориях первого и второго иностранных языков существует ряд различий, на которые важно обратить внимание учащихся с самого начала. Так, при ознакомлении с новыми лексическими единицами особое внимание необходимо уделять произносительной стороне слов общего корня, так как в произношении этих слов проявляется наибольшее влияние интерференции первого иностранного языка (перенос ударения на первый слог: *prison* – *prison*; чтение букв *g* и *j* как [dz]): *village* – *village*; *justice* – *justice*. Артикуляционная база наиболее подвержена интерферирующему влиянию фонетических навыков, сформированных в первом иностранном языке [4, с. 134].

Наличие общих черт в языках способствует полному переносу явлений первого иностранного языка на сходные явления второго иностранного языка, что и вызывает ошибки. Наибольшие трудности возникают при употреблении артиклей во французском языке, при спряжении глаголов 3 группы, требуется опора на родной язык при изучении темы местоимений-дополнений: *le, la, les, leur, lui*.

Особое внимание при обучении грамматике следует обратить на различие в употреблении некоторых глагольных форм. Хотя существует ряд аналогий в употреблении plus – que-parfait/past perfect; futur dans le passé/future in the past, имеются расхождения в употреблении passé composé/present perfect и past continuous/Imparfait.

Таким образом, несмотря на общность категорий, тренировка грамматических явлений второго иностранного языка не должна быть менее интенсивной, чем в первом иностранном языке.

Итак, основным подходом при обучении второму иностранному языку является сравнительно-сопоставительный подход на сознательной основе, что служит интенсификации процесса обучения. Однако, оставаясь одним из основополагающих принципов на протяжении всего курса обучения, он играет разную по значимости роль. С развитием умений и навыков во втором иностранном языке, увеличением объёма усвоенного языкового материала происходит постоянное уменьшение влияния первого иностранного языка на второй. Со временем обучающиеся начинают осознавать внутренние законы построения системы французского языка, у них формируется «чувство языка». На продвинутых этапах учащиеся запоминают и употребляют новые лексемы не только по формальному сходству со словами первого иностранного языка, но и по ассоциативным связям, уже известными во втором иностранном языке.

Дистанционное дополнительное образование предоставляет уникальную возможность в изучении языка, не выходя из дома. Сознательная работа над вторым иностранным языком может, в свою очередь, помочь и в работе над первым иностранным языком, что способствует приобретению опыта в изучении иностранных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А. А. Дистанционное обучение в системе непрерывного профессионального образования // Инновации в образовании. – 2003. – № 4.
2. Асмолов, А. Г. Дополнительное образование как зона ближайшего развития образования в России: от традиционной педагогики к педагогике развития // Внешкольник. – 1997. – № 9.
3. Барышников, Н. В. Методика обучения второму иностранному языку в школе / Н. В. Барышников. – М.: Просвещение, 2003. – С. 197-200.
4. Ветрова, Н. В. Применение положительного переноса из английского языка при изучении французского как второго

- иностранного / Н. В. Ветрова // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2011. – Вып. 3.
5. Джаляшвили, З.О. Организация системы дистанционного образования [Электронный ресурс] // Элитариум: центр дистанционного образования: http://www.elitarium.ru/2006/03/24/organizacija_sistemy_distancionnogo_obrazovanija.html (дата обращения 11.02.2013).
6. Дробышева, Н. Н., Монахова, Е. Б. Иностраный язык как фактор востребованности специалистов на рынке труда в условиях глобализации / Проблемы языка в глобальном мире: монография / под ред. Е. В. Ганиной, А. Н. Чумакова. – Москва: Проспект, 2016. – С. 196.
7. Дополнительное образование детей: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. / Под ред. О.Е. Лебедева. – М.: «ВЛАДОС», 2000.
8. Монахов, Н.В. Эволюция дистанционного образования // Школьные технологии. – 2003. – № 2. – С. 89-94.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. Около 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 18-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1986. – 797 с.
10. Щепилова, А. В. Теория и методика обучения французскому языку как второму иностранному / А. В. Щепилова. – М.: ВЛАДОС, 2005. – С. 41-46.
11. Annie Monnerie-Goarin. Metro Saint-Michel. Methode de Francais /CLE international, Paris 2005. 3. Catherine Hugot. Alter Ego. Methode de Francais/ Achette Livre Paris : 200.

АННОТАЦИЯ

Досычева М. А. Особенности дистанционного преподавания французского языка как второго иностранного в условиях дополнительного образования детей

Статья посвящена особенностям дистанционного преподавания французского языка как второго иностранного в условиях дополнительного образования детей. В работе рассмотрены условия обучения школьников французскому языку в учреждении дополнительного дистанционного образования, что позволяет подстраивать образовательный процесс под современные тенденции и, что не мало важно, под желания и особенности обучающихся, так как в условиях дополнительного образования очень важно не только дать знания, но и заинтересовать обучающихся, а также создать все условия для проведения занятий. В ходе анализа был сделан вывод, что знания первого иностранного языка

имеет значительное положительное влияние на понимание и усвоение французского языка.

Ключевые слова: второй иностранный язык, учреждение дополнительного образования детей, дистанционное образование, мультилингвальное обучение.

SUMMARY

Dosycheva M. A. Features of teaching French as the second foreign language in the conditions of distance additional children's education

This article is devoted to features of teaching French as the second foreign language in the conditions of distance additional education of children. In this work we consider conditions of training of school students in French in establishment of additional education that allows arranging educational process under current trends and that is much important not only to give knowledge to children, but also to motivate them and to create all conditions which they need for the full lesson. During the analysis the conclusion was drawn that understanding and assimilation of French is considerably growing under the influence of knowledge of the first foreign language.

Key words: the second foreign language, establishment of additional education, distance education, multilingual training.

*Л. А. Жиденко
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'25

О КОМПЕНСАТОРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

В настоящее время в обществе происходят существенные изменения, связанные с расширением международных контактов, международной интеграции и мобильности. Величиной номер один в осуществлении подобных контактов является переводчик, человек не только компетентный в сфере переводоведения, но и обладающий сформированной иноязычной коммуникативной компетенцией. Под переводческой компетентностью принято понимать совокупность языковой и речевой (коммуникативной) компетенций, а также (фоновых) экстралингвистических знаний, относящихся к культуре исходного и переводящего языков [2]. Если компетентность предполагает владение определенными знаниями, что по своей сути является

синонимом профессионализма, то понятие «компетенция» предполагает владение умениями, навыками, способностью успешно действовать на основе практического опыта при решении прагматических и лингводидактических задач. Традиционно ученые выделяют несколько компонентов иноязычной коммуникативной компетенции таких как: лингвистическая, социолингвистическая, дискурсивная, социокультурная, компенсаторная. Владение лингвистической компетенцией означает способность индивида конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения в соответствии с нормами переводимого языка; социолингвистическая компетенция подразумевает умение выбрать корректную лингвистическую форму, адекватную условиям, ситуации и целям коммуникации; дискурсивная – способность использовать определенную стратегию для построения и интерпретации текста, определять значение единиц речи произнесенные партнером; социокультурная компетенция является готовностью и способностью человека, владеющего иностранным языком, строить свое межкультурное общение на основе знаний национально-культурной специфики речевого поведения носителя языка; социальная компетенция – это его умение и желание вступать в коммуникативный контакт, умение ориентироваться в социальной обстановке; и, наконец, компенсаторная компетенция рассматривается чаще всего, как способность индивида компенсировать недостаточные знания языка на определенном этапе его изучения, либо работы с ним.

Мы хотим рассмотреть компенсаторную компетенцию с точки зрения переводоведения, а именно умения переводчика выходить из затруднительных ситуаций иноязычного общения, сохраняя перевод при этом качественным и адекватным. Компенсацией при переводе следует считать замену непередаваемого элемента ИЯ каким-либо другим средством, который передаёт ту же самую информацию, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в подлиннике, но в соответствии с его общим идейно-художественным характером, и там, где это представляется удобным по условиям ПЯ [1, с. 116]. В практике перевода встречается ряд случаев, когда слово или фраза не воспроизводятся совсем, или же заменяются формально далёкими от того или иного элемента подлинника. Может пропускаться то или иное слово или словосочетание, если есть невозможность передать отдельный элемент, отдельную особенность оригинала, и это, как правило, не противоречит принципу переводимости. Компенсация в данном случае, как разновидность замены будет служить одним из приемов достижения эквивалентности

перевода. Благодаря компенсации в системе целого, утрата отдельного элемента, не играющего организующей роли, может и не ощущаться на фоне обширного целого. При компенсации элементы смысла, объективно утраченные при переводе единицы языка оригинала, передаются иными средствами, причём необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, компенсируются утраченный смысл и оттенки значения, скажем, ирония, юмор, образность, игра слов, каламбуры и т.д., и в целом уменьшаются неизбежные потери. Нередко при этом грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот. Часто применяется подобный прием при переводе фразеологизмов. Компенсация может иметь семантический или стилистический характер. В первом случае восполняется пропущенный непередаваемый в переводе компонент для полноты смысла. Семантическая компенсация часто применяется для восполнения пробелов, вызванных так называемой безэквивалентной лексикой. Это, прежде всего, обозначение реалий, характерных для страны ИЯ, и чуждых другому языку и иной действительности. Если эти детали не имеют принципиального значения, то пониманию читателю не будет нанесен урон, если их опустить в переводе. В художественной литературе, при описании автором персонажей из разных социальных слоев, встречаются диалекты, слова пониженной социальной направленности – при передаче их в переводах мы встречаем примеры стилистической и экспрессивной компенсации – что является заменой одного выразительного средства другим. При переводе контаминированной, т.е. неправильной речи, переводчик не должен быть связан применением именно той категории средств, какими пользуется иностранный автор. Он имеет право заменять одни языковые средства другими: грамматические – лексическими, фонетические – грамматическими и т.д. в соответствии с нормами контаминации русской речи. Компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто внутрилингвистические значения, характеризующие те или иные языковые особенности подлинника – диалектальную окраску, неправильности или индивидуальные особенности речи, а также когда не всегда можно найти прямое и непосредственное соответствие той или иной единице ИЯ в системе ПЯ.

Компенсация может проявиться в переводе и как намеренное добавление в перевод некоторых элементов для восполнения потери схожих элементов в том же или другом месте. Некоторые лингвистические ошибки в речи англоязычных персонажей,

типичных для малообразованных людей сложно передать в переводе. Если их опустить – данный отрывок текста станет бессмысленным. В этом случае, лучшей стратегией переводчика будет использовать прием компенсации в переводе в другом месте, там, где, скорее всего, малообразованный русский человек сделал бы ошибку.

Таким образом, под компенсаторной компетенцией понимается готовность и способность индивида (в нашем случае переводчика) выходить из затруднительного положения в процессе межкультурного общения, связанного с дефицитом языковых средств, страноведческих знаний, социокультурных норм поведения в обществе, различных сферах жизнедеятельности, т.е. умение преодолевать социокультурную интерференцию.

Как уже отмечалось выше, компенсаторная компетенция является составляющей коммуникативной компетенции, а это владение сложными коммуникативными навыками и умениями, формирование адекватных умений в новых социальных структурах, знание культурных норм и ограничений в общении, знание обычаев, традиций, этикета в сфере общения, соблюдение приличий, воспитанность, ориентация в коммуникативных средствах, присущих национальному, сословному менталитету и выражающихся в рамках данной профессии [2, с. 325]. В ситуации перевода устного – это и умение переводчика вести себя в ситуации делового общения, избегать затруднительных ситуаций или находить выход из них, преодолевая психологический барьер в процессе, например, синхронного перевода.

Формирование компенсаторной компетенции происходит, с одной стороны, за счет развития знаний, умений и навыков и, с другой стороны, за счет пополнения набора компенсаторных стратегий и реализующих их приемов. Переводческие умения реализуются на основе всего комплекса речевых умений, составляющих владение языками, участвующими в процессе перевода. Часть умений, с опытом, может быть превращена в полуавтоматические или автоматические навыки и применяться переводчиками интуитивно. Немалую роль в реализации компенсаторной компетенции играет и языковая догадка, которая чаще всего приобретает с опытом.

Все компоненты профессиональной компетентности переводчика развиваются в процессе обучения переводу или в ходе практической переводческой деятельности. Однако существует определенная сложность в формировании отдельных компетенций, и среди них, на наш взгляд, главенствует компенсаторная, т.к. алгоритм ее формирования не является абсолютным.

Концепция переводческой компенсаторной компетенции представляет большой теоретический и практический интерес, как для начинающих переводчиков, так и для опытных профессионалов, и нуждается в постоянном исследовании, дабы изучить на практике составляющие ее факторы, способы формирования и развития. Приём компенсации сложен, но и интересен, тем, что дает возможность перевести разные элементы смысла, прагматические значения, стилистические нюансы, тождественная передача которых традиционно невозможна. При переводе происходит множество переводческих преобразований, причина которых, чаще всего кроется в присущем иностранному языку видении мира и связанном с этим явлении языковой избирательности. Владение такой компетенцией как компенсаторная позволяет переводчику выйти из затруднительных ситуаций, донести до реципиента смысл, не нарушив при этом адекватности перевода.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горанская, М. Н. Использование педагогических технологий при формировании компенсаторной компетенции в иноязычной письменной деловой речи / М. Н. Горанская // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2011. – №4 (58). – С. 115-119.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр качества подготовки специалистов, 2004. – 42 с.
3. Куницына, В. Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В. Н. Куницына, Н. В. Казаринова, В. М. Поголыпа. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
4. Теплова, О. А. Из опыта формирования компенсаторной компетенции на уроках английского языка / О. А. Теплова // Иностранные языки в школе. – 2014. – № 10. – С. 17-20.

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л. А. О компенсаторной компетенции как неотъемлемой составляющей компетентности переводчика

В статье рассматривается компенсаторная компетенция переводчика как одна из важнейших составляющих в процессе осуществления перевода наряду лингвистической, социолингвистической, дискурсивной, и социокультурной. Раскрывается значение компенсаторной компетенции как умения переводчика выходить из затруднительных ситуаций

иноязычного общения, сохраняя при этом перевод качественным и адекватным.

Ключевые слова: компетенция, адекватный перевод, коммуникация, стратегия, компенсация, замена, дефицит, языковые средства.

SUMMARY

Zhidenko L. A. On compensatory competence as an integral component of the translator's competence

The article deals with the compensatory competence of the translator as one of the most important components in the process of translation, along with linguistic, sociolinguistic, discursive, and socio-cultural ones. The author reveals the value of compensatory competence as a translator's ability to get out of difficult situations of foreign language communication, while maintaining a high-quality and adequate translation.

Key words: competence, adequate translation, communication, strategy, compensation, replacement, deficit, language means.

*Ю. Ю. Жуков
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'271(811.161.1)(048.3)

ТЕРМИНОСФЕРА «ЗАКОН»: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕЁ ЭЛЕМЕНТОВ

В современной действительности существует несколько языковых способов выражения, передачи и хранения социально значимой информации. Одной из наиболее удобных и полно отображающих явления и понятия единиц языка является термин. Термины как специальные лексические единицы изучаются терминоведением. Цель статьи – осветить вопрос дефиниции терминосферы и её структуры, а также рассмотреть состав и функционирование терминов как элементов терминосферы «закон».

«Терминоведение – самостоятельная научно-прикладная дисциплина, выросшая из лингвистики и впитавшая в себя достижения ряда современных наук и прикладных областей деятельности» [9, с. 6]. Оно изучает происхождение, типы, содержание и функционирование терминов и других специальных лексических единиц. Фактически, «терминоведение – это наука

о терминах и терминосистемах» [7, с. 7]. Основным объектом терминоведения выступает терминология, которая определяет семантику и функционирование терминов. Что касается лексемы терминология, то долгое время она употреблялась в двух значениях: 1) терминология как совокупность слов и словосочетаний, называющих специальные объекты и выражающих специально-профессиональные понятия; 2) терминология – раздел языкознания, изучающий совокупности терминов, их грамматическую организацию и законы функционирования [4, с. 17].

Для дальнейшего рассмотрения исследуемой проблемы целесообразно осветить вопрос дефиниции и подходы к определению термина как объекта исследования в рамках терминоведения, а также вопрос термина как основного элемента терминосистем и терминосфер.

Согласно данным «Лингвистического энциклопедического словаря» под редакцией В.Н. Ярцевой под термином следует понимать «... слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии)» [8, с. 508].

Основоположником русского терминоведения как науки о языковой сущности термина является Д.С. Лотте. Несмотря на разработанность данной проблемы, до сих пор существуют различные точки зрения относительно дефиниции термина и особенностей, критериев, которым должен соответствовать языковой знак как термин, как элемент терминосистемы или терминологии. Для определения основных признаков и характеристик термина следует провести анализ его словарных дефиниций, представленных различными исследователями.

Так, В.И. Кодухов определяет термин как «слово или составное наименование, созданное для обозначения понятия науки и техники, разных областей знания» [6, с. 179]. В свою очередь, М.Н. Володина в работе «Теория терминологической номинации» понимает под термином «... слово или словосочетание специальной сферы употребления, создаваемое (заимствуемое, принимаемое) для точного выражения специальных понятий и основанное на дефиниции.» [3, с. 25]. Другой учёный – К.Я. Авербух – характеризует термин как «... элемент терминологии (терминосистемы), представляющий собой совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальное понятие определенной области знания» [2, с. 131]. Зарубежные исследователи толкуют термин как «... Bezeichnung

für einen Begriff oder Sachverhalt, der nur in einem bestimmten Fach- oder Wissenschaftsbereich Gültigkeit hat.» («... обозначение для понятия или предмета, которое действует только в определенной профессиональной или научной области») [12, с. 270].

Термин как языковой знак призван вербализовать определенный предмет или явление действительности, его задачей является четкое обозначение этого предмета или явления. Определенные области человеческой деятельности и науки используют конкретный набор терминов, который формирует их терминосистему.

При изучении терминосистем применяются методы формальной логики и примыкающие к ним методы информатики, теории классификации, теории графов и общей теории систем (см. работы В.М. Лейчик, Д.С. Лотте, С.Д. Шелова и др.). Под терминосистемой на сегодняшний день обычно понимают «систему терминов какой-либо отдельной науки, области знания, техники и т.д., подчеркнуто манифестируя основной признак терминов – системность» [7, с. 6]. Б.Н. Головин выделяет следующие признаки терминосистемы: 1) терминосистема представляет собой ... совокупность терминов, совместно обслуживающих коммуникативно-тематическое или коммуникативно-ситуативное задание; 2) элементы терминосистемы ... структурно связаны друг с другом и с системой в целом; 3) нет ни одного термина, который не входил бы в ту или иную терминосистему и др. [4, с. 23].

Одним из понятий, соотносимых с понятием терминосистемы, является терминосфера, которое встречается в научной литературе (см. работы Х.А. Акаевой, З.И. Комаровой и др.). Следует отметить, на сегодняшний день что вследствие разной интерпретации не существует общепринятого содержания понятий «терминосфера» и «терминосистема». Во многом это обусловлено разными целями и задачами. Которые стоят перед исследователями, а также научными концепциями и позицией автора. Так, Ш.Н. Абдуллаева отмечает, что в целом можно выделить несколько подходов в интерпретации понятия «терминосфера». Во-первых, отождествление «терминосферы» с «терминосистемой». Во-вторых, наличие более широких, свободных границ у терминосферы, чем у терминосистемы. Так, Ш.Н. Абдуллаева, З.И. Комарова и др. считают, что терминосфера характеризуется большей открытостью своих границ, проницаемостью одной терминосферы в другие, и наоборот. Из этого следует, что терминосфера не является единой терминосистемой, потому что в терминосфере могут находиться несколько терминосистем. В-третьих, терминосфера рассматривается как понятийное пространство или совокупность

понятийных пространств, каждая из которых вбирает в себя как одну, так и несколько терминосистем и терминоподсистем [1, с. 32].

В нашем исследовании мы будем придерживаться употребления лексической единицы «терминосфера» для описания ареала функционирования термина «закон». Такой подход обусловлен как раз теми самыми более свободными границам, рамками, чем таковые присутствуют в терминосистеме либо терминологическом поле (или терминопole). Определяющим фактором при выборе в пользу терминосферы также является то, что в отличие от терминосистемы, которая включает термин «закон», терминосфера позволяет исследовать также взаимопроникновение терминов из других систем в терминосферу «Закон».

Терминосфера «Закон», несмотря на кажущуюся прозрачность и принадлежность только к области юриспруденции, не является абсолютно однородной. Она включает в себя также единицы таких систем, которые связаны с функционированием термина закон в языке науки, культуры и в повседневной жизни. Это, в свою очередь, накладывает определенный отпечаток на структуру терминосферы «Закон».

При моделировании структуры терминосферы «Закон» мы использовали данные «Толково-понятийного словаря русского языка» под редакцией А.А. Шушкова [11], «Юридического энциклопедического словаря» под редакцией А.Я. Сухарева [12], а также данные «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [10]. Основным инструментом при моделировании структуры терминосферы стало выявление терминов, использование которых необходимо для описания деятельности, связанной с функционированием законов, языковых единиц и понятий, которые необходимы для пояснения и описания законов средствами языка.

Принимая во внимание вышеперечисленные факторы, в терминосферу «Закон» входят такие термины юриспруденции, как государство, власть, суд, истина, референдум, общественные отношения, система права. Эти термины являются ключевыми в терминосфере «Закон». В данном ряду термин закон занимает ключевое место, выполняя функции номинации для нормативно-правовых актов государства, т.е. власти. Согласно данным «Юридического энциклопедического словаря», закон – это «нормативный акт, принятый высшим представительным органом гос. власти либо непосредственным волеизъявлением населения и регулирующий наиболее важные общественные отношения» [12, с. 128]. В свою очередь, «закон» является элементом системы права, т.е. «законодательства», выступает

инструментом деятельности суда, государственных органов власти. Закон как термин может восприниматься так же в значении «законодательство», т.е. как совокупность норм и правил, регулирующих общественные отношения.

В терминосферу «Закон» включаются такие термины, как статья, кодекс», «процесс, правоотношения, правомочность. Данная группа терминов характеризует иерархическую структуру терминосферы «Закон», помогает определить направление гиперонимо-гипонимных отношений в рамках терминосферы.

Как видим, обозначенные термины в рамках рассматриваемой терминосферы взаимосвязаны, их используют для пояснения и толкования юридических понятий. При этом одни и те же термины могут выступать как составные элементы систем (закон как часть законодательства), так и объединять под своим началом другие единицы (статьи, параграфы как части законов)

Следующую группу в терминосфере «Закон» образуют термины, которые вербализуют стадии возникновения, разработки, дополнения и упразднения законов. На начальной стадии разработки законов для описания этого процесса применяются термины законопроект, разработка законов, законотворчество, законотворец, законотворческая деятельность, законодатель. На стадии доработки и внесения изменений в законы используются такие термины и терминосочетания, как поправки к закону, отправить закон на доработку. Принятие закона, т.е. вступление его в силу, обозначается терминами принять закон в первом (втором и т.д.) чтении, закон вступает в силу, подписать закон. В дальнейшем своем развитии в терминосфере «Закон» неизбежно выходят на первый план такие термины, как кодекс, ограничение, имплементация, казус. Эти термины позволяют описать функционирование и сферу применения законов на разных уровнях государственной власти.

Если рассматривать структурно-семантическое наполнение терминосферы «Закон», то наибольшее количество её единиц относится к именам существительным (государство, власть, кодекс, суд, имплементация), а также к глаголам и глагольным сочетаниям (легализовать, отменить закон, признать законным). Меньшую по количеству группу составляют имена прилагательные (законный, незаконный). При этом термины характеризуются моносемичностью. Так, например, глаголы-термины и глагольные сочетания типа легализовать, отменить закон, признать законным призваны обеспечить полное, четкое и ясное описание действий, предпринимаемых субъектами и объектами правовой деятельности.

Что касается происхождения языковых знаков терминосферы «Закон», то наше исследование показало, что наряду с терминам русского происхождения (закон, право, уголовный, суд, наследование), значительная часть терминов русскоязычной терминосферы «Закон» заимствована из латыни (конституция, легитимность, патронат, депозит, казус, плебисцит), греческого языка (геноцид), французского (паспорт, денонсация, коносамент) и итальянского (бандитизм) языков. Такой объем заимствованных терминов позволяет сделать вывод об универсальности рассматриваемой терминосферы. Термины вместе с понятиями были заимствованы в русскоязычную терминологию в практически неизменном виде. Таким образом, можно полагать, что на современном этапе область юриспруденции является результатом связей, сотрудничества, применения зарубежного опыта. Большое количество терминов, заимствованных из латыни, объясняются тем фактом, что система права в современном видении сформировалась именно в Римской империи.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что терминосфера «Закон» представляет собой языковую модель определённой отрасли человеческой деятельности, которая имеет такие признаки, как целостность, относительная устойчивость, взаимосвязь с другими терминосферами и открытость границ. Исследуемая терминосфера включает наименования разных видов нормативно-правовых актов, различных форм правового процесса; термины, связанные с практикой и теорией государства и права, сопутствующими аспектами законотворчества и правоправедения. Терминосфера «Закон» – сложное и многогранное явление по охвату материала и по составу терминов. Терминосфера «Закон» представляет научный интерес с точки зрения её системного строения, истории формирования и эволюции, устойчивости и изменчивости, лингвокультурного компонента, что и будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдулаева, Ш. Н. Терминосфера: определения, концепции / Ш. Н. Абдулаева // Филологические науки. – 2016. – С. 27–32.
2. Авербух, К. Я. Общая теория термина / К. Я. Авербух. – Иваново : Изд-во «Ивановский гос. ун-т», 2004. – 252 с.
3. Володина, М. Н. Теория терминологической номинации / М. Н. Володина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 180 с.

4. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. – М. : Высш. шк., 1987. – 104 с.
5. Кияк, Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения : учеб. пособие / Т. Р. Кияк. – Киев : УМК ВО, 1989. – 104 с.
6. Кодухов, В. И. Введение в языкознание : учеб. для студентов пед. ин-тов / В. И. Кодухов ; 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с.
7. Комарова, З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание / З. И. Комарова. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1991. – 155 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
9. Лейчик, В. М. Терминоведение : предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – М. : Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
10. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; Под ред. А. П. Евгеньевой. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/08/ma152942.htm> (дата обращения: 01.09.2020)
11. Шушков, А. А. Толково-понятийный словарь русского языка 605 семантических групп / А. А. Шушков. – М. : Астрель, 2003. – 768 с.
12. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. А. Я. Сухарев ; Редкол. : М. М. Богуславский и др. – 2-е изд., доп. – М. : Сов. энциклопедия, 1987. – 528 с.
13. Kleines Wörterbuch: Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini / Herausgeber Rudi Conrad; Autoren Brigitte Bartschaft, Rudi Conrad, Wolfgang Heinemann et al. – Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1975. – 306 S.

АННОТАЦИЯ

Жуков Ю. Ю. Терминосфера «Закон»: основные характеристики и особенности функционирования элементов

В статье приводятся результаты исследования основных характеристик, структуры, наполнения и особенностей функционирования элементов в терминосфере «закон». Приводятся теоретические и методологические основания, которые позволили провести моделирование структуры терминосферы. Помимо выявления основных элементов терминосферы, приводятся результаты анализа этих элементов с точки зрения лингвистики.

Ключевые слова: термин, терминология, терминосфера, закон, право, юриспруденция.

SUMMARY

Zhukov Iu. Iu. The term-sphere «Law»: the main characteristics and features of the functioning of the elements

The article presents the results of a study of the main characteristics, structure, content and features of the functioning of elements in the term «law». The theoretical and methodological foundations are given, which allowed modeling the structure of the term-sphere. In addition to identifying the main elements of the term-sphere, the results of the analysis of these elements from the point of view of linguistics are presented.

Key words: term, terminology, terminology, law, law, jurisprudence.

*И. Г. Коловерова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 811.133.1':811.134.2(045)

**ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
НА СОВРЕМЕННЫЙ ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК**

Распространение французского языка за пределы своих природных границ, без сомнения, является одним из значимых событий в истории Франции и тесно связано с политическими событиями, экономическим, торговым сотрудничеством, обменом культурными ценностями, которые отметили связи между этой страной и другими странами Европы со времен средневековья до современности. Несмотря на то, что речь идет о постоянных неразрывных отношениях, можно выделить три периода наибольшей интенсивности, которые и соответствуют трем разным периодам влияния:

1. Средневековая эпоха, когда французская экспансия была одновременно и политической, и военной, и культурной.

2. XVII и XVIII века, во времена которых французский язык не только превращается в наиболее престижный язык старого континента, но и «все французское» становится модным.

3. И XIX век, в котором влияние этого языка имеет место, прежде всего в политической и технологической сферах.

Хотя и неоспоримо, что это влияние начинает уменьшаться после Второй мировой войны перед натиском английского языка, пришедшего, коренным образом, из США, не менее верно и то, что сегодня французский язык все еще является «лингва франка» во многих сферах, особенно в области дипломатии, в общественной жизни, в одежде, в гастрономии и в интерьере.

Также необходимо помнить, что, хотя в 1970-х годах на смену преподаванию французского в качестве первого языка приходит английский, возобновленное значение Европейского Союза, недавнее включение или предстоящее присоединение новых государств, таких как Румыния, где французский язык находится в привилегированном положении как язык культуры, заставило вернуть ему утраченный статус. Нельзя забывать и о том, что он является одним из официальных и рабочих языков крупных международных организаций, таких как ООН, НАТО и ЮНЕСКО, а также Исламской конференции и Лиги арабских государств.

Что касается конкретного случая отпечатков французского языка в испанском языке, то здесь вмешиваются те же самые вышеупомянутые факторы. Таким образом, проникновение французских слов в испанский язык начинается в эпоху средневековья и усиливается в XVII веке, достигается своего пика в следующих столетиях.

Стоит признать, что импортирование французских слов в настоящее время затмевается вторжением англицизмов. Однако, следует принять во внимание, что многие английские слова пришли из Франции, и многие испанские семантические инновации калькируют французские.

На основании вышеизложенного мы можем утверждать, что французский язык не перестал пополнять испанский.

Цель данного исследования как раз и состоит в том, чтобы проанализировать сферу действия французского языка в системе современного испанского языка, путем группирования и исследования испанских галицизмов по типу имевших место интерференций. Таким образом, мы вычленили четыре вида лингвистических заимствований: лексическое заимствование, калькирование, семантическое и грамматическое заимствования.

Рассмотрим ряд примеров. Хорошо известными в испанском языке являются такие явные лексические заимствования, как *boîte*, *reentrée* и кулинарные термины *brut* и *quiche*.

В словарном запасе испанского языка, *boîte* – это французское слово, которое служит для того, чтобы обозначить «зал для вечеринок или ночной клуб». Испанская Академия вносит его в издание 2001 г. своего нормативного словаря, в то время как другие неофициальные справочники (*Diccionario de Uso Español* (DUE) 1998) записали его немного раньше, пометив его как ненужный галицизм. Что касается мелких источников, то, например, Словарь иностранных выражений Грегорио Довалья добавляет, что это было новомодным определением в Испании в шестидесятые годы, но сейчас оно уже вышло из обихода. Во

французском языке, в дополнение к своему прямому значению «коробка», это слово применяется с 1860 года к обозначению «любого типа дома или помещения» а, начиная с 1918 года, в выражении “*Boote de nuit*”, как «центр ночных развлечений».

Наш второй пример, существительное *reentrée*, не появляется в академических словарях, хотя другие толковые словари включают его в значении «возвращение, именно после летнего отпуска». Также многие источники специфического характера, такие как, например, Словарь иностранных слов, принимают его как галлицизм «повторного включения в состав, возвращения», в зависимости от ситуации. Первоначальным словом этого существительного является субстантивированное причастие глагола *rentrer*, которое в этом значении подтверждается документами во французском языке еще в XIII веке, тогда как в переносном значении «возвращение, повторное открытие» оно регистрируется, только начиная с 1718 года.

Слово *brut* в испанском языке имеет два значения:

- шампанское или игристый напиток, который в своем составе содержит менее 2% сахара;
- естественный, природный, без исправлений и прикрас.

Его введение в лексику испанского языка позднее: с 1995 года это слово появляется в списке Словаря иностранных выражений Г. Доваля и в Словаре иностранных слов и выражений Артуро Хойо; чуть позднее в словарях обиходной лексики; и только с 2001 года оно появляется в Словаре Королевской испанской академии.

Нечто подобное произошло и с другим гастрономическим термином, существительным *quiche*, первое появление которого в испанских лексикографических источниках (Словарь испанских выражений Доваля) датируется лишь 1996 годом.

Что касается ассимилированных галлицизмов, которые уже никто таковыми не считает, даже этимологи, стоит назвать следующие: *chándal*, *féerico*, *leotardo* и *mascota*.

Первый из приведенных примеров *chándal* происходит от французского слова *chandail*, которое является народной аббревиатурой от французского *[mar]chand d'ail*, определения, данного с 1894 года свитеру, который носили продавцы овощей на центральном рынке Парижа. На сегодняшний день во французском языке это слово имеет значение «крупный шерстяной трикотаж, надеваемый через голову», в то время как в испанском языке обозначает «спортивный костюм» или «бег», из чего мы можем сделать вывод, что в испанском языке это французское слово приобрело новое значение, не сохранив оригинальное.

Другим примером, который показался нам иллюстративным, является прилагательное *feérico*, которое намекает на что-то «принадлежащее или относящееся к феям». Речь идет о заимствовании от французского слова *féerique*, производного от *féerie* и задокументированного в языке с 1828 года. Испанская академия вводит этот термин как галлицизм в свой Учебный словарь в 1927 году, хотя и не включает его в свои обычные справочники до 2001 года.

Еще одно существительное *leotardo*, обычно употребляемое во множественном числе, происходит от французского *léotard*, производного от фамилии создателя этой одежды французского акробата Жюль Леотара, которому также принадлежит изобретение трапеции. В испанском языке это слово появляется в восьмидесятые годы прошлого столетия, как это показывает его регистрация в *Diccionario Milenario* в издании 1983 года.

И последний пример лексического заимствования, который мы предлагаем, это *mascota*, с его двумя значениями:

- человек, животное или вещь, которая служит талисманом, приносящим удачу;
- домашнее животное.

Испанский язык заимствует его от французского слова *mascotte*, позднее заимствование от провансальского *mascoto* «колдовство», которое распространилось с 1880 года благодаря оперетте композитора Эдмона Одрана «*La Mascotte*».

Другим способом лингвистического импорта, который можно выделить, является калька, способ, который заключается в дословном переводе простых или сложных лексических единиц с другого иностранного языка. В этом случае интерференции копируется первоначальное значение слова из другого языка с уже существующими в родном языке значениями. Однако в данном случае внешнее влияние на значение слова ограничено и не вводится в лексику получателя как новое слово. Некоторые ученые считают такую интерференцию частичной, называя ее «невидимое иностранное слово» или «скрытое импортирование» и рассматривают ее как более тонкий и менее заметный вид лингвистического влияния.

Одним из примеров калькирования можно назвать термин *burdeos*, который обозначает темно-гранатовый цвет и является калькой французского слова *bordeaux*, производного, в свою очередь, от топонима *Bordeaux*. Французское слово употребляется как прилагательное в обозначении цвета с 1908 года, в то время как в испанском языке оно не регистрируется до 1983 года. Другим примером этого вида интерференции является номинальная синтагма *falso amigo*, в которой каждое из двух слов, принадлежащих к двум разным языкам, ассимилируется по

форме, но отличается по значению. За основу взята французская конструкция *faux amis*, которая впервые была использована Максимом Кесслером и Жюлем Дероквиньи в 1928 году в их работе «Ложные друзья переводчика в английском языке» (*Les faux amis ou les trahisons du vocabulaire anglais*). Хотя ни один нормативный словарь испанского языка не считает эту сложную структуру пришедшей из французского языка, мы считаем, что это так, так как, вопреки некоторым мнениям, это английское выражение *false friend*, которое скалькировано из французского. И, наконец, хотелось бы обратить внимание еще на один пример. Это адвербиальное устойчивое выражение *por contra*, которое в значении «наоборот, с другой стороны» фигурирует во многих испанских справочниках, а также в многочисленных специальных лексикографических источниках, как галлицизм, переведенный с французского *par contre*.

Третьим способом заимствования, выделенного нами в исследовании, является семантическое заимствование или семантическая калька, когда исконное слово приобретает иностранное значение. Этот вид интерференции часто является результатом формального сходства между иностранным словом и словом, которое приобретает новое значение, что заставляет некоторых исследователей называть его «скрытым заимствованием». Одним из примеров такого заимствования может быть глагол *observar*, который получил из французского языка новое значение «отмечать, делать пометки». Другой пример такого заимствования – существительное *restauración*, которое относительно недавно получило новое значение из французского языка «сфера деятельности человека, который имеет ресторан».

И последний, четвертый способ лингвистической трансференции, менее привычный, составляют грамматические заимствования. Этот вид заимствований обычно не фигурирует в словарях, им занимаются только грамматики. Среди них стоит выделить употребление предлога *a* в значении предлога *de* перед такими существительными, как *dolor* или *ataque*. Или употребление этого самого предлога вместо *por* или *para*, когда ему предшествует существительное, а за ним следует глагол, как, например *el papel a firmar*.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что в последнее время частота заимствований из французского языка снизилась, интенсивность и непрерывность влияния французской цивилизации на испанский язык сохраняется, и экстралингвистические отношения между двумя странами продолжают представлять привилегированный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. С. Лексикология испанского языка: Учебник / В. С. Виноградов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2003. – 244 с.
2. Виноградов, В. А. Интерференция // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
3. Скредина, Л. М. История французского языка / Л. М. Скредина. – М. : Высш. шк., 1972. – 280 с.
4. Castillo Fadic, N. El préstamo léxico y su adaptación: un problema lingüístico y cultural / Fadic N. Castillo. – Santiago de Chile: Pontificia Universidad Católica de Chile, 2002. – P. 469–496.
5. Clave. Diccionario de uso del español actual [Электронный ресурс]. – URL : <http://clave.smdiccionarios.com/app.php>. – (дата обращения: 21.05.2020)
6. Moliner, María Diccionario de uso del español / María Moliner. – Madrid: Gredos, 2016. – 2280 p.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Влияние французского языка на современный испанский язык

Цель статьи – проанализировать сферу действия французского языка в системе современного испанского языка, путем группирования и исследования испанских галлицизмов по типу имевших место интерференций.

Ключевые слова: влияние, заимствование, галлицизм.

SUMMARY

Kolovyverova I. G. Influence of the French language on the modern Spanish language

The objective of this article is to analyze the scope of the French language in the system of modern Spanish, by grouping and researching Spanish Gallicisms by the type of interferences on the record.

Key words: influence, borrowing, animalistic Gallicism.

Е. В. Соловцова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 81'367+81'37 (045)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЭКСПЛИКАЦИЕЙ СОВЕТА

Исследование семантики предложения является одной из актуальных задач современной синтаксической науки, поскольку «система моделей предложений в целом отражает общую модель языкового видения человеком мира» [2, с. 3]. Обозначенная проблематика предполагает анализ семантики предложения и возможностей ее синтаксической реализации. Изучение семантической организации предложения представлено рядом научных подходов и концепций, в частности исследованиями Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Г. Г. Сильницкого, Л. Теньера, Ч. Филлмора, Н. Хомского, Н. Ю. Шведовой.

Несмотря на то, что в настоящее время проблема побудительности изучена достаточно широко, семантические модели предложений с предикатами, выраженными директивными перформативными глаголами (далее – ДПГ), исследованы недостаточно, важным является анализ их постоянных и факультативных составляющих, а также особенностей лексико-синтаксической репрезентации. Поэтому существует необходимость более глубокого исследования данной проблематики, в частности предложений с ДПГ совета. Цель исследования – проанализировать особенности синтаксической организации директивных перформативных предложений с интенцией совета.

Объект анализа – конструкции с директивным значением, содержащие в позиции предиката директивные перформативные глаголы совета. Предмет исследования – лексико-синтаксические репрезентации семантической модели класса перформативных предложений с интенцией совета. Материал исследования составляют ДПГ и предложения с такими глаголами в качестве предикатов, извлеченные из газетного подкорпуса НКРЯ.

Основой семантико-прагматического явления перформативности является концепция, согласно которой произнести что-либо значит осуществить действие, а произнести высказывание с какой-либо целью (интенцией) означает осуществить действие с определенным эффектом [3, с. 29]. Идеи Дж. Остина послужили основой развития теории перформативности в современной лингвистике. С

распространением положений синтаксической семантики явление перформативности приобрело междисциплинарный характер.

При идентификации перформативных глаголов принимается во внимание главным образом грамматическая форма, а именно связь свойства перформативности со стандартной перформативной формулой (первое лицо единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения действительного залога). С учетом того, что семантическая структура предложения во многом определяется семантикой и функционированием глагола-предиката, важным представляется необходимость изучения семантики именно этого компонента предложения, поскольку еще В. В. Виноградов обратил внимание на такую особенность глагольного предиката, как его «конструктивность» [1, с. 337], то есть способность отображения целой ситуации в семантике глагола в «свернутом» виде.

Директивы представляют одну из самых многочисленных групп перформативных высказываний. Их общая иллокутивная цель – побудить слушателя выполнить действие, представленное в пропозиции. Директивный перформатив как базовый компонент перформативного высказывания выражает волеизъявление адресанта, направленное на каузацию деятельности адресата [4, с. 374].

Интенционально-семантическая группа ДПГ совета объединяет глаголы с инвариантным семантическим значением – общей семой «давать совет», ядром является перформативный глагол советовать, периферией – глаголы рекомендовать, предлагать, призывать, предупреждать, предостерегать.

Описание синтаксических формул директивных перформативных высказываний с экспликацией совета предполагает прежде всего исследование диктумной части перформативной модели, которая раскрывает суть предполагаемого действия продуцента высказывания (компонента намерения). При этом модусная часть перформативного высказывания является преимущественно константной и содержит директивный перформативный глагол в его классической форме (х), личное местоимение 1-го лица единственного числа как компоненту продуцента высказывания и местоимение или существительное в дательном падеже как компоненты адресата.

Наиболее распространенными типами синтаксических моделей, которые были зафиксированы в газетном подкорпусе НКРЯ, являются:

1) “Я х + инфинитив”: Поэтому я **советую** посмотреть нашу версию спектакля, чтобы насладиться истинным искусством [В. Иванова. Квазимодо похож на меня // Известия, 2012.10.30]; Я **предлагаю** коллегам принять постановление, согласно которому защита традиционных нравственных ценностей является неизменным приоритетом в деятельности Государственной думы [Е. Теслова. Нравственность в интернете защитят с помощью «горячих линий» // Известия, 2014.04.17]; Чтобы избежать таких ситуаций, я **рекомендую** выключать телефон перед сном или, по крайней мере, на ночь оставлять его подальше от кровати [С. Кузина. Звонит телефон? Это фантом! // Комсомольская правда, 2012.10.15]; Г-н Толстых, **советую** вспомнить проявленное тобою хамство и грубость в адрес футбольного арбитра Юрия Ключникова [С. Иванов. Члены расформированного Экспертного совета по договорнякам написали для Толстых «Детективную повесть» // Советский спорт, 2013.07.25];

2) “Я х + существительное”: А я **предлагаю** механизм правоприменения, который не потребует изменения законодательства, но точно даст результат [П. Козлов. Главу МВД просят возродить УБХСС // Известия, 2013.11.08]; И если у вас действительно не сложится, я вам **предлагаю** программу на Первом канале оздоровительную. Знаете, как с Еленой Малышевой, что-то наподобие [Ю. Левин. Геннадий Онищенко: «Я иллюзий не питаю, у меня достаточно недоброжелателей» // Комсомольская правда, 2013.10.23]; Очень **рекомендую** издание, которое включает большую главу, описывающую молодые годы Ипполита Матвеевича, ее нет в «каноническом» тексте «12 стульев» [С. Мазурова. «Не предполагал, что 70% молодежи не знает об Ильфе и Петрове» // Известия, 2013.10.02]; Очень **советую** шапки – у малышей легко простужаются уши на холодном ветру [А. Дектярева. Одевайте первоклашек потеплее! // Комсомольская правда, 2008.08.30];

3) “Я х + императивная глагольная форма”: Я **советую** сегодня всем политикам: давайте изменим тональность общения, нельзя переходить на личные оскорбления, которые иногда проскальзывают [М. Рябов. «Регионалы» признались, что готовы к союзу с БЮТ после президентских выборов // Новый регион 2, 2009.09.03]; **Советую** всем девушкам: оглянитесь вокруг себя, присмотритесь внимательнее, может, в робком юноше, который находится рядом с вами, найдете настоящую любовь [А. Заозерская. Зара: «Сережа – он мой родненький, и этим все сказано» // Труд–7, 2009.06.04]; А я вам **советую** – не пишите об этом, и люди лишний раз не задумаются о суициде [Д. Климов. Почему в России стало больше самоубийств? //

Комсомольская правда, 2008.12.24]; Я еще раз **предупреждаю**, прекратите практику перевода сотрудников из регионов, где работали... [И. Петров. Московскую полицию ждет инспекция после скандала в Бирюлеве // РБК Дейли, 2014.01.28];

4) односоставные определенно-личные предложения с предикатом совета: Лучше приду в отель, включу телевизор и буду смотреть фильмы про войну. И вам советую. А соперникам без разницы [Д. Пономаренко. Вячеслав Быков: «Что мне, другую команду из России вызывать?» // Советский спорт, 2011.05.09]; Бармену еще больше рассказывают, чем таксисту. **Рекомендую!** [З. Радов. Норвежский премьер освоил профессию таксиста // Комсомольская правда, 2013.08.12]; Такой подход к поездкам имеет свои прелести: не надо думать, просто делай, как самый крутой авторитет, и уж точно, получишь полное право спренебрежительной ухмылкой сообщить знакомым: да отдыхал, как сам крутейший, и ты знаешь очень неплохо! **Рекомендую!** [Т. Огородникова. «Помирать веселее на экваторе» или чем руководствуются люди, раздумывая о зимних каникулах // Комсомольская правда, 2013.01.16]; Полезная штука – перечитывать книги спустя несколько лет. **Рекомендую!** [А. Боярский. Безработные тренеры. Полководцы на привале // Советский спорт, 2010.01.26].

В анализируемых предложениях перформатив употребляется как базовый компонент односоставного определенно-личного предложения (чаще нераспространенного). При этом диктумная часть, характерная для классической структуры перформативного высказывания, содержится в предыдущем предложении.

5) бессоюзные сложные предложения, вторая часть которых раскрывает содержание речевого акта совета, эксплицированного директивным перформативным предикатом: Но как врач я в любом случае **советую**: перед сном не нужно долго просиживать за компьютером [А. Милкус. Почему смартфоны и планшеты не дают уснуть? // Комсомольская правда, 2012.09.04]; И **предостерегаю** других: допинг – это путь к бесславию, к печали и болям [Г. Швец. Всегда виноват кто-то другой? Полемические заметки по следам громкого интервью чемпионки // Советский спорт, 2009.09.25]; Я вам сразу **рекомендую**: не должно быть бессрочных договоров. Чтобы у вас было право ежегодно проводить конкурс по выбору компании [В. Рукобратский. Руководитель Федерального агентства по строительству и ЖКХ Сергей Круглик: «Квартплату можно снизить на 30%» // Комсомольская правда, 2006.02.08].

Нечастотными являются модели, в которых валентность содержания перформативного предиката совета раскрывается

(6) последующим предложением, оформленным как прямая речь: **Советую**: «Если неспросят – не говорите об аспирантуре». Дело в том, что при всей серьезности аспирантской деятельности коммерческой компании не нужен ученый [В. Поляков. Когда стоит занижать свои способности и достижения на собеседовании // Труд–7, 2009.05.27]; (7) двусоставные предложения, содержание директивного предиката которых раскрывается предшествующим предложением: А вот купание в проруби – это просто интересно и хорошо. Я и вам **советую** [В. Басов. Дмитрий Хворостовский: «Репертуар Большого театра давно стоит изменить» // Комсомольская правда, 2013.06.23]; Но когда узнал, что промывка скорее вредна, чем полезна, а двигатель любит одно и тоже масло, стал привязывать под капотом картонные бирки со всей информацией: пробег, марка залитого масла, какие фильтры заменены – как на цивилизованном Западе. Что я и вам **советую** [Ю. Гейко. Снимай шипы, весна настала! // Комсомольская правда, 2003.04.09].

8) “Я х + придаточное изъяснительное, вводимое союзом что”: Но я **советую**, что нужно вам создавать тренерскую школу. И больше доверять своим, русским наставникам [П. Лысенков. Милош Ржига: «Русские, доверяйте своим тренерам!» // Советский спорт, 2011.05.03]; Так что, дорогие папарацци, лучше к нам не суйтесь, **предупреждаю**, что возможны последствия... [М. Резинова. Сергей Светлаков: «Нашу свадьбу отпразднуем три раза» // Комсомольская правда, 2013.10.17].

При директивных перформативных предикатах совета любой из проанализированных синтаксических моделей часто употребляются распространители со значением качественной характеристики (например, очень, крайне, настойчиво, настоятельно, категорически т. п.), которые способствуют интенсификации иллокутивной силы высказывания, подчеркивая категоричность адресанта, его попытку быть более убедительным в отношении адресата: Я настоятельно теперь **советую** следственным органам шире применять домашний арест к фигурантам коррупционных дел [Д. Завгородняя. Евгении Васильевой прочат славу Ильи Глазунова и Никаса Сафронова // Комсомольская правда, 2014.07.11]; Очень **советую** не лететь в Египет [Ю. Смирнова. Россияне улетают из Египта обычными чартерами. Но план эвакуации готов // Комсомольская правда, 2013.08.21]; Настоятельно рекомендую: почитайте ее произведения и, ей богу, не пожалеете! [А. Галеев. Мнения участников «Тотального диктанта»: «Это была пошлая пиар-акция «писательницы» Дины Рубиной» // Комсомольская правда, 2013.04.07]; Вообще пчеловодство становится у нас в

Южной Калифорнии очень распространенным хобби. Крайне **рекомендую** [А. Липатов. «Музыка – не работа, а то, что поглощает тебя целиком» // Известия, 2014.04.25]; Категорически **предостерегаю** манипулировать этими цифрами! [С. Семушкин. Глава МВД Владимир Колокольцев: «Какая может быть длительная проверка, когда пьяный сотрудник совершил ДТП?» // Комсомольская правда, 2012.05.30]; Я решительно **рекомендую**, чтобы министры Райси Гейтс вместе со своими российскими коллегами выступили с новым пакетом инициатив [А. Орлов. Путин и Буш еще могут улучшить отношения России и США // РИА Новости, 2007.10.08]; Спорные дела могут разбираться в арбитражном суде. Настоятельно **советую** в крупные контракты включать их [О. Петрова. На международном семинаре в Мурманске обсуждали, как построить бизнес без коррупции // Комсомольская правда, 2010.12.18].

Таким образом, директивная перформативная пропозиция обусловлена иллокутивной целью, которая эксплицируется директивными перформативными предложениями различной структуры. Способы интерпретации директивной пропозиции обусловлены постпозитивными распространителями, на базе которых и выделяются основные синтаксические модели предложений, являющиеся производными от полной формы директивного перформативного высказывания – сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным, вводимым союзом чтобы. Однако отметим, что для анализируемого типа перформативных высказываний данная модель не является частотной, зафиксированы лишь единичные примеры ее реализации в газетном подкорпусе НКРЯ. При этом наиболее распространенной является синтаксическая модель директивных перформативных предложений совета “Я х + **инфинитив**”, в состав которой входит дополнение изъяснительной семантики, выраженное инфинитивом, являющееся результатом объединения модуса и диктума высказывания в рамках простого предложения. Следующими по частотности употребления являются модели “Я х + существительное” и “Я х + **императивная глагольная форма**”. Распространители при директивных перформативных предикатах используются для усиления иллокуции высказывания.

Перспективы и дальнейшие векторы исследования. Научно перспективным для развития темы представляется дальнейшее детальное изучение семантических моделей перформативных предложений различного типа директивной интенции, а также исследование лексико-синтаксических способов их репрезентации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1972. – 720 с.
2. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 524 с.
3. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов: [сборник / под общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
4. Lyons, J. Semantics / J. Lyons. – Cambridge : University Press, 1977. – Vol. 2 (XIV). – P. 374–377.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Синтаксические модели перформативных предложений с экспликацией совета

В статье проанализированы синтаксические способы репрезентации перформативных высказываний, ядерным компонентом которых являются директивные перформативные предикаты совета. Рассмотрены базовые интенсификаторы при директивных перформативных предикатах, эксплицирующих совет.

Ключевые слова: диктум, директивный перформатив, интенсификатор, интенция, синтаксическая модель.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Syntactic models of the performative sentences with intention of advice

The article deals with the investigation of syntactic means of representation of the performative utterances which contain directive performative predicates of advice as their core components. The basic intensifiers of directive performative predicates of advice are analyzed.

Key words: dictum, directive performative, intensifier, intention, syntactic model.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»

Уважаемые коллеги,
приглашаем вас принять участие в создании очередных выпусков сборника научных трудов «**Восточнославянская филология**» – «**East Slavic Philology**» (серии «Литературоведение» и «Языкознание»).

Проблематика сборника включает историко-литературные и теоретические аспекты развития восточнославянских и европейских литератур в контексте функционирования мирового литературного процесса, а также синхронические и диахронические параметры существования восточнославянских и европейских языков. Сборник посвящён исследованию актуальных проблем филологии и предназначен для научных работников, специалистов-филологов, аспирантов, студентов-филологов, преподавателей литературы и языков в школе.

Научные направления издания:

10 Филологические науки

10.01 Литературоведение

10.02 Языкознание

13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания

Рабочие языки сборника – русский, украинский, белорусский, польский, английский, французский, немецкий, испанский.

Главный редактор сборника – д. филол. н., проф. Кочетова Светлана Александровна.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Горловский институт иностранных языков» Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики.

Издание основано в 2002 году.

Периодичность издания – 4 раза в год: два раза в год выпуск каждой серии (выпуски формируются до 1 июня и до 1 декабря).

Международный стандартный номер сериального издания: ISSN 1992-9196.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР: ААА № 000059 от 28.10.2016.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016.

Адрес страницы в сети Интернет, где размещена бесплатная полнотекстовая версия научного издания: <http://gifl1949.ru/otdelnauchnoj-raboty/nauchnye-izdaniya/sborniki>.

Электронная почта редакции научного издания:

GIFL1949ESPh@yandex.ru

Юридический адрес ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»: ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, д. 25.

Редакция будет благодарна тем, кто придерживается следующих правил оформления статей:

- объём – 6-12 страниц через 1,5 интервал (формат А4);
- шрифт Times New Roman, кегль 14;
- абзац – 1,25 см; все поля – 2 см (страницы не нумеруются);
- сноски оформляются: [4, с. 124], где первая цифра – номер источника из списка используемой литературы, составленного по алфавиту, а вторая – номер страницы; автоматические сноски не допускаются. После текста статьи подаются аннотации на русском и английском языках (до 500 знаков) с названием статьи и ключевыми словами;
- примеры подаются курсивом;
- текст печатается без переносов.

Материалы, оформленные без учёта требований, не принимаются.

В редколлегию подаются: 1) по электронной почте высылается текст статьи с аннотациями, данными об авторе на русском и английском языках (ФИО, место работы, должность, учёные степень, звание, контактная информация: e-mail), сохранёнными в RTF; 2) для тех, кто не имеет учёной степени, необходима отсканированная рецензия научного руководителя или консультанта.

Редакционная коллегия сборника осуществляет рецензирование научных работ. На основании выводов рецензентов редакция вправе принять к опубликованию, направить на доработку или отклонить присланные авторами материалы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авксентьева Анжелика Муллануровна – преподаватель кафедры второго иностранного языка ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Баранова Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Воеводина Ангелина Васильевна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия»;

Волкова Наталья Валериевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой второго иностранного языка, доцент кафедры второго иностранного языка ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Герасименко Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru) ФГБОУ ВПО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (г. Рязань, РФ);

Дмитриева Юлия Леонидовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Досычева Марина Андреевна – руководитель клуба «Полиглот» МУДО «Горловский городской дворец детского и юношеского творчества»;

Жиденко Лариса Ароновна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жихарева Наталия Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры второго иностранного языка, декан филологического факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

Жуков Юрий Юрьевич – преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Иванова Наталья Анатольевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Ивахненко Марина Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Каверина Ольга Геннадиевна** – доктор педагогических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой английского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет»;
- Калинкин Валерий Михайлович** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Коловерова Ирина Геннадиевна** – старший преподаватель кафедры второго иностранного языка ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Колода Светлана Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент факультета русского языка, Институт иностранных языков, Юго-Западный университет (Чунцин, КНР);
- Лешкова Наталья Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Минина Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Мухина Дарья Сергеевна** – аспирант кафедры общего языкознания и славянских языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Николашина Екатерина Анатольевна** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина» (Рязань, РФ);
- Папиж Мария Вячеславовна** – магистрант II года обучения филологического факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Рочняк Елена Владимировна** – кандидат философских наук, доцент кафедры романо-германский языков ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;

- Санченко Евгения Николаевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко» (г. Луганск, ЛНР);
- Сирота Татьяна Анатольевна** – аспирант, преподаватель кафедры английского языка для естественных и гуманитарных специальностей ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»;
- Соловцова Елена Валериевна** – преподаватель кафедры второго иностранного языка ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Фефелова Виктория Валентиновна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Филатова Виктория Алексеевна** – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»;
- Фомина Светлана Борисовна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «Донбасский государственный технический университет» (г. Алчевск, ЛНР);
- Штакина Людмила Александровна** – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Avksenteva Anzhelika Mullanurovna** – Instructor of the Second Foreign Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dmitrieva Julia Leonidovna** – Candidate of Philology, Lecturer of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Dosycheva Maryna Andreevna** – Teacher of a circle of the French language of MUDO Gorlovka City Palace of Children's and Youthful Creativity;

- Fefelova Victoria Valentinovna** – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages»;
- Filatova Viktoriya Alekseyevna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Fomina Svetlana Borisovna** – PhD in Philological sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation and Linguistics of State Educational Institution of Higher Education of Lugansk People's Republic «Donbass State Technical University» (Alchevsk, LPR);
- Gerasimenko Irina Anatolievna** – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Golodov Aleksandr Georgievich** – Doctor of Philology, Professor of the Department of Germanic Languages and Methods of Teaching Them, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» (Ryazan, Russian Federation);
- Ivanova Natalia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Ivakhnenko Marina Nikolayevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kalinkin Valeriy Mikhailovich** – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;

- Koloverova Irina Gennadievna** – Senior Lecturer of the Second Foreign Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Kaverina Olga Gennadievna** – Doctor of Pedagogic Sciences, Professor of the English Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National Technical University»;
- Leshkova Natalya Viktorovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Minina Yelena Vladimirovna** – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Mukhina Daria Sergeevna** – Postgraduate student of the Department of General Linguistics and Slavic Languages of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Nikolashina Ekaterina Anatolievna** – Senior Lecturer of Foreign Languages Chair, History and International Relations Faculty of Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» (Ryazan, Russian Federation);
- Papizh Maria Vyacheslavovna** – 2-nd year Master's student of the Philological Faculty of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Rochnjak Elena Vladimirovna** – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology, State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages»;
- Sanchenko Evgeniya Nikolaevna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education of Lugansk People's Republic «Lugansk Taras Shevchenko National University» (Lugansk, LPR);

- Sirota Tatyana Anatolivna** – Postgraduate student, Lecturer of English for Humanities and Sciences Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University»;
- Shtakina Lyudmila Aleksandrovna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the English Philology Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Solovtsova Elena Valerievna** – Instructor of the Second Foreign Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Voyevodina Angelina Vasilievna** – Candidate of Philology, Head of the Department of Language Training of State Educational Institution of Higher Professional Education «Donbass Law Academy»;
- Volkova Natalia Valerievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Second Foreign Language Department of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhidenko Larisa Aronovna** – Senior Lecturer, Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhikhareva Nataliia Anatolievna** – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Second Foreign Language Department, Dean of Philological Faculty of State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute for Foreign Languages»;
- Zhukov Iurii Iurievich** – Lecturer of the Department of Romance and Germanic Philology, State Educational Institution of Higher Professional Education «Gorlovka Institute of Foreign Languages».

СОДЕРЖАНИЕ

- Герасименко И. А.*
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЧАСТНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ О РАБОТЕ В СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ РЕСУРСАХ ДОНЕЦКОГО КРАЯ 3
- Голодов А. Г.*
ИМПЛИЦИТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТРОПОНИМА «ГИТЛЕР» В КАЧЕСТВЕ УНИВЕРСАЛЬНОГО НЕГАТИВНОГО ЯРЛЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ МАССОВОЙ ПРЕССЫ) 10
- Каверина О. Г., Сирота Т. А.*
ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УМЕНИЙ У БУДУЩИХ ЖУРНАЛИСТОВ 23
- Калинкин В. М.*
МИФОМЫШЛЕНИЕ – МИФОТВОРЧЕСТВО – МИФОПОЭТИКА: АРХАИЧЕСКИЙ ЭТАП ГЕНЕЗИСА ПРОПРИАЛЬНОСТИ 29
- Воеводина А. В.*
МИФОНИМЫ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ 43
- Волкова Н. В.*
СПЕЦИФИКА ЛАТИНСКОЙ ПРИСТАВКИ SUPER- В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ СЛОВООБРАЗОВАНИИ 52
- Дмитриева Ю. Л.*
СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА КУЛЬТУРЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА .. 60
- Жихарева Н. А.*
ИМПЛИЦИТНЫЕ И ПОЛУИМПЛИЦИТНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ 68
- Жихарева Н. А., Мухина Д. С.*
АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ДИСКУРСИВНЫХ АКТОВ В ДРАМЕ ЕЛЕНА ИСАЕВОЙ «ТРЕТЬЕКЛАССНИК АЛЁША» 78
- Иванова Н. А.*
ЯВЛЕНИЕ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПЕРЕВОДЕ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ 83

Ивахненко М. Н. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДАЧИ ЭМОТИВНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	92
Колода С. А. СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РЕКЛАМЕ НА КИТАЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ	99
Лешкова Н. В. СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ РЕАЛИЗАЦИИ ФИДЕИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ	105
Минина Е. В. РУССКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПОЭТОНИМИКОНЕ КЕНА ФЛЛЕТТА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «ГИБЕЛЬ ГИГАНТОВ»)	113
Николашина Е. А. ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ ПЕРЕВОДУ	118
Рочняк Е. В. ПОНЯТИЕ «АНГЛИЦИЗМ» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ТИПЫ	124
Санченко Е. Н. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АУДИОВИЗУАЛЬНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ «HOUSE, M.D.» («ДОКТОР ХАУС»): ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ	130
Филатова В. А. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ДНЕВНИКА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	138
Фефелова В. В., Папиж М. В. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ТЕКСТАХ ФРАНКОЯЗЫЧНОЙ ТУРИСТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ	147
Фомина С. Б. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ И СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	155

Штакина Л. А. СЕМАНТИКО-ВРЕМЕННАЯ РИТМИЗАЦИЯ АВТОРСКОГО ЗАМЫСЛА	160
Авксентьева А. М. ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИЙНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ	173
Баранова О. И. ПОЛИКОДОВЫЕ ТЕКСТЫ В УЧЕБНОЙ КОММУНИКАЦИИ	176
Досычева М. А. ОСОБЕННОСТИ ДИСТАНЦИОННОГО ПРЕПОДАВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО В УСЛОВИЯХ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЕЙ	183
Жиденко Л. А. О КОМПЕНСАТОРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА	192
Жуков Ю. Ю. ТЕРМИНОСФЕРА «ЗАКОН»: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЕЁ ЭЛЕМЕНТОВ	197
Коловерова И. Г. ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННЫЙ ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК	204
Соловцова Е. В. СИНТАКСИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЭКСПЛИКАЦИЕЙ СОВЕТА	210
ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ»	217
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	219
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	221

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск десятый (тридцать шестой)
Языкознание

Главный редактор С. А. Кочетова
Технический редактор А. М. Калашников
Компьютерная вёрстка и макетирование
Е. С. Шалыгиной
Корректоры: Н. А. Жихарева,
О. Т. Захарова

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 20.07.2020.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 12,19. Уч.-изд. л. – 14,25.
Усл.-изд. л. – 13,25.
Тираж 300 экз. Зак. № 33.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25